

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2026
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 2 (605) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Дмитрий Николаевич Узнадзе* (1886–1950), грузинский и советский психолог и философ.

Дмитрий Николаевич родился в простой крестьянской семье в Кутаисской губернии, в селе Сакара (Грузия). Из-за участия в революции 1905 года его исключили из последнего класса гимназии, и он сбежал в Швейцарию, а потом переехал в Германию, где учился вместе с Вильгельмом Вундтом в Лейпцигском университете. Степень доктора философии он получил, написав диссертацию на тему «Владимир Соловьев: эпистемология и метафизика».

По возвращении в свой родной город Дмитрий Николаевич начал преподавать историю, психологию и логику в старших классах гимназии, из которой когда-то был исключен. Он настаивал на пользе совместного обучения мальчиков и девочек, а также инициировал создание школы для девочек с облегченной программой. В 1915 году Узнадзе стал директором этой школы.

Переехав в Тбилиси в 1917 году, Узнадзе начал работать вместе с другими грузинскими учеными и философами над основанием Тбилисского государственного университета (ТГУ). Ученый возглавлял кафедру психологии в ТГУ более 40 лет, до самой своей смерти. Также он стал членом-учредителем Национальной академии наук Грузии и почти девять лет был директором Института психологии. В 1946 году он получил звание заслуженного деятеля науки Грузии за свои достижения в этой области знаний.

Узнадзе был философом и специалистом в области экспериментальной психологии, и повлиял не только на грузинскую и российскую психологию и философию. Влияние его трудов прослеживается также в европейских и американских научных школах. Узнадзе внес значительный вклад в развитие теории установки — поведенческой теории, характерной для восточноевропейской психологической школы, согласно которой каждый психологический процесс строится на специфическом наборе условий. Этот набор называется системой установок, и он обуславливает определенную реакцию человека на ту или иную ситуацию. Речь идет не только о действиях, но и о моделях поведения и личностных проявлениях. Влияние этого набора установок распространяется как на сознание, так и на подсознание. Этой теме Узнадзе посвятил две свои публикации: «Теория отношения и установки» и «Психология установки». Эти работы были переведены с грузинского только в 1960-х годах.

Исследования Узнадзе в области человеческого поведения и психологических аспектов подсознания проложили путь для изучения, понимания и инноваций в сфере психических процессов, связанных с обработкой жизненного опыта. В теории установки подсознание играет цен-

тральную роль, и из-за этого взгляды Узнадзе часто сравнивали с идеями Зигмунда Фрейда, который тоже делал особый акцент на человеческом подсознании. Однако многие эксперты считают, что довольно трудно провести аналогию между экспериментальной психологией Узнадзе и стандартным психоанализом Фрейда.

Узнадзе не только активно изучал психические процессы, но и внес значительный вклад в сферу образования, применив в ней результаты своих психологических исследований. Во время своей преподавательской деятельности в Тбилиси он сформулировал теоретические принципы образовательной философии, основанной на вере в то, что мудрость представляет собой результат достижения высшего уровня интеллектуального и духовного осознания, на котором человек может оперировать минимальными исходными данными. Он изучал влияние возраста на механизмы мышления и воздействие этих механизмов на различные психологические характеристики. Узнадзе твердо верил в то, что детям нужно предоставлять возможность участия в активных и креативных дискуссиях, в ходе которых они смогут овладеть искусством обучения и получения новых знаний.

В рамках своего гуманистического подхода ученый уделял много внимания поискам цели и смысла, особо подчеркивая важность наличия смысла в жизни. Он считал, что каждый человек без исключения способен найти свою личную цель и свой персональный смысл.

Дмитрий Узнадзе верил в то, что для обретения счастья и удовлетворения от жизни человек должен стремиться к реализации в рамках культуры, посвятив себя достижению высшей цели, — только в этом случае его жизнь будет значимой и осмысленной.

Узнадзе не одобрял любые попытки группы полностью ассимилировать своих членов, растворить их в групповом единстве. Он считал, что каждый человек должен иметь право выбирать персональные культурные склонности и устремления и самостоятельно строить свою судьбу так, как он сам пожелает. Узнадзе также был преданным любителем поэзии; он верил, что многие философские понятия и концепции находят наилучшее выражение именно в стихах.

На протяжении всей своей карьеры Дмитрий Николаевич был знаменит, его считали выдающимся академическим деятелем и часто приглашали для выступлений, произнесения речей и чтения лекций. Он умер в 1950 году и был похоронен в саду Тбилисского государственного университета.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абрамова А. В.

Понятие и правовая основа судебных экспертиз в уголовном процессе 279

Абрамова А. В.

Оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве 281

Архипова Я. П.

Система примирительных процедур в российском цивилистическом праве 283

Белоножкина Е. Р.

Защита интересов ребенка при осуществлении родителями прав и обязанностей по воспитанию детей 286

Бижигитова М. А.

Неюрисдикционные механизмы защиты прав педагогических работников..... 288

Богданова О. Н.

Условное осуждение: анализ правовых оснований и условий применения 292

Брысов А. В.

Отдельные виды коммерческого найма жилого помещения..... 294

Булыкова Э. Б., Шкут М. А.

Проблемы изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд 296

Выползова В. В.

Порядок разработки и принятия актов органов публичной власти 300

Гадаева З. Ш.

Проблема соотношения товарных знаков с общественными интересами, принципами гуманности и морали 301

Ларина М. И.

Правовая основа кадрового управления в муниципальном образовании 305

Лябина А. С.

Институт суда присяжных в современной России и проблемы его реализации 308

Лябина А. С.

Вердикт присяжных заседателей как результат оценки фактических обстоятельств уголовного дела..... 309

Мельникова Л. Л.

Деофшоризация и принимаемые властями правовые меры по уменьшению оттока капиталов из РФ..... 311

Меньшенина М. В.

Проявления презумпции вины в гражданском и арбитражном процессах 314

Осяева Д. А., Галат Е. С.

Особенности расследования воинских и военных преступлений в период Великой Отечественной войны 317

Романов А. Т.

Мониторинг законодательства Российской Федерации об охране объектов животного мира на особо охраняемых территориях..... 319

Савчук Е. В.

О некоторых особенностях объектов авторского права в сети Интернет 322

Суханов Д. С.

Розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда 324

Торобекова А. Т.

Направления совершенствования законодательства об административной ответственности в таможенной сфере..... 327

Торобекова А. Т.

Проблемы доказывания по делам об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции таможенных органов 330

Червова Е. И.

Проблемы квалификации преступлений, связанных с оставлением места дорожно-транспортного происшествия 333

Шмалий Ю. А.

Конституционные ценности как правовой инструмент защиты национального суверенитета 335

Юсупов С. Л.

К вопросу о допустимости ограничения
конституционных прав личности 337

Якимова И. С.

Проблемы администрирования и контроля
неналоговых доходов в бюджетах субъектов
Российской Федерации 339

ТЕОЛОГИЯ

Сайфуллина К. Р.

Проблема исследования жанра мунаджат:
историографический аспект 343

ПРОЧЕЕ

Бенца В. В.

Анализ показателей производственного
травматизма в угольной промышленности
за период с 2020 по 2024 год 348

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Понятие и правовая основа судебных экспертиз в уголовном процессе

Абрамова Арина Викторовна, студент магистратуры
Оренбургский государственный университет

Настоящая статья посвящена анализу судебно-экспертной деятельности в контексте уголовного судопроизводства. В работе раскрывается нормативно-правовой фундамент, регламентирующий производство экспертиз по уголовным делам. Особое внимание уделяется проблемным аспектам, которые выявлены как в научной доктрине, так и сформулированы непосредственно автором на основе проведенного анализа.

Ключевые слова: судебная экспертиза, правовая основа, уголовный процесс, расследование, уголовное дело.

В настоящее время заключения экспертов находят широкое применение в различных сферах практики, а их выводы формируют прочную доказательственную базу, используемую для вынесения судебных вердиктов и организации следственных мероприятий.

Термин «экспертиза» подразумевает особую форму исследования, требующую привлечения специальных познаний и практических навыков. В её рамках производится изучение предоставленных объектов с целью установления обстоятельств, обладающих юридической значимостью для конкретного судопроизводства.

В рамках судебного производства экспертиза выступает как особая, самостоятельная форма исследовательской деятельности [1].

Согласно ст. 9 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», судебная экспертиза представляет собой процессуальное действие. Его сущность заключается в организации исследований и последующем формировании заключения специалистом. Данная деятельность инициируется судом, судьей, органом дознания, дознавателем или следователем для решения вопросов, требующих применения узкопрофессиональных познаний в сферах науки, техники, искусства либо ремесла. Конечной целью этого процесса выступает установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по рассматриваемому делу [2].

Проведенный нами анализ процессуальных и криминалистических источников, а также ряда научных изысканий в сфере судебной экспертизы, выявил наличие определенных терминологических затруднений. Основная их причина кроется в отсутствии единообразного подхода относительно трактовки самого понятия «судебная экспертиза». Эта терминологическая неоднозначность об-

ладает высокой практической значимостью. Унификация понятийного поля не просто актуальна для теории — она критична для следственной и судебной практики. Лишь четкое, общепринятое определение позволяет в полной мере раскрыть потенциал экспертизы как инструмента в процессе раскрытия и расследования преступлений.

В качестве иллюстрации: на протяжении последних десятилетий в научной литературе закрепился ряд трактовок судебной экспертизы. Её позиционируют как форму доказывания [3, с. 11], а также как следственное или судебное действие, регламентированное процессуальным законодательством [4, с. 6–7; 5, с. 11; 6, с. 5; 7, с. 7; 8, с. 3]. Другой распространённый подход рассматривает её в качестве процессуальной, то есть практической деятельности [9, с. 115; 10, с. 6]. Наконец, встречается и её определение как специального исследования [11, с. 54; 12, с. 220–224; 13, с. 3; 14, с. 89], что далеко не исчерпывает всего спектра существующих дефиниций.

По мнению Т. В. Толстухиной, действующее законодательное определение термина «судебная экспертиза» содержит ряд изъянов, порождающих серьезные затруднения как в теории, так и в сфере правоприменительной практики [15, с. 301].

В научной литературе можно обнаружить и откровенно дискуссионные трактовки. Яркой иллюстрацией служит дефиниция из юридической энциклопедии, где под судебной экспертизой понимается «изучение специалистом (экспертом) или группой специалистов вопросов, правильное решение которых требует профессиональных исследований и специальных знаний в той или иной сфере» [16, с. 317]. Представляется, что данная формулировка не лишена недостатков. Её основной изъян заключается в терминологическом синкретизме, когда в едином понятийном поле объединяются и стираются границы

между самостоятельными процессуальными фигурами — специалистом и экспертом.

Понятие «судебная экспертиза» подразумевает, что речь идет не о любой экспертной деятельности, а исключительно о той, что применяется в рамках конкретного судопроизводства: уголовного, гражданского, арбитражного, административного или конституционного.

Однако действующая законодательная дефиниция понятия «судебная экспертиза» также демонстрирует свою не безупречность, обнаруживая целый ряд недостатков, которые, если и не признаются фундаментальными, то всё же заслуживают самой серьёзной критики.

Анализ следственной и экспертной практики демонстрирует, что рамки для назначения и проведения судебной экспертизы не всегда следует сводить исключительно к сферам науки, техники, искусства или ремесла. Данный подход, помимо упомянутого федерального законодательства, находит отражение и в статье 79 Гражданского процессуального кодекса РФ. Её первая часть устанавливает: суд вправе назначить экспертизу, если в ходе разбирательства возникают вопросы, для выяснения которых необходимы специальные познания. При этом законодатель прямо не ограничивает круг этих познаний, что открывает возможность для привлечения специалистов из самых разных областей деятельности.

Проведенный анализ материалов уголовных дел позволяет утверждать, что законодательное ограничение круга вопросов для назначения и проведения судебной экспертизы представляется необоснованным. Следователям и судьям в процессе судопроизводства зачастую требуются специальные познания, выходящие за узкие рамки науки, техники, искусства или ремесла, закрепленные в действующем определении. Юридическая практика сталкивается с необходимостью привлекать сведения из ненаучных областей — обычаев, спорта, коллекционирования. Данная проблематика неоднократно поднималась в научных публикациях [17, с. 17; 18, с. 85; 15, с. 302], но законодатель до сих пор не отреагировал на эти критические замечания соответствующими поправками.

Синтезируя существующие в науке теоретические подходы к определению «судебная экспертиза» и опираясь на методологические требования философии, логики и терминоведения, автор предлагает следующую дефиницию. Судебная экспертиза представляет собой процессуальное действие, отражающее порядок и результаты проведенного экспертом исследования, процедура назначения и организации которого регламентирована нормами права.

Правовой статус судебной экспертизы кардинально отличается от иных форм экспертной практики. Её проведение инициируется исключительно в контексте судопроизводства, включая производство в Конституционном Суде Российской Федерации. Правовые основы данной процедуры, начиная от оснований для её назначения и заканчивая регламентом, жёстко кодифицированы в соответствующих процессуальных кодексах и Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ. Именно эти нормативные

акты устанавливают весь комплекс правоотношений: они фиксируют полномочия и обязанности участников процесса, юридическую силу заключений экспертов, а также детально прописывают все процессуальные аспекты, связанные с организацией и проведением судебно-экспертных исследований.

Хотя уголовно-процессуальное законодательство детально регулирует процедуру назначения и производства судебных экспертиз, практическое применение этих норм порождает ряд спорных моментов. Дискуссии, в частности, провоцирует несовершенство как законодательной базы, так и самой системы судопроизводства, а также отсутствие соразмерной ответственности за серьезные правонарушения. Эти действия создают препятствия для работы эксперта и срывают процесс назначения и производства судебной экспертизы. Правовой статус судебного эксперта регламентирован действующим законодательством. Анализ Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» демонстрирует двойственную ситуацию. С одной стороны, в нём сохраняется комплекс норм и принципов, продолжающих помогать развитию экспертной практики. С другой — отдельные положения этого акта явно утратили актуальность, вступая в противоречие с современными достижениями науки и техники. Необходимость унифицировать законодательство в области судебной экспертизы проистекает из самой природы экспертных задач: их содержание и специфика задаются родом и видом проводимого исследования, оставаясь независимыми от процессуальных формальностей.

На наш взгляд, современное состояние правового обеспечения судебно-экспертной деятельности настоятельно требует закрепления прав и обязанностей эксперта в рамках унифицированных стандартов. Не исключается и вариант публикации данных материалов в виде специализированного сборника. В него войдут как полные версии официальных нормативных актов, так и их сокращенные изложения, приведенные в соответствие с требованиями процессуального законодательства. В структуру сборника необходимо включить действующую нормативную базу и регламенты, регулирующие производство экспертиз по уголовным, гражданским и иным категориям дел. Важно детализировать процедурные аспекты: последовательность проведения исследований, перечень уполномоченных субъектов, привлекаемых к процессу, а также номенклатуру специального оборудования и приборов, подлежащих применению. Эффективное управление и поступательное развитие экспертной деятельности требуют последовательной реализации современных организационно-методических подходов. Ключевыми условиями для этого выступают наращивание информационных потоков и укрепление материально-технической базы. Параллельно с этим необходим системный мониторинг работы персонала, а также непрерывная разработка целевых программ, планов и постановка новых задач.

Таким образом, разрешение поставленной задачи требует выработки целостной государственной стратегии в области судебной экспертизы. Её приоритетами должны стать модернизация материально-технической базы и по-

вышение эффективности труда экспертов, наращивание научно-методических ресурсов, а также выстраивание системного сотрудничества с зарубежными экспертными службами.

Литература:

1. Мишин А. В. Судебная экспертиза. учебно-методическое пособие / под ред. А. Ю. Епихина. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. — 112 с.
2. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве судебной экспертизы по уголовным делам (статья 195 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28: по состоянию на 29 июня 2021 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2011. — № 2.
3. Надгорный Г. М. Понятие судебной экспертизы. Криминалистика и судебная экспертиза. — Вып. 29. Киев, 1984.
4. Галкин В.М, Средства доказывания в уголовном процессе. — М., 1968, ч. 2.
5. Дядьковская С. П., Клименко Н. И., Лисиченко В. К. Подготовка к проведению отдельных видов судебной экспертизы. — Киев, 1977.
6. Орлов Ю. К. Проведение экспертизы в уголовном процессе. — М., 1993.
7. Шляхов А. Р. Судебная экспертиза организация и проведение. — М., 1979.
8. Михайлов В. А., Дубягин Ю. П. Назначение и производство судебной экспертизы. — Волгоград, 1991.
9. Аверьянова Т. В. Методы судебно-экспертных исследований и тенденции их развития: дис.... д-ра юрид. наук. — М., 1994.
10. Дулов А. В. Права и обязанности участников судебной экспертизы. — Минск, 1962.
11. Толстухина Т. В. Современные тенденции развития судебной экспертизы на основе информационных технологий: дис.... д-ра юрид. наук. — М., 1999.
12. Стукалин В. Б. Судебная экспертиза: сущность и объекты для ее проведения // Общество и право. — 2010. — № 1. — С. 220–225.
13. Аубакиров А. Ф., Бычкова С. Ф. Проблемы организации научных исследований в судебной экспертизе // Теоретические и практические вопросы в судебной экспертизе. — Вып. 1. — Алма-Ата, 1992.
14. Эйсман А. А. Заключение эксперта; структура и научное обоснование. — М., 1967.
15. Толстухина Т. В. Проблемы терминологии института судебной экспертизы в уголовном процессе России // Материалы 4-й Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 30–31 января 2013 г.). — Москва: Проспект, 2013.
16. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. — М.: 1999.
17. Гарашко А. Ю. Некоторые аспекты отнесения знаний к специальным в уголовном процессе // Мировой судья. — 2011. — № 4. — С. 16–19.
18. Светличный А. А. Использование специальных знаний при расследовании убийств по найму: дис.... канд. юрид. наук. 12.00.12. — Тула, 2014.

Оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве

Абрамова Арина Викторовна, студент магистратуры
Оренбургский государственный университет

Настоящая статья посвящена анализу ряда проблемных вопросов, сопутствующих оценке экспертного заключения в контексте действия состязательного начала уголовного процесса, параллельно с этим, автором сформулированы возможные пути оптимизации сложившейся правоприменительной практики.

Ключевые слова: заключение эксперта, оценка доказательств, уголовный процесс, совесть, состязательный принцип

Состязательная модель современного уголовного процесса предопределяет особую значимость проблемы оценки доказательств, поскольку доказывание возлагается на активные действия сторон и иных участников судопроизводства.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (ч.2 ст.74, ст.80 УПК РФ), заключение эксперта отнесено к числу допустимых доказательств. Его оценка и проверка осуществляются в общем порядке, установленном для всех видов доказательств статьей 88 УПК РФ.

Особого внимания заслуживает роль внутреннего убеждения при оценке доказательств, выступающего, в соответствии с законодательной нормой, основой для процессуальной деятельности субъектов, осуществляющих доказывание.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ закрепляет принцип свободной оценки доказательств, в соответствии с которым суд и другие участники производства по делу формируют собственное убеждение относительно собранных материалов, руководствуясь при этом требованиями законодательства и голосом собственной совести.

Содержание приведенного текста [1, с. 19] сводится к тому, что в основе оценки доказательств лежит внутреннее убеждение, а не какие-либо внешние по отношению к субъекту оценочные критерии.

П. А. Лупинская акцентирует, что оценка доказательств должна базироваться на их внутренней убежденности, согласованной с правовыми нормами, поскольку лишь объективно установленные обстоятельства способны сформировать обоснованную уверенность [2, с. 362].

Согласно УПК РСФСР, формирование внутреннего убеждения при оценке доказательств требует, чтобы итоговое решение опиралось на всесторонний, полный и объективный анализ всей совокупности обстоятельств по делу.

Согласно части 4 статьи 152 УПК, предварительное расследование обязано учитывать всю совокупность обстоятельств дела, что служит гарантией его объективности и укладывается в установленные процессуальные сроки. Примечательно, что, в отличие от УПК РСФСР, действующий кодекс не содержит отдельной нормы, прямо закрепляющей требование о всестороннем и полном исследовании обстоятельств. В свою очередь, часть 4 статьи 7 УПК предъявляет императивное требование: судебные и иные процессуальные решения должны обладать свойствами законности, обоснованности и мотивированности.

На наш взгляд, законодателем упущена существенная деталь: в ходе расследования уголовного дела на следователя (дознателя) не возложена прямая обязанность сохранять объективность и в равной степени собирать доказательства, как подтверждающие предъявленное лицу обвинение, а также те, что свидетельствуют в его пользу или уменьшают степень ответственности. Следствием этого стало то, что отдельные сотрудники следственных органов, апеллируя к буквальному прочтению норм УПК РФ, фактически самоустранились от поиска оправдательных или смягчающих вину обстоятельств, делегировав данную функцию защитникам [3].

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 года № 13-П содержится важная правовая позиция: «Исходя из предписаний статей 2, 18, 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации о том, что государственная защита прав и свобод человека гарантируется и именно права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, дея-

тельность законодательной и исполнительной власти обеспечивается правосудием, дознаватель, следователь, прокурор и суд, осуществляя доказывание, обязаны принимать в установленных процессуальных формах все зависящие от них меры к тому, чтобы были получены доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления» [4].

При оценке доказательств субъект, осуществляющий уголовное судопроизводство, обязан основывать свою позицию на нормах права и голосе собственной совести. По меткому замечанию П. А. Лупинской, именно совесть выполняет функцию внутреннего регулятора, гарантирующего следование процедурным нормам, которые защищают независимость и свободу формирования судебского убеждения, а также дают уверенность в объективности и правосудности итогового вердикта [5, с. 7].

Нормативное регулирование руководящих начал для должностных лиц уголовного судопроизводства, основанных на принципе совести, лишено должной определенности. Хотя законодатель закрепил дефиниции ряда базовых процессуальных категорий — «алиби», «близкие родственники», «ночное время» и прочих, — он не счёл необходимым распространить этот перечень на понятие совести. Между тем именно совесть выступает тем фундаментальным критерием, которым обязаны руководствоваться лица, принимающие процессуальные решения и осуществляющие оценку доказательств.

Феномен совести получает неоднозначную трактовку в рамках философских, психологических и социальных доктрин. Однако правоприменительная практика сталкивается с существенной лакуной: уголовно-процессуальный закон лишен четких критериев, определяющих механизм актуализации внутренних нравственных ориентиров должностными лицами в ходе процессуального принятия решений.

Допустимо ли законодателю оперировать неясными понятиями при оценке доказательств в уголовном судопроизводстве, если эти понятия заимствованы из смежных гуманитарных дисциплин и не имеют устоявшейся правовой трактовки? Представляется более обоснованным возврат к определению правосознания, закрепленного в ст. 71 УПК РСФСР. Юридическая доктрина традиционно исследует данное понятие через призму его типологии, структурных элементов и функционального предназначения.

Правосознание представляет собой сферу сознания, в которой правовая реальность находит своё отражение в форме понимания законодательства, оценки юридических предписаний и их практической реализации. Именно ценностные ориентации влияют на их поступки в ситуациях, имеющих правовые последствия [6, с. 761].

Следует учитывать, что правосознание представляет собой форму общественного сознания, чье воздействие распространяется как на отдельного индивида, так и на коллективные субъекты и социум в целом. Следова-

тельно, он по своей сути, как в формальном, так и в содержательном аспектах, подразумевает наличие общественного контроля. В контексте юридической ответственности важно разграничить её позитивный и негативный аспекты. Позитивная ответственность возникает не в момент нарушения обязанностей, а с самого начала их исполнения, когда субъект права только приступает к реализации возложенных на него функций. Совесть представляет собой латентную категорию, выполняющую функцию внутрен-

него регулятора человеческого поведения. В сфере уголовно-процессуальных отношений, имеющих императивный характер, предоставление решения ключевых вопросов на «растерзание» внутреннему усмотрению отдельного чиновника представляется недопустимой и чреватой рисками практикой. В отсутствие четких ориентиров у должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, их действия (равно как и бездействие) рискуют утратить всякие содержательные пределы.

Литература:

1. Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. – М.: Юрид. лит., 1977. — С. 19.
2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2009. — С. 362.
3. Конин В. В. Осмысление и оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. — 2008. — № 4.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. — № 13-П.
5. Лупинская П. А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. — 2002. — № 7. — С. 7.
6. Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. — С. 761.

Система примирительных процедур в российском цивилистическом праве

Архипова Яна Павловна, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье проведен анализ правовых аспектов института примирения в цивилистическом процессе, а также анализ нормативных правовых актов, регламентирующих институт примирения в РФ. Проиллюстрированы преимущества обращения сторон как гражданского, так и арбитражного процесса к процедуре примирения. Описываются основные положения примирительных процедур, а также раскрываются особенности каждого из видов примирительных процедур.

Ключевые слова: примирительные процедуры, медиация, переговоры, судебное примирение, посредничество, урегулирование спора, разрешение спора.

Примирительные процедуры в цивилистическом процессе образуют собой некую систему, содержащую в себе несколько альтернативных судебному производству способов разрешения споров. В традиционном смысле примирительные процедуры являлись внесудебными, но в связи с трансформацией рассматриваемого института альтернативные способы разрешения споров стали существовать как в рамках судебного процесса, так и за ними. Следовательно, в таком контексте мы можем говорить, что в зависимости от этапа урегулирования конфликта примирительные процедуры могут быть как досудебными, так и существующие в процессе судебного разбирательства.

Исследуя институт досудебных примирительных процедур, заметим, что он в большей степени урегулирован Постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства». Проанализировав данный нор-

мативный акт, можем сказать, что законодатель дал объяснение понятию досудебного урегулирования, под которым понимается деятельность сторон спора до обращения в суд, которая осуществляется ими самостоятельно (например, направление претензии или проведение переговоров) или с привлечением третьих лиц (например, специалиста в определенной области или медиатора), а также посредством обращения сторон к уполномоченному органу публичной власти для урегулирования спора в административном порядке [7, п. 1]. Существование последней меры по разрешению спора обусловлено тем, что досудебное урегулирование споров в цивилистическом процессе установлено как для споров частноправового, так и для споров публично-правового характера.

Продолжая анализ норм рассматриваемого Постановления, мы можем сделать вывод о том, что досудебное урегулирование спора может быть как обязательным, так и добровольным.

Особенностью обязательного досудебного урегулирования является то, что оно возможно только в случаях, которые установлены в законе. Если же указание на досудебное урегулирование содержится только в положениях договора, а в нормах права нет таких указаний, то суд не может возратить иск стороне спора [2, ч. 4 ст. 3].

Помимо всего прочего, в исследуемом нами Постановлении чётко прослеживается позиция Пленума Верховного Суда РФ, заключающаяся в том, что обязательное досудебное урегулирование спора не должно быть выражено лишь в направлении одной из сторон другой претензии, тем самым не должно носить формальный характер [7, п. 4]. Однако порядок обязательного досудебного урегулирования законодательно не установлен, что порождает правовые противоречия в данной сфере на тему, каким всё-таки должно быть обязательное досудебное урегулирование.

Если же говорить о добровольном досудебном примирении, то следует сказать, что оно представляет собой случаи, когда стороны конфликта имеют намерение разрешить спор мирным путём без возбуждения судебного производства путём организации и проведении переговоров или направлении претензии по инициативе одной из сторон для достижения согласия по существу спора.

В контексте добровольного досудебного примирения в соответствии с законодательством России приходится говорить о таких видах примирительных процедур, как переговоры, посредничество и медиация.

Если говорить о таком виде примирительных процедур, как переговоры в контексте их досудебного применения, то для начала необходимо отметить, что данное понятие является достаточно широким, оно по своей сути является объединяющим в себе несколько основополагающих аспектов темы примирительных процедур. Так, скажем, что переговоры представляют собой прежде всего взаимодействие сторон спора, направленное на урегулирование конфликта путём взаимных уступок для выработки единой и общей позиции по сути спора. Важной особенностью переговоров является то, что их проведение возможно путём непосредственного участия сторон конфликта либо путём привлечения доверенных лиц этих сторон, но без участия незаинтересованных лиц [4, с. 75].

Если более подробно исследовать посредничество, как вид досудебной примирительной процедуры, то следует сказать, что его прежде всего необходимо понимать как деятельность незаинтересованного лица, которая направлена на содействие в примирении сторон спора. В контексте рассматриваемой темы отметим, что посредничество может возникать как на начальном этапе зарождения взаимоотношений сторон, т. е. при их намерении вступить в определённые правоотношения, так и на последующих этапах развития таких отношений для их изменения или прекращения [5, с. 138].

Отметим, что в законодательстве России не определено понятие посредничество как отдельного вида примирительной процедуры, не установлены требования к тем, кто может быть посредником, а также не определён меха-

низм реализации данной процедуры. Помимо отсутствия необходимых статей в ГПК РФ и АПК РФ, необходимые статьи отсутствуют и в отдельном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», которые на первый взгляд, должен содержать положения о данном институте.

Как следует из смысла понятия посредничества, главной особенностью данного вида примирительной процедуры является участие в ней посредника, однако мы уже определили, что законодательных требований к ним нет, именно поэтому исходя из аналогии норм права мы можем сказать, что посредником может выступать любое лицо, если оно не ограничено в дееспособности или не лишено дееспособности.

Исследуя институт досудебной медиации, невозможно не отметить, что это один из единственных видов примирительных процедур, которое имеет в законодательстве нашей страны достаточно подробное нормативное урегулирование. Так, согласно Закону о медиации, рассматриваемый институт представляет собой способ урегулирования конфликтов при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Таким образом, когда мы говорим о досудебных примирительных процедурах, необходимо понимать, что данный институт правовой сферы цивилистического процесса слабо развит как в общественном сознании, так и в законодательном поле. Существует масса недоработок и пробелов в рассматриваемой категории, что служит препятствием для применения примирительных процедур на этапе досудебного урегулирования. На наш взгляд, только выработка чётких правовых норм, определяющих основные понятия, критерии и требования о примирительных процедурах и регламентирующих механизм использования института примирительных процедур до судебного разбирательства, поможет способствовать увеличению общественной заинтересованности и необходимости в существовании указанных способов урегулирования конфликта.

Теперь отметим, что и в гражданском, и в арбитражном процессуальном законодательстве предусмотрена обязанность суда в оказании содействия в примирении сторон. Следовательно, можем сделать вывод, что суд в лице государства заинтересован в мирном урегулировании конфликта, именно поэтому предложение о примирении сторон суд выражает либо устно, либо письменно путём указания на предложение о примирении в своих актах (например, в определении о подготовке дела к судебному разбирательству, о принятии искового заявления и др.). Для того, чтобы стороны приняли решение о возможности проведения примирительной процедуры, суд может объявить перерыв в судебном заседании.

В случае, если стороны приняли решение о проведении примирительной процедуры, суд выносит одноимённое определение и при необходимости определение об отложении судебного разбирательства [2, ст. 153.1–153.2] [1, ст. 138–138.1]. В определении указываются основные эле-

менты, которые необходимы для обеспечения надлежащего проведения примирительной процедуры, поэтому сейчас подробно рассмотрим виды примирительных процедур, которые могут применяться в процессе судебного разбирательства.

Обозначим, что стороны свободны в выборе вида примирительных процедур, главное, чтобы выбранная процедура не противоречила законодательству. Так, в соответствии с правовыми нормами стороны могут прибегнуть к следующим видам примирительных процедур: переговоры, посредничество, медиация и судебное примирение.

Каким бы не был результат примирительной процедуры, он всегда выражен судебным актом и утверждён судом, т. е. стороны имеют возможность в случае неисполнения стороной или сторонами договорённостей добровольно обратиться в суд за выдачей исполнительного документа, что, соответственно, позволяет обратиться к принудительному исполнению результата примирительных процедур.

Переговоры. Результат их применения мы определяли как протокол проведения переговоров, подписанный сторонами, или заключение соглашения о предмете спора. Но ни один из этих документов не обладает элементом публично-правового регулирования. Если же переговоры применяются в судебном процессе, то результат обязательно должен иметь одну из указанных выше форм, и он уже будет обеспечен силой принудительного исполнения.

Посредничество. При его досудебном применении в результате заключается соглашение, поэтому здесь имеет место быть аналогичная переговорам правовая ситуация, рассмотренная выше. Единственное, что хотелось бы заметить, что если по результатам проведения посредничества в рамках судебного разбирательства стороны пришли к какому-либо соглашению, то оно будет выражено в виде мирового соглашения, которое будет утверждено судом и носить элемент публично-правового регулирования [3, с. 10].

Медиация. В рамках досудебного урегулирования результат этой примирительной процедуры выражается в медиативном соглашении. Соответственно, в ходе судебного процесса медиативное соглашение утверждается судом в качестве мирового соглашения.

Теперь обратимся к такому виду примирительных процедур, как судебное примирение, уже из названия мы можем сказать, что применение данной процедуры возможно только в рамках судебного разбирательства, однако к ней можно обратиться на любой стадии судебного процесса и даже на стадии исполнения судебного акта.

Отметим, что механизм применения судебного примирения урегулирован нормами гражданского и арбитражного процессуального законодательства, а также Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения».

Так, проанализировав вышеуказанные нормы, мы можем сказать, что законодатель определяет судебное примирение как примирительную процедуру с участием судебного примирителя. Целями судебного примирения в соответствии с Регламентом проведения судебного примирения являются урегулирование спора с учётом интересов сторон и достижение этими сторонами взаимоприемлемого результата. Глобально институт судебного примирения призван решить такие задачи судопроизводства, как мирное урегулирование споров, содействие становлению и развитию партнёрских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота, а непосредственными задачами судебного примирения являются:

1. Соотнесение и сближение позиций сторон по делу;
2. Выявление дополнительных возможностей для урегулирования спора с учетом интересов сторон;
3. Оказание сторонам им содействия в достижении результата примирения [6, ст. 1].

Исследовав примирительные процедуры, которые применяются в процессе судебного разбирательства, можем сделать вывод, что данный правовой институт хоть и имеет преимущества по сравнению с институтом досудебных примирительных процедур, но также не пользуется большим спросом у конфликтующих сторон.

Правовая регламентация примирительных процедур, используемых во время проведения судебного процесса, требует дальнейших доработок, т. к. по факту у этой правовой категории также нет положений, которые бы закрепляли основные положения и алгоритмы использования большинства видов примирительных процедур для их применения на стадии судебного процесса. Явным преимуществом использования примирительных процедур во время судебного разбирательства является то, что их результаты будут иметь силу принудительного исполнения в случае их игнорирования сторонами конфликта. Но даже при таком обстоятельстве к примирительным процедурам в цивилистической процессуальной практике мало, кто обращается и нагрузка на суды с каждым годом всё растёт, именно поэтому требуется совершенствование и популяризация рассматриваемого института.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. N 30 ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. N 46 ст. 4532.
3. Зайцев А. И. Проблемы нормативной регламентации посредничества (медиации) в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 8. С. 8–12.

4. Князев Д. В. Досудебное урегулирование спора в арбитражном процессе в контексте примирительных и иных досудебных процедур в зарубежных юрисдикциях // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 6. С. 73–79.
5. Лимарь Т. Г. Правовые основы реализации примирительных процедур по гражданско-правовым спорам // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). С. 133–140.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/28380/?ysclid=m6cj9734lh558950263> (дата обращения: 30.11.2025 г.).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» № 18 от 22.06.2021 г. Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/30139/?ysclid=m6cgu1jk6v256675382> (дата обращения: 30.11.2025 г.).

Защита интересов ребенка при осуществлении родителями прав и обязанностей по воспитанию детей

Белоножкина Екатерина Романовна, студент магистратуры
Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Сфера семейных отношений по своей природе носит глубоко личный характер, что существенно осложняет её правовое регулирование. Тем не менее государство неизменно уделяет пристальное внимание защите прав и интересов несовершеннолетних детей — это одна из приоритетных задач социальной политики.

Обоснованием такого подхода служит общепризнанный тезис: наиболее благоприятные условия для гармоничного развития ребёнка создаются именно в семейной среде. Именно поэтому российское законодательство наделяет родителей обширным комплексом прав и обязанностей, связанных с содержанием и воспитанием детей.

В данной статье анализируются правовые и практические сложности, возникающие при реализации родительских прав. При этом центральный фокус исследования направлен на механизмы защиты прав и интересов ребёнка — именно через эту призму рассматриваются все ключевые проблемы и противоречия, характерные для современной практики регулирования семейных отношений.

Ключевые слова: Семейный кодекс РФ, родители, дети, права, обязанности, воспитание, содержание, исполнение, семейные правоотношения.

Protection of the interests of the child in the exercise by parents of their rights and responsibilities for the upbringing of their children

The sphere of family relations is deeply personal in nature, which significantly complicates its legal regulation. Nevertheless, the State always pays close attention to the protection of the rights and interests of minor children — this is one of the priorities of social policy. The rationale for this approach is the generally accepted thesis: the most favorable conditions for the harmonious development of a child are created precisely in the family environment. That is why Russian legislation gives parents an extensive range of rights and responsibilities related to the maintenance and upbringing of children. This article analyzes the legal and practical difficulties that arise in the implementation of parental rights. At the same time, the central focus of the study is on mechanisms for protecting the rights and interests of the child — it is through this prism that all the key problems and contradictions characteristic of modern practice of regulating family relations are considered.

Keywords: Family Code of the Russian Federation, parents, children, rights, duties, upbringing, maintenance, execution, family legal relations.

Правовая категория защиты интересов ребёнка обладает многогранностью и может быть осмыслена в нескольких плоскостях. Прежде всего, она выступает одной из ключевых обязанностей родителей во взаимодействии с третьими лицами. Одновременно это основополага-

ющий принцип, на котором базируется реализация родительских прав и обязанностей в целом.

Как значимый элемент правового статуса родителей, защита интересов детей выражается в том, что государство признаёт их законными представителями своих не-

совершеннолетних детей. Такая необходимость продиктована тем, что ребёнок по объективным причинам не способен самостоятельно реализовывать принадлежащие ему от рождения права и нести юридическую ответственность.

Законодательно эта обязанность закреплена в статьях 56 и 64 Семейного кодекса Российской Федерации [1]. Согласно части 2 статьи 7 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации», родители наделяются статусом законных представителей ребёнка. Это означает, что они вправе защищать его права и представлять его интересы в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами — в том числе в государственных и судебных органах. При этом для реализации данных полномочий не требуется оформлять специальную доверенность: правовой статус законного представителя сам по себе даёт необходимые полномочия [6].

Действующее законодательство провозглашает равенство родительских прав и обязанностей вне зависимости от ряда обстоятельств: наличия зарегистрированного брака, совместного проживания с ребёнком, порядка общения с ним, материального положения и других факторов. Однако на практике декларируемое равенство не всегда реализуется в полной мере.

Очевидно, что родитель, проживающий вместе с ребёнком, естественным образом оказывается более вовлечённым в его жизнь и потому быстрее реагирует на ситуации, требующие защиты его интересов. Если между родителями, даже при их раздельном проживании, существует взаимопонимание и отсутствуют серьёзные разногласия по вопросам воспитания и осуществления родительских прав, то разделение места жительства не порождает конфликтов.

Однако картина кардинально меняется, когда между родителями возникает острый конфликт — как в личных отношениях, так и в вопросах реализации своих прав в отношении ребёнка. В таких обстоятельствах каждый из них может стремиться выступать законным представителем ребёнка в различных процедурах, что нередко приводит к столкновению интересов и усложняет защиту прав самого несовершеннолетнего [4].

Согласно положениям п. 2 ст. 64 Семейного кодекса РФ [1], если действия родителя по защите прав ребёнка противоречат его истинным интересам, орган опеки и попечительства вправе назначить ребёнку другого представителя. Это положение призвано обеспечить защиту интересов ребёнка в ситуациях, когда родитель не способен или не желает действовать в его пользу.

Участие органа опеки и попечительства в судебных и административных процессах, затрагивающих интересы детей, действительно является распространённой практикой. Это позволяет осуществлять контроль за соблюдением прав ребёнка и при необходимости инициировать меры по их защите. Однако эффективность такого механизма зависит от конкретных обстоятельств дела и действий участников процесса.

Предложение о том, что суд должен по собственной инициативе привлекать к делу второго родителя как законного представителя, имеет смысл с точки зрения всестороннего изучения ситуации. Это позволяет оценить действия участвующего в процессе родителя на соответствие интересам ребёнка. Однако реализация такого подхода на практике может столкнуться с организационными сложностями и требует чёткого закрепления в законодательстве.

Позиция ряда ученых о предоставлении статуса законного представителя только родителю, проживающему совместно с ребёнком, представляется спорной по нескольким причинам:

1. Риск возникновения проблем при временной невозможности исполнения обязанностей. Если этот родитель заболеет, уедет в командировку или по другим уважительным причинам не сможет выполнять свои обязанности, ребёнок останется без защиты.

2. Отсутствие гарантий добросовестности. Совместное проживание само по себе не гарантирует, что родитель будет действовать в интересах ребёнка. Возможны ситуации, когда родитель, проживающий с ребёнком, нарушает его права или злоупотребляет своими полномочиями [3].

Таким образом, текущий подход, при котором оба родителя являются законными представителями ребёнка (если нет противоречий между их интересами и интересами ребёнка), представляется более сбалансированным, хотя и требует совершенствования механизмов контроля и разрешения конфликтов [5].

Проблема осуществления законного представительства остаётся актуальной, так как в законодательстве не всегда чётко прописаны механизмы разрешения споров между родителями, особенно в случаях раздельного проживания. Отсутствие пристального внимания со стороны законодателя к этой проблеме может быть связано с тем, что ситуации, когда интересам ребёнка противостоит третье лицо, возникают не так часто [2].

Что касается сделок с имуществом несовершеннолетних, здесь также существует ряд проблем. Согласно п. 3 ст. 60 СК РФ родители при управлении имуществом ребёнка обязаны действовать в его интересах и нуждаются в предварительном разрешении органа опеки и попечительства для совершения сделок, влекущих уменьшение имущества несовершеннолетнего [1]. Однако на практике органы опеки нередко подходят к оценке таких сделок формально, что затрудняет защиту прав ребёнка.

Суды часто становятся на сторону родителей при оспаривании отказа органа опеки в даче согласия на сделку, что может свидетельствовать о презумпции добросовестности родителей, но также указывает на недостаточную эффективность контроля за их действиями. Это подчёркивает необходимость совершенствования законодательства в части выработки чётких и единых критериев оценки сделок с имуществом несовершеннолетних.

Система органов опеки и попечительства также требует реформирования. Часто органы действуют формально, не проявляя гибкости в принимаемых решениях. Это связано, в том числе, с нехваткой кадров и низким уровнем материального обеспечения, что ограничивает возможность специалистов полноценно вникать в ситуацию в семье. Повышение квалификации сотрудников, усиление

межведомственного взаимодействия и обеспечение достаточного финансирования могли бы улучшить ситуацию.

В целом, для повышения эффективности защиты прав детей необходимо комплексное совершенствование законодательства, повышение квалификации специалистов органов опеки и развитие механизмов контроля и разрешения конфликтов между родителями.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — ст. 16.
2. Балясников, И. В. Актуальные проблемы правового положения ребенка в российском обществе / И. В. Балясников // Актуальные проблемы защиты прав личности: российский и зарубежный опыт: Материалы межвузовской научно-практической конференции, Москва, 20 февраля 2023 года. — Москва: Издательство «Саратовский источник», 2023. — С. 20–25. — EDN NAYRPH.
3. Енина, Т. Л. Правовые особенности осуществления родителями прав и обязанностей по воспитанию детей / Т. Л. Енина // Гражданско-правовое регулирование общественных отношений в современной России: Сборник научных статей и докладов XIII Международной научно-практической конференции, Орёл, 10 апреля 2024 года. — Орёл: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2024. — С. 117–120. — EDN CNCBDZ.
4. Израелян, Г. А. Защита интересов ребенка: правовые аспекты осуществления родительских прав и обязанностей / Г. А. Израелян // Юриспруденция, закон и порядок: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 декабря 2023 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. — С. 83–87. — EDN TOXIOI.
5. Караваева, Ю. И. Теоретические аспекты ответственности родителей за ненадлежащее осуществление прав и исполнение обязанностей по воспитанию детей в Российской Федерации / Ю. И. Караваева, Ю. А. Филатова // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации: Сборник материалов международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Вологда, 05–06 декабря 2024 года. — Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2025. — С. 47–55. — EDN JOWPRE.
6. Рубанова, М. А. Имущественные обязанности родителей и их исполнение / М. А. Рубанова // Юстиция Беларуси. — 2023. — № 4(253). — С. 72–75. — EDN KIZRXX.

Неюрисдикционные механизмы защиты прав педагогических работников

Бижигитова Махпал Акилбековна, студент магистратуры
Омский государственный педагогический университет

Данная работа посвящена изучению неюрисдикционных механизмов защиты прав работников образования. В работе рассматриваются альтернативные способы разрешения трудовых споров и конфликтов, не связанные с обращением в суд. Основное внимание уделяется таким инструментам, как переговоры, примирение, арбитраж и внутрифирменные процедуры. Анализируются преимущества и недостатки каждого механизма, приводятся примеры их успешного применения в сфере образования.

Ключевые слова: неюрисдикционные, механизм, защита, права, педагогический, работник.

Non-jurisdictional mechanisms for protecting the rights of teaching staff

This work is devoted to the study of non-judicial mechanisms for protecting the rights of education workers. The paper examines alternative ways of resolving labor disputes and conflicts that do not involve going to court. The main focus is on such tools as negotiations, conciliation, arbitration, and internal company procedures. The advantages and disadvantages of each mechanism are analyzed, and examples of their successful application in the field of education are provided.

Keywords: *non-jurisdictional, mechanism, protection, rights, pedagogical, employee.*

Работники сферы образования занимают важное место в образовательном процессе и вносят значительный вклад в развитие общества. Однако, несмотря на свою значимость, работники часто сталкиваются с трудностями в реализации своих прав. Традиционно права защищаются с помощью формально-юрисдикционных механизмов, таких как обращение в суды и государственные органы.

Однако в некоторых случаях существуют и более эффективные и оперативные внесудебные механизмы. Вне-судебные механизмы — это альтернативные способы разрешения споров и защиты прав, которые не связаны с государственными органами или судами [1].

К ним относятся различные формы переговоров, консультаций, посредничества и арбитража. Эти механизмы характеризуются гибкостью, быстротой и возможностью достижения взаимовыгодных решений.

Переговоры — один из самых простых и распространенных способов разрешения споров. Преподаватели и сотрудники могут вести переговоры непосредственно со своим работодателем или руководством учебного заведения. Этот процесс может происходить индивидуально или коллективно при участии профсоюзов или других организаций, представляющих интересы педагогических работников. Преимущества переговоров: быстрота, возможность сохранить хорошие отношения с работодателем, гибкость в достижении соглашения. Недостатки: отсутствие гарантии успеха, возможный дисбаланс сил между сторонами [2].

Трудовой кодекс Российской Федерации регулирует отношения между работодателем и работником, охрану труда, рабочее время, оплату труда и другие аспекты трудовых отношений. Закон об образовании регулирует вопросы организации образовательного процесса, а также права и обязанности учащихся и педагогических работников. Переговоры в этих двух сферах:

Трудовые переговоры Российское трудовое законодательство регулирует процесс переговоров несколькими нормативными актами, включая Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) и Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 92-ФЗ «О порядке разрешения коллективных трудовых споров».

Коллективные договоры: работники могут заключать коллективные договоры с работодателями через своих представителей. Коллективные договоры могут регулировать условия труда, заработную плату, социальные гарантии и другие аспекты производственных отношений. Социальные партнеры: переговоры ведутся между представителями работодателя и работниками (профсоюзами) [3].

В ходе переговоров обсуждаются условия труда, заработная плата, продолжительность рабочего дня и ряд других вопросов, касающихся производственных отношений. Разрешение споров: если в ходе переговоров возникают разногласия, они разрешаются путем создания

примирительной комиссии, привлечения примирителя или в судебном порядке. Хотя Закон об образовании не устанавливает прямых норм о переговорах, во взаимодействии участников образовательного процесса существуют механизмы, которые можно рассматривать как разновидность переговоров.

Родительские собрания: родители учеников могут участвовать в обсуждении и принятии решений по образовательным программам, внеклассным мероприятиям и другим вопросам, связанным с образованием их детей.

Студенческие советы: в некоторых учебных заведениях существуют студенческие комитеты, которые могут обсуждать и предлагать изменения в образовательном процессе, а также взаимодействовать с руководством школы и университета.

Конференции и семинары: преподавательский состав может принимать участие в конференциях и семинарах, на которых обсуждаются актуальные проблемы образования и предлагаются пути их решения. Таким образом, нормы трудового и образовательного законодательства не регулируют переговоры напрямую, но предоставляют механизм для диалога и согласования интересов между различными сторонами [4].

Медиация — это процедура, в ходе которой нейтральный посредник (медиатор) помогает сторонам достичь соглашения. Посредник не принимает решений, а лишь способствует обсуждению и достижению компромисса. Этот метод широко используется в трудовых спорах, поскольку обеспечивает конфиденциальность и минимизирует негативные последствия спора. Преимущества медиации: конфиденциальность, сохранение контроля над процессом со стороны сторон, участие нейтрального посредника. Недостатки: требуется согласия обеих сторон. Медиация — это метод разрешения споров, при котором нейтральный посредник (медиатор) помогает спорящим сторонам прийти к взаимовыгодному решению. Однако ни в трудовом, ни в образовательном законодательстве Российской Федерации медиация прямо не упоминается в качестве обязательного механизма разрешения споров. Тем не менее, существует несколько законов, которые косвенно указывают на возможность использования медиации в трудовых и образовательных правоотношениях:

Трудовое законодательство Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «О порядке внесудебного урегулирования споров с участием посредников (процедуре медиации)». Данный закон устанавливает общие правила проведения процедуры медиации, но не обязывает использовать медиацию в трудовых спорах. Тем не менее, стороны могут добровольно обратиться к примирителю для разрешения спорной ситуации. Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ).

Трудовой кодекс Российской Федерации прямо не упоминает о применении медиации, но предусматривает ме-

ханизмы разрешения индивидуальных и коллективных трудовых споров, включая создание примирительной комиссии, привлечение примирителя и обращение в суд. Медиация может быть использована в рамках этих процедур по соглашению сторон. Закон об образовании № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года «Об образовании в Российской Федерации» [5].

Закон об образовании не содержит специальных положений о медиации, но предусматривает возможность участия родителей и общественности в управлении образовательным процессом. Это может включать обсуждение спорных вопросов и поиск компромиссных решений, что в определенной степени напоминает процедуры медиации. Семейное законодательство Российской Федерации Семейное законодательство регулирует вопросы, связанные с воспитанием детей и защитой их прав, которые могут быть актуальны в спорах об образовании. Например, родители могут обратиться за помощью к медиатору для разрешения споров, связанных с образованием их детей. Таким образом, несмотря на отсутствие прямых положений о медиации в Законах о труде и об образовании, в обеих сферах признается возможность использования медиации для разрешения споров по соглашению сторон.

Арбитраж — это форма разрешения споров, при которой независимый арбитр принимает решение на основе представленных доказательств и аргументов. В отличие от судов, арбитражные разбирательства обычно проходят быстрее и менее формально. Педагоги могут прибегнуть к арбитражу, если переговоры или посредничество оказались неэффективными. Преимущества арбитража: скорость, независимость арбитров, возможность выбора процедуры и правил ее проведения. Недостатки: расходы на оплату труда арбитров, невозможность обжалования решений [6].

Ни трудовое, ни образовательное законодательство Российской Федерации не содержат специальных норм, непосредственно посвященных арбитражу. Однако есть некоторые положения, которые могут применяться в случае возникновения споров в данных сферах.

1. Трудовое законодательство

– Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ). Согласно статье 382 ТК РФ, индивидуальные трудовые споры рассматриваются комиссиями по трудовым спорам и судами. Комиссия по трудовым спорам создается на предприятии и состоит из равного числа представителей работников и работодателей. Если комиссия не смогла разрешить спор, то работник имеет право обратиться в суд.

– Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ). Статья 22 ГПК РФ определяет подведомственность дел арбитражным судам. Однако трудовые споры обычно рассматриваются в судах общей юрисдикции, а не в арбитражных судах.

– Третейское разбирательство. Стороны могут заключить соглашение о передаче спора на рассмотрение третейского суда. Однако следует учитывать, что третейские

суды не имеют полномочий по рассмотрению всех видов трудовых споров. Например, споры о восстановлении на работе должны рассматриваться только государственными судами.

2. Образовательное законодательство [7].

– Закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года. Данный закон не содержит положений, касающихся арбитража. Споры, возникающие в образовательной сфере, обычно решаются в рамках административных или судебных процедур.

– Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ). Административные дела, связанные с образованием, могут рассматриваться в административном суде. Например, если студент оспаривает решение университета о его отчислении, дело будет рассмотрено в административном порядке.

Таким образом, хотя трудовое и образовательное законодательство не содержат прямых указаний на арбитраж, стороны могут воспользоваться третейским разбирательством в случаях, когда это допускается законом.

Внутрифирменные процедуры. Многие организации разработали собственные внутрифирменные процедуры для разрешения трудовых споров. К таким процедурам относятся комитеты по трудовым спорам, комитеты по этике и другие механизмы, специально созданные для защиты прав работников. Преимущества внутриорганизационных процедур: быстрое рассмотрение дел, знакомство с обстоятельствами и поддержка внутренней культуры организации. Недостатки: не достаточная независимость от работодателя; ограниченные полномочия комитета.

Неюрисдикционные формы защиты прав педагогических работников предлагают широкий спектр возможностей для быстрого и эффективного разрешения трудовых споров. Эти формы могут стать полезным дополнением к традиционным юридическим процедурам и защитить интересы педагогических работников без длительных и дорогостоящих судебных разбирательств. Выбор подходящей системы зависит от характера спора, готовности сторон к сотрудничеству и наличия соответствующих ресурсов.

Существует два вида действий, не требующих защиты компетентного органа, например, самозащита прав в соответствии со статьями 379 и 380 Трудового кодекса РФ, и действия, требующие принятия решения соответствующим компетентным органом, действующим в рамках работодателя, например, комиссией по трудовым спорам (КТС) или профсоюзом.

Рассмотрим возможность самозащиты, предусмотренную статьями 379 и 380 Трудового кодекса Российской Федерации. В целях защиты своих прав работник может отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором, или работы, непосредственно угрожающей его здоровью или жизни. Несмотря на то, что Трудовой кодекс предусматривает формы самозащиты, правовая формулировка понятия «самозащита трудовых прав» отсутствует. Самозащиту трудовых прав нельзя назвать эффективным способом защиты, по-

скольку значительная часть споров, связанных с самозащитой трудовых прав, разрешается в судах, а не на уровне работодателя. Основная причина такой ситуации заключается в том, что стороны трудового спора изначально находятся в невыгодном положении.

Второй способ защиты законных интересов и трудовых прав педагогических работников — профсоюзы. Согласно статье 370 Трудового кодекса РФ, профсоюзы осуществляют контроль за соблюдением Трудового кодекса РФ.

Статья предусматривает, что все российские профсоюзы и их объединения, регионы (федерации) и межрегиональные федерации профсоюзов, действующие на территории субъектов Российской Федерации, имеют право создавать технические и правовые инспекции труда профсоюзов, а профсоюзные инспекторы обладают соответствующими полномочиями.

Профсоюзные инспекторы имеют право беспрепятственно посещать работодателей, у которых работают педагогические работники профсоюза, для проведения проверок. Это право не распространяется на органы, действующие в рамках конкретного работодателя, такие как комиссия по профессиональным спорам.

Таким образом, деятельность профсоюзов ограничивается попытками «урегулировать» разногласия между работодателями и работниками, до возникновения трудового спора. Профсоюзы на уровне образовательных учреждений представляют интересы работников, являются защитниками индивидуальных трудовых прав, имеют право участвовать в принятии работодателем управленческого решения об увольнении работников по основаниям, предусмотренным статьей 373 Трудового кодекса Российской Федерации, и выполнять определенные управленческие функции.

С другой стороны, эти полномочия ограничены и не могут быть распространены на работников, не являющихся членами профсоюза. В этом случае работодатель имеет право не учитывать мнение профсоюзного органа при принятии решения об увольнении работника, но такие действия профсоюза связаны с защитой личных прав работника.

Если работник не является членом профсоюза, он может обратиться за помощью в комиссию по трудовым спорам, если таковая создана и действует в рамках работодателя, либо, поскольку положения Трудового кодекса Российской Федерации (часть 1 статьи 384 ТК РФ) не требуют от работодателя создания комиссии по трудовым спорам, прибегнуть к мерам самозащиты можно прибегнуть к мерам самозащиты.

Система защиты трудовых прав педагогических работников в трудовом и образовательном законодательстве постоянно совершенствуется. Например, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании» в части 2 статьи 45 предусматривает создание нового коллегиального органа управления образовательными организациями — Комитета по урегулированию споров заин-

тересованных сторон в сфере образования (ККОС). На первый взгляд, этот комитет, судя по целям, указанным в Законе об образовании, призван защищать только тех, кто получает образование, обжаловать нарушения, связанные с реализацией права на образование, а также других прав, связанных с образованием, в части 3 статьи 47 указанного Закона, предусматривает, что право на обжалование в USEPA является одним из академических прав преподавателей.

Трудовое законодательство предусматривает возможность защиты чести и достоинства в процессе трудовой деятельности, однако такая защита осуществляется в основном административными и гражданско-правовыми способами. В соответствии со статьей 23.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях судья единолично рассматривает дела об административных правонарушениях, связанных с неуважением к суду. Это было введено Федеральным законом «О порядке внесудебного урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (№ 197 от 27 июля 2010 года). Медиация — это способ урегулирования споров с участием посредника (медиатора) для достижения выгодного для всех решения, основанный на добровольном согласии всех сторон.

В России, как правило, медиация используется сторонами трудовых отношений для разрешения конфликтных ситуаций: «подтверждения фактов трудовых отношений, взыскания задолженности по заработной плате, возвращения на работу и выплаты сумм, причитающихся по трудовому договору». С другой стороны, Трудовой кодекс РФ прямо не предусматривает такой формы защиты, и, на наш взгляд, использование данной процедуры является спорным, так как примирительные процедуры используются в большей степени в интересах работодателя.

В широком смысле трудовые отношения подразумевают наличие связи, основанной на властных отношениях, когда работники зависят от работодателя и не обладают тем же набором возможностей, прав и полномочий, что и работодатель. Примечательно, что работники сферы образования не являются самыми экономически стабильными в обществе и зачастую не имеют возможности обратиться за юридической помощью для защиты своих трудовых прав.

Как показывает практика, большинство педагогических работников не в состоянии оплатить качественные юридические услуги, когда они им необходимы. В то же время спрос на такие услуги необычайно высок в связи со значительным объемом и сложностью правового регулирования различных аспектов общественных отношений. В связи с этим принятие Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» представляется весьма целесообразным в связи с отчаянными запросами населения в современных условиях. Важно подробно проанализировать данный Федеральный закон. Это связано с тем, что он позволяет акцентировать внимание на четком выражении двух важных механизмов

оказания юридической помощи педагогам (негосударственного и государственного) и различиях в рассматриваемых нормативных правовых актах.

Так, в отношении государственной юридической помощи закон предусматривает привлечение адвокатов (нотариусов) в государственную систему бесплатной юридической помощи или (и) возможность создания юридического отдела. Что касается негосударственных учреждений, то закон предусматривает создание негосударственных центров оказания бесплатной юридической помощи и юридических клиник при вузах.

В документе не определены критерии, позволяющие разграничить два указанных механизма оказания бесплатной юридической помощи. Например, нет четкого обоснования отнесения юридических клиник, созданных при учебных заведениях, к негосударственной форме оказания юридической помощи. Если вузы являются негосударственными высшими учебными заведениями, то юридические клиники, созданные в их структурах, вполне логично относятся к негосударственной системе бесплатной юридической помощи работникам сферы образования.

Литература:

1. Федеральный закон Российской Федерации «О порядке разрешения индивидуальных трудовых споров» № 90-ФЗ от 30 июня 2006 года.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации (в редакции от 01.07.2023 г.).
3. Постановление Правительства РФ «О разработке и утверждении положений о комиссиях по трудовым спорам» № 423 от 24 мая 2007 года.
4. Алексеева Д. Г., Пыхтин С. В. Альтернативное разрешение споров: Учебное пособие. М.: Проспект, 2023. С. 5.
5. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. М.: Норма, 2023. С. 4.
6. Васильева Е. Е. Трудовое право: Учебник для вузов. М.: Инфра-М, 2022. С. 1.
7. Голубцов В. Г. Правоохранительные органы: Учебник. М.: Юрайт, 2023. С. 56.
8. Ершов В. В., Ершова Е. А. Трудовые споры: Практическое руководство. М.: Статут, 2023. С. 6.
9. Жуков А. Л. Медиация в трудовых отношениях: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2023. С. 10.
10. Карпенко О. М. Альтернативные способы разрешения трудовых споров: Монография. Ростов-на-Дону: Феникс, 2023. С. 67.

Условное осуждение: анализ правовых оснований и условий применения

Богданова Ольга Николаевна, старший лейтенант внутренней службы, инспектор
УФСИН России по Кировской области

В статье проводится всесторонний анализ правовых оснований и условий применения условного осуждения в рамках российского уголовного законодательства. Особое внимание уделяется правовым аспектам контроля за условно осуждёнными лицами и исполнением ими обязанностей, возложенных на них судебным решением.

Ключевые слова: условное осуждение, основания применения условного осуждения, осуждённый, испытательный срок.

В настоящее время самой частой мерой наказания в российском уголовном праве является условное осуждение. Эта мера наказания сформировалась в результате развития и смягчения института наказания, что позволило более цивилизованным образом подходить к вопросам исправления осуждённых, не прибегая к лишению свободы, если это не требуется для достижения целей наказания.

Условное осуждение — это мера, при которой суд, признавая виновным лицо, может назначить наказание, но не применять его реально, если считает, что осуждённый может исправиться без отбывания наказания. Это решение принимается с учётом характера и степени общественной опасности преступления, личности осуждённого, смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Основанием для применения условного осуждения является возможность исправления осуждённого без реального отбывания наказания. Однако суд устанавливает определённые обязанности для осуждённого, чтобы обеспечить его исправление в условиях свободы.

Таким образом, условное осуждение является альтернативой лишению свободы и позволяет более гуманно подходить к вопросам исправления преступников, если это возможно без угрозы для общества.

В широком смысле условное осуждение не рассматривается как наказание. Человек продолжает жить в привычных для него условиях, но его поведение корректируется через обязанности, которые он должен выполнять в течение испытательного срока. Этот срок устанавливается вместе с условным осуждением.

Суд, назначая условное осуждение, может возложить на условно осужденного обязанности, учитывая его возраст, трудоспособность и состояние здоровья. В течение испытательного срока условно осужденный должен: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за исправлением осужденного; не посещать определенные места; пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания; трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации, и других обязанностей, способствующих его исправлению. Все обязанности, возлагаемые судом на условно осужденных должны способствовать исправлению условно осужденного и не противоречить действующему законодательству и нормам морали [2, с. 144].

Условное осуждение может быть прекращено судом до истечения срока по ходатайству контролирующего органа, если осужденный продемонстрирует исправление своим поведением. Ходатайство может быть подано, когда пройдет не менее половины испытательного срока.

За нарушение условно осужденным предъявляемых к нему требований в законе предусмотрены два вида мер взыскания: возможность продления испытательного срока и отмена условного осуждения.

Суд, действуя по представлению контролирующего органа, вправе продлить испытательный срок по любому из трех оснований:

- 1) умышленное уклонение от исполнения возложенных на осужденного обязанностей;
- 2) уклонение от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда;
- 3) нарушение общественного порядка, за которое виновный привлечен к административной ответственности.

Установленный приговором испытательный срок может быть продлен не более чем на один год.

В случае уклонения осужденного от исполнения обязанностей или совершения нарушений общественного порядка, с привлечением к административной ответственности, суд вправе продлить испытательный срок в пределах одного года.

Отмена условного осуждения как мера уголовно-правового воздействия подразумевает переход к фактическому отбыванию назначенного наказания.

Основаниями такой отмены являются: систематическое нарушение общественного порядка, с привлечением к административной ответственности; систематическое неисполнение обязанностей; если условно осужденный скрылся от контроля; совершение в течение испытательного срока преступления небольшой или средней тяжести; совершение в течение испытательного срока тяжкого или особо тяжкого преступления.

Систематическое нарушение общественного порядка определяется как повторное (два и более раз в течение года) совершение действий, за которые виновный при-

влекался к административной ответственности (часть 5 статьи 190 УИК РФ). Систематическое неисполнение обязанностей подразумевает повторное (более двух раз в течение года) выполнение запрещенных действий или невыполнение предписаний, установленных судом, либо продолжительное (более 30 дней) невыполнение таких предписаний (часть 5 статьи 190 УИК РФ). Лицо, место нахождения которого не установлено в течение более 30 дней, считается скрывающимся от контроля (часть 6 статьи 190 УИК РФ).

При систематическом нарушении осужденным общественного порядка и не исполнении обязанностей, установленных судом, а также сокрытии от контроля контролирующего органа, суд вправе отменить условное осуждение и применить к осужденному реальное наказание.

В случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой или средней тяжести вопрос об отмене или о сохранении условного осуждения решается судом.

В случае отмены условного осуждения вследствие совершения нового преступления, наказание назначается по совокупности приговоров (статья 70 УК РФ). Суд полностью или частично присоединяет к наказанию, назначенному за новое преступление, наказание, назначенное условно по предыдущему приговору, в порядке, установленном частью 5 статьи 74 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного преступления, относящегося к категории тяжких или особо тяжких, суд принимает решение об отмене условного осуждения и назначает наказание в соответствии с положениями статьи 70 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Цель установления испытательного срока состоит в удержании условно осужденного от нарушений порядка его отбывания посредством чего выработать у него склонность к ведению законопослушного образа жизни, убедив самого осужденного и общество в том, что примененная к нему мера уголовно правового воздействия были достаточной, целесообразной, а самое главное эффективной [1, с. 26].

В заключение, рассматривая правовую природу института условного осуждения в контексте его применения в качестве механизма назначения и исполнения уголовного наказания, необходимо подчеркнуть, что основанием для применения условного осуждения является общая нецелесообразность реального исполнения наказания, назначенного судом, обусловленная возможностью достижения целей уголовного наказания, таких как исправление осужденного, восстановление социальной справедливости и предотвращение совершения новых преступлений. Это достигается посредством оценки наличия и достаточности совокупности специфических условий и обстоятельств, предусмотренных законодательством.

Литература:

1. Князева О. В. Современные проблемы применения условного осуждения / О. В. Князева. — Текст: непосредственный // Отечественная юриспруденция. — 2017. — № 5. — С. 26–29.
2. Миретина М. А. Современные проблемы применения условного осуждения в Российской Федерации / М. А. Миретина. — Текст: непосредственный // Вестник науки. — 2023. — № 7. — С. 144–148.

Отдельные виды коммерческого найма жилого помещения

Брысов Алексей Викторович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуются вопросы внутренней дифференциации договора коммерческого найма жилого помещения. Автор проводит анализ действующего законодательства и правоприменительной практики, на основе которого определяет критерии для правильной квалификации такого договора. В работе обосновывается, что квалифицировать договор коммерческого найма исключительно по сроку его действия недостаточно. Ключевой вывод автора заключается в том, что для корректной квалификации договора коммерческого найма необходимо учитывать его субъектный состав. Такой подход, по мнению автора, позволит: принимать во внимание цель заключения договора и добиться более сбалансированного правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: договор коммерческого найма жилого помещения, срок договора, наймодатель, наниматель

Certain types of commercial leasing of residential premises

The article examines issues related to the internal differentiation of a commercial residential lease agreement.

The author conducts an analysis of current legislation and law enforcement practice, on the basis of which criteria for the proper qualification of such an agreement are identified. The paper argues that qualifying a commercial lease agreement solely based on its duration is insufficient. The author's key conclusion is that to properly qualify a commercial lease agreement, it is necessary to take into account its subject composition. According to the author, this approach will allow for consideration of the purpose for which the agreement is concluded; help achieve more balanced legal regulation in this area.

Keywords: commercial residential lease agreement, term of the agreement, Landlord, tenant.

В современном российском праве договор коммерческого найма жилья играет важную роль в решении жилищного вопроса граждан. Однако существующая система правового регулирования этого института требует существенного совершенствования, чтобы соответствовать актуальным потребностям гражданского оборота.

Основная проблема исследования заключается в необходимости более детальной классификации договоров коммерческого найма. Традиционный подход, основанный исключительно на сроке действия договора, является недостаточным для полноценного правового регулирования.

В современном жилищном праве России существует несколько основных механизмов получения временного жилья. Каждый из них нацелен на удовлетворение потребностей определённых групп населения.

Договор коммерческого найма представляет собой универсальный инструмент, доступный практически любому желающему. Его главное преимущество заключается в отсутствии необходимости подтверждать какой-либо особый статус или доказывать свою нуждаемость

в жилье. Это делает его наиболее демократичным вариантом для широкого круга граждан.

Социальный наём ориентирован на поддержку незащищённых слоёв общества, особенно тех, кто испытывает финансовые трудности и не способен самостоятельно решить жилищный вопрос. Несмотря на разные критерии предоставления, оба вида договоров служат общей цели — реализации государственной политики в сфере жилья.

Особую категорию составляют специализированные жилые помещения. Они предоставляются на временной основе строго определённым законом группам граждан. Основанием для получения такого жилья служат специфические обстоятельства: прохождение службы, обучение, принадлежность к льготным категориям и другие случаи, предусмотренные законодательством.

В последние годы остро встала проблема защиты прав нанимателей. Основные трудности связаны с непрозрачностью условий аренды и частыми нарушениями со стороны наймодателей. Наиболее распространённые проблемы включают:

- неожиданное повышение арендной платы;
- одностороннее изменение условий договора;
- нарушение законных прав нанимателей.

Эти факторы создают нестабильную ситуацию на рынке арендного жилья и вынуждают нанимателей соглашаться на невыгодные условия.

Таким образом, каждый тип договора найма выполняет свою важную социальную функцию, обеспечивая жильём различные группы населения в соответствии с их потребностями и правовым статусом.

В правовой науке важно, чтобы любая классификация имела реальное значение как с научной, так и с практической точки зрения. Пустые классификации без конкретного смысла не несут пользы для развития правовой системы.

Применительно к договорам найма это правило особенно актуально. Главная задача классификации — выявить уникальные характеристики каждого вида договора, которые затем можно учитывать при создании и применении правовых норм. Анализ различных видов аренды показывает, что каждый из них имеет свои особенности. Например:

- договор аренды зданий выделяется из-за специфики объекта;
- договор аренды транспортных средств регулируется отдельно по той же причине.

Разные объекты требуют разного подхода к регулированию.

Следует отметить, что не все критерии подходят для классификации. Например, деление аренды зданий по этажности не имеет смысла с точки зрения права, так как эта характеристика не влияет на необходимость создания специальных правовых норм.

В современной правовой доктрине существует особый подход к разграничению договоров найма жилья по сроку их действия. Н. М. Рыбина отмечает интересную особенность краткосрочного найма: при таком формате существенно ограничивается объём прав арендатора, что, в свою очередь, снижает риски для собственника и повышает гарантии исполнения договорных обязательств [1, с. 70].

В сфере коммерческого найма жилья наиболее распространено деление договоров на:

- краткосрочные (до года)
- долгосрочные (от года до пяти лет)

При этом само существование жёстких временных ограничений вызывает серьёзные дискуссии в юридическом сообществе. Дело в том, что подобная практика не характерна для российского гражданского права в целом.

Вопрос о правомерности таких ограничений рассматривался в Конституционном Суде РФ. В своём решении суд пояснил, что установленные законом временные рамки направлены на обеспечение стабильности договорных отношений [2]. При этом за арендатором сохраняется преимущественное право на продление договора при соблюдении определённых условий.

Законодательное регулирование сроков договора коммерческого найма жилья имеет чёткое обоснование и направлено на защиту интересов обеих сторон соглашения. В указанном Определении Конституционный Суд РФ подтвердил конституционность норм ГК РФ о сроках договора найма [3], подчеркнув, что они защищают как нанимателя, так и наймодателя. Основная цель такого регулирования — обеспечение стабильности гражданского оборота. При этом анализ правовых норм показывает, что защита интересов собственника-наймодателя является приоритетной.

Правовое положение сторон существенно различается. Наниматель имеет право расторгнуть договор в любой момент, предупредив наймодателя за три месяца. Наймодатель связан сроком договора и может расторгнуть его только при наличии веских оснований

Важность временных ограничений обусловлена тем, что собственник жилого помещения, заключая договор найма, на длительный срок лишается возможности использовать своё имущество. Учитывая первостепенную значимость жилищных прав для граждан, законодатель установил определённые рамки для защиты интересов собственников.

Дихотомичность классификации договоров найма по сроку проявляется в том, что, в отличие от договора аренды, договор коммерческого найма не может быть заключён на неопределённый срок. Это создаёт определённость для собственника и предотвращает возможные злоупотребления со стороны нанимателя.

Таким образом, установление предельных сроков договора коммерческого найма — это компромиссное решение, направленное на создание баланса интересов участников договора при приоритете стабильности жилищных отношений.

Ключевой момент заключается в том, что классификация должна быть не просто формальной, а должна помогать в правовом регулировании. Только тогда она будет иметь реальную ценность для правовой системы и практики её применения. Таким образом, при разработке классификаций важно ориентироваться на их практическую применимость и способность улучшать правовое регулирование соответствующих отношений.

При этом для каждой категории установлены свои особенности правового регулирования. Например, в долгосрочных договорах предусмотрены дополнительные гарантии для нанимателя, включая преимущественное право на продление соглашения.

Субъектный состав договора также играет важную роль в его квалификации. На стороне нанимателя всегда выступает физическое лицо, а наймодателем может быть: гражданин, юридическое лицо, предприниматель, публично-правовое образование.

Особое внимание уделяется договорам с участием предпринимателей, где наниматель фактически является потребителем. В таких случаях должны применяться дополнительные нормы защиты прав потребителей. Хотя

закон прямо говорит о продаже товаров, выполнении работ и оказании услуг, судебная практика признает необходимость его применения и к отношениям по предоставлению жилья в пользование, особенно когда речь идет о профессиональной сдаче жилья.

Как отмечают некоторые исследователи, в последние годы наблюдается рост числа случаев, когда права нанимателей нарушаются. Одной из основных проблем коммерческого найма является отсутствие прозрачности в условиях аренды и высокая вероятность нарушения прав нанимателей [4]. Кроме того, многие наниматели сталкиваются с несанкционированными повышениями арендной платы и произвольным изменением наймодателями условий договора. Это создает неопределенность для нанимателей, вынуждая их мириться с несправедливыми условиями из-за страха потерять жилье [5].

Таким образом, правовой режим договора коммерческого найма существенно зависит от статуса его участ-

ников и срока действия, что требует дифференцированного подхода к регулированию таких отношений. Правовое регулирование долгосрочного договора коммерческого найма жилья должно быть направлено на создание максимально стабильных правоотношений между сторонами. Ключевая задача такого регулирования — обеспечить надёжное закрепление за нанимателем права пользования жилым помещением на длительный период. В связи с этим законодатель предусматривает для нанимателя расширенный объём прав по сравнению с краткосрочным наймом.

Итак, существующая система правового регулирования договоров коммерческого найма требует модернизации с учетом различных факторов, включая срок договора, статус участников и цели заключения соглашения. Это позволит создать более эффективную и справедливую систему защиты прав всех участников жилищных отношений.

Литература:

1. Рыбина, Н. М. Договор коммерческого найма жилого помещения по российскому гражданскому праву: диссертация... кандидата юридических наук: 5.1.3. / Рыбина Наталья Михайловна; [Место защиты: Российский государственный университет правосудия; Диссовет 78.2.001.04 (78.2.001.04)]. — Москва, 2024. — 224 с.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 31.03.2022 № 683-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шершневой Ольги Сергеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 683 и абзацем первым статьи 684 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410
4. Короткова, М. В. К вопросу о краткосрочном найме жилых помещений в многоквартирных домах / М. В. Короткова // Вестник Московского университета МВД России. — 2025. — № 2. — С. 107–113.
5. Рязанцева, Е. Г. Расторжение договора коммерческого найма жилого помещения / Е. Г. Рязанцева, М. Н. Рядинская // Проблемы научной мысли. — 2025. — Т. 1, № 3. — С. 68–74.

Проблемы изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд

Булыкова Энкира Баатровна, студент;

Шкут Мария Алексеевна, студент

Научный руководитель: Аверьянова Наталья Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд в России. Анализируются правовые аспекты действующего законодательства и правоприменительной практики, а также предлагаются пути для совершенствования данной системы.

Ключевые слова: земельный участок, государственные и муниципальные нужды, основания, процедура, правовые проблемы.

«Вопросы, касающиеся земельных правоотношений, включая изъятие участков для государственных и муниципальных нужд, играют важную роль в развитии экономики и повышении качества жизни населения. В условиях

рыночной экономики эффективное перераспределение земельных ресурсов среди участников правоотношений является ключевым фактором для нормального функционирования современного общества» [1, с.258]. Изъятие зе-

мельных участков для государственных и муниципальных нужд представляет собой правовой механизм для развития государства, позволяющий реализовывать инфраструктурные, оборонные, экологические и социальные проекты в интересах общества. Однако, несмотря на наличие законодательной базы, правоприменительная практика сталкивается с существенными сложностями и противоречиями, которые могут приводить к нарушению прав собственников, замедлению реализации социально значимых инициатив и формированию социальной напряженности.

Одной из главных проблем правового регулирования изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд является отсутствие в действующем законодательстве определения понятия «государственные и муниципальные нужды». Данное понятие, используемое в нормах Земельного кодекса Российской Федерации (далее-ЗК РФ) (ст. 49, 56.2–56.11) [2], Гражданского кодекса Российской Федерации (далее-ГК РФ) (ст. 279–282) [3], а также в иных актах, таких как Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (далее-ФЗ № 44-ФЗ) [7] и Жилищный кодекс РФ (ст. 32) [8], остается неопределенным, что создает пробелы в правовом регулировании.

В отличие от утратившего силу Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21.07.2005 № 94-ФЗ, который давал определение государственных нужд как «обеспечиваемые за счет федерального бюджета или бюджетов субъектов Российской Федерации и внебюджетных источников финансирования потребности Российской Федерации... в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления функций и полномочий» [9], действующие нормативно-правовые акты не дают такого определения.

В энциклопедии решений системы ГАРАНТ отмечают, «нормы Закона № 44-ФЗ не содержат определения понятий «государственные нужды», «федеральные нужды», «муниципальные нужды», «нужды бюджетных учреждений» и, соответственно, не разграничивают эти понятия» [10]. Это ведет к расширительному толкованию термина, лишенному четких качественных и количественных критериев, что нарушает правила юридической техники и создает почву для субъективизма в интерпретации со стороны уполномоченных органов.

Неопределенность понятия «государственные и муниципальные нужды» порождает ряд правоприменительных проблем при реализации норм об изъятии земельных участков. В первую очередь это связано с невозможностью четкого разграничения публичного интереса и частных прав, что нередко приводит к спорам между органами власти и гражданами. Как отмечает в своей работе А. Д. Мартынова, «в действующем законодательстве отсутствует его четкое определение. Это приводит к неясности критериев для определения таких нужд, что может

способствовать злоупотреблениям со стороны уполномоченных органов и нарушению конституционных гарантий» [11].

Например, под видом реализации «общественно полезных целей» могут изыматься участки для проектов с коммерческим уклоном (строительство платных дорог, торговых комплексов, добыча полезных ископаемых частными компаниями), что противоречит характеру изъятия, предусмотренному ст. 49 ЗК РФ [2].

Примером такой практики является дело № А54–1090/2023, рассмотренное Арбитражным судом Рязанской области. Правительство Рязанской области на основании ходатайства ООО «Серебрянский цементный завод» (коммерческая организация, производящая цемент для последующей продажи) приняло распоряжение № 622-р от 10.11.2022 об изъятии у индивидуального предпринимателя 90,2 га земель сельскохозяйственного назначения для «проведения работ, связанных с использованием недр, в том числе осуществляемых за счет средств недропользователя».

Фактически изъятие осуществлялось в интересах частного недропользователя, имеющего лицензию на добычу известняка и глины для производства цемент-продукции, реализуемой на рынке с целью получения прибыли. Собственник оспаривал распоряжение, указывая, что изъятие производится в интересах коммерческой организации, а не для удовлетворения публичных нужд; недропользователь не доказал невозможность получения земель иным способом; у завода имеются значительные неразработанные резервы собственных нужд и арендованных земель в границах того же горного отвода. Однако, несмотря на данные доводы, суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований, мотивировав свое решение тем, что наличие лицензии на пользование недрами само по себе презюмирует государственную нужду [12].

Подобная практика демонстрирует расширительное толкование понятия и фактическую подмену публичных интересов частными. Неопределенность также способствует злоупотреблениям: широкое усмотрение правоприменителя является коррупциогенным фактором, позволяющим без надлежащего обоснования публичной необходимости принимать решения об изъятии участков у добросовестных владельцев. В своей работе К. С. Тингаева отмечает: «в современном российском законодательстве отсутствует легальное определение государственных или муниципальных нужд. В связи с этим возникает ряд правовых неопределенностей, которые затрудняют как практическое применение норм, регулирующих изъятие земельных участков, так и защиту прав собственников» [1, с. 259].

Судебная практика также подтверждает данную проблему, Верховный Суд РФ в Определении от 27.10.2015 № 309-КГ15–5924 разъяснил, что «под государственными и муниципальными нуждами могут пониматься потребности публично-правового образования, удовлетворение которых направлено на достижение интересов обще-

ства (общественно полезных целей), но является невозможным без изъятия имущества, принадлежащего частному субъекту» [13].

Однако, как указывает А. Д. Мартынова, такое разъяснение остается неполным, поскольку не раскрывает, что именно подразумевается под «интересами общества» и как определяются «общественно полезные цели», оставляя возможность для субъективного толкования [11].

В научной среде активно обсуждается проблема отсутствия законодательного определения данного понятия, исследователи предлагают различные трактовки, настаивая на необходимости его нормативного закрепления для устранения существующих правовых пробелов. В. А. Евгеньев определяет понятие как «публичные нужды, удовлетворение которых идет на пользу либо всего населения страны, либо жителей муниципального образования» [14, с. 74], делая акцент на социальную направленность, но не говоря об исключительности и пропорциональности.

Н. П. Кабытов считает: «потребность соответствующего публично-правового образования в использовании того или иного объекта в соответствии с его законодательно установленными функциями» [15, с. 136], что является более близким определением в контексте земельного права, однако оно игнорирует механизм оспаривания. Е. Л. Барыбина предлагает следующее определение: «общественно значимые нужды (потребности) соответствующего публично-правового образования, закрепленные нормой права, объективно существующие, которые направлены на удовлетворение интересов неопределенного круга лиц (населения)»... [16, с. 81], включающее реализацию в установленном порядке уполномоченными органами.

Для решения обозначенной проблемы предлагается разработать и принять единый Федеральный закон «Об изъятии имущества для государственных и муниципальных нужд». Данный акт должен не только содержать четкое определение понятия «государственные и муниципальные нужды» — как объективно существующие, закрепленные законом общественно значимые потребности публично-правовых образований, направленные на реализацию функций в интересах неопределенного круга лиц и допускающие ограничение права собственности исключительно при отсутствии альтернатив и с обязательным равноценным возмещением — но и закрепить единую методику определения выкупной цены (включая упущенную выгоду).

Кроме того, закон должен установить критерии публичной необходимости, например, путем установления исчерпывающего перечня объектов федерального, регионального и местного значений с обязательной экспертизой альтернативных вариантов. Реализация этих мер позволит устранить правовую неопределенность, минимизировать коррупциогенные злоупотребления и нормализовать регулирование в данной сфере.

«Другая проблема института изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд — это открытый перечень оснований изъятия земельных участков. Такой перечень дает возможность за-

конодателю закреплять в федеральных законах дополнительные основания отчуждения частной земли» [17, с.25]. Данный перечень оснований изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд является одним из ключевых правовых вызовов, влияющих на гарантии права собственности и обеспечения баланса между публичными и частными интересами. Законодатель сохраняет за собой право определять новые основания изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд.

Эта способность законодателя позволяет реагировать на общественно изменяющиеся потребности, но и создает почву для злоупотреблений со стороны специально уполномоченных органов и приводит к принятию необоснованных решений, что, в свою очередь, может вызвать коррупционные проявления в процессе принятия таких решений. В связи с этим, критерии определения общественной необходимости размываются, а риск принудительного отчуждения земельного участка увеличивается, что, подрывает доверие граждан к государственным институтам. Вместо всестороннего и детального анализа каждого нового основания для изъятия в рамках единого законодательного акта, они могут быть представлены фрагментарно в разных федеральных законах, что нарушает целостность и системность в земельном законодательстве.

«Согласно позиции Н. А. Игониной и Д. И. Ережи-палиева, перечень исключительных случаев изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд, закрепленный в ст. 49 ЗК РФ, должен носить исчерпывающий характер» [17, с.25]. Для решения данной правовой коллизии необходимо закрепить все основания для изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд в ЗК РФ.

Необходимо учитывать, что общество динамично развивается и возникают новые государственные и муниципальные потребности. В связи с этим, следует предусмотреть, возможность введение нового основания только через строго установленную процедуру изменения и дополнения настоящего основного закона, а также законодательно установить критерии публичной необходимости для каждого нового основания. Такое решение проблемы способствует системности и упорядочению законодательства, повышению правовой определенности для правообладателей собственности, сокращению судебных споров, а также предоставит дополнительную защиту от необоснованного и неправомерного расширения перечня оснований для изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд.

Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд представляет собой правовой механизм, направленный на реализацию общественно-значимых проектов, но порождающий ряд правовых вопросов. Для решения вышеизложенных правовых проблем требуется всесторонний и комплексный подход, затрагивающий законодательство, правоприменительную практику и механизмы соответствующего контроля.

Литература:

1. Тиньгаева, Т. С. Проблемы изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд / Т. С. Тиньгаева. — Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции. — 2025. — № 5. — С. 257–265.
2. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 26.11.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 26.11.2025).
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.12.2014 N 499-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173198/ (дата обращения: 26.11.2025).
5. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 N 218-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 26.11.2025).
6. Основания и порядок изъятия земельного участка у его собственника (правообладателя).. — Текст: электронный // Коллегия адвокатов- Грозный и партнеры: [сайт]. — URL: https://rostov.advocats.group/news/news/osnovaniya_i_poryadok_izyatie_zemelnogo_uchastka_u_ego_sobstvennika_pravoobladatelya_ (дата обращения: 26.11.2025).
7. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 26.11.2025).
8. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 04.11.2025). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 26.11.2025).
9. Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21.07.2005 N 94-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54598/ (дата обращения: 26.11.2025).
10. Энциклопедия решений. Государственные и муниципальные нужды (октябрь 2025). — Текст: электронный // ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/58079516/> (дата обращения: 26.11.2025).
11. Мартынова, А. Д. Проблемы правового регулирования изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд / А. Д. Мартынова. — Текст: электронный // Интернет-конференции Сибирского юридического университета: [сайт]. — URL: <https://conf.siblu.ru/problems-pravovogo-regulirovaniya-izyatiya-zemelnyh-uchastkov-dlya-gosudarstvennyh-i-municipalnyh> (дата обращения: 26.11.2025).
12. Решение от 12 сентября 2023 г. по делу № А54–1090/2023 Арбитражный суд Рязанской области (АС Рязанской области). — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/7D955J1uTFWh/> (дата обращения: 26.11.2025).
13. Решение Верховного суда: Определение N 309-КГ15–5924 от 27.10.2015 Судебная коллегия по экономическим спорам, кассация. — Текст: электронный // Закон РФ правовая навигационная система: [сайт]. — URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/29609985f23752717d11893e8120acc5/> (дата обращения: 26.11.2025).
14. Евсегнеев, В. А. Собственность на землю в фокусе интересов / В. А. Евсегнеев. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2004. — № 8. — С. 69–79.
15. Кабытов, Н. П. Выкуп земельного участка как основание прекращения права частной собственности: автореф. к дисс: специальность 12.00.03 «гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кабытов Николай Петрович; ГОУ ВПО «Самарский государственный университет». — Казань, 2004. — 286 с. — Текст: непосредственный.
16. Барыбина, Е. Л. Понятие «государственные (муниципальные) нужды» в предмете государственного контракта как средство самоорганизации гражданских правоотношений по поставке товаров для государственных и муниципальных нужд / Е. Л. Барыбина. — Текст: непосредственный // Современное право. — 2014. — № 10. — С. 79–83.
17. Балтуева, О. Р. О некоторых проблемах изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд / О. Р. Балтуева, Р. А. Балдаева. — Текст: непосредственный // СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИСТИКА: научно-практический журнал. — 2021. — № 2. — С. 21–28.

Порядок разработки и принятия актов органов публичной власти

Выползова Валентина Владимировна, студент магистратуры
Южно-Уральский технологический университет (г. Челябинск)

В публикации исследуются некоторые концептуальные и прикладные проблемы разработки и принятия нормативных актов органами исполнительной власти. Анализируются проблемы систематизации таких актов, их предварительного обсуждения, предмета правового регулирования, ограничений основных права и свобод, принципа гласности и некоторые иные вопросы подзаконного нормотворчества. Автором сформулированы перспективные предложения по совершенствованию практики подзаконного нормотворчества в Российской Федерации.

Ключевые слова: административное право, государственное управление, орган публичной власти, подзаконное правотворчество, нормативный правовой акт, основные права и свободы.

Актуальность темы вполне объяснима той неосценимой значимостью, которую в механизме государственного управления играют вопросы разработки и принятия органами публичной власти различных актов нормативной и ненормативной природы. Эта деятельность, сочетающая в себе нормотворческие и управленческие элементы, весьма масштабна и требует привлечения масштабных ресурсов кадрового, темпорального, материально-технического и бюджетного характера.

Что касается самого массива актов, повседневно разрабатываемых и принимаемых органами публичной власти, то он огромен в количественном выражении и весьма разнороден по содержанию и правовой природе. С учётом объективной невозможности проанализировать в рамках одной-единственной публикации всю проблематику по данной теме, ограничимся анализом наиболее актуальной области, а именно — текущими проблемами подзаконного нормотворчества органов исполнительной власти в современных реалиях государственного управления.

Первая проблема носит концептуальный характер и связана с отсутствием в действующем законодательстве официальных дефиниций таких понятий как «нормативно-правовой акт», «акт, обладающий нормативными свойствами», «закон», «подзаконный акт», «акт правоприменения», «административный акт» и ряд иных смежных концептов. Все попытки научного сообщества убедить федеральных законодателей в необходимости принять некий общий (модельный) закон о нормативных правовых актах, которые в качестве первостепенного блока включал бы развёрнутый понятийно-категориальный аппарат механизма правотворчества в нашей стране, потерпели неудачу [1, с. 534]. Отсутствие законодательных определений ключевых понятий в сфере правообразования продуцирует зоны правовой неопределённости, приводит к разнонаправленным истолкованиям и перманентным судебным спорам.

Вторая проблема, на которую считаем нужным указать, касается огромного разнообразия актов подзаконного нормотворчества, разрабатываемых и принимаемых органами исполнительной власти всех уровней и отсутствия их единой (универсальной) официальной систематизации по видам, форматам и содержанию напол-

нению. Особенно актуальна указанная проблематика на региональном уровне, где аналогичные по содержанию подзаконные акты в разных субъектах Федерации издаваться в различных форматах (например, в форме указа или постановления), что подрывает идею правовой унификации как основы конституционного принципа равенства всех и каждого перед законом и судом.

Кроме того, обратим внимание на неопределённость статуса таких подзаконных актов, обладающих программно-идеологической природой, таких как разного рода концепции, программы, стратегии, доктрины, основные направления и некоторые иные. Их присутствие в рамках национального правопорядка вполне оправдано, а утилитарная роль в системе правового воздействия сомнению не подлежит. Однако сколько-нибудь унифицированного алгоритма разработки и принятия официально не предусмотрено, не урегулированы законодательно их правовая природа, место в правовой системе, юридическая сила, правовые последствия их действия и ряд иных аспектов, что провоцирует существование зоны правовой неопределённости. Ситуацию усугубляет утверждение подобного рода подзаконных актов неопределённой правовой природы нормативными актами органов исполнительной власти; выступая в неразрывной связке с утвердившими их указами и постановлениями, такие программные документы де факто приобретают некие нормативные свойства, что ещё более запутывает вопрос.

Некоторые ведомства издают подзаконные акты в форматах, которые не предусмотрены законодательно, и не применяются другими органами исполнительной власти, что провоцирует споры об их месте в системе нормативных актов. К примеру, в системе МВД России имеет место практика принятия подзаконных актов в форме т. н. наставлений, которая неизвестна ни одному другому ведомству и, соответственно, правовая природа таковых наставлений остаётся неясной и противоречивой.

Следующий блок проблем связан с неуклонным обеспечением верховенства права в области подзаконного нормотворчества. Большинство рисков здесь связаны либо с возникновением коррупционных факторов при издании подзаконных актов, либо с неправомерным ограничением основных прав и свобод, либо с возникнове-

нием разного рода коллизий, фрагментации, правовой неопределённости, обусловленных дефектами нормотворчества или объективными причинами. Весьма часто подзаконные акты грешат вопиющими недостатками с точки зрения основных канонов юридической (правообразовательной) техники [2, с. 13–14]. Нередко нарушаются процедуры их разработки, принятия и обнародования, что провоцирует серьёзные угрозы для соблюдения основных прав и свобод.

Полагаем существенной гарантией в части соблюдения нормотворческого комплайенса может стать широкое общественное обсуждение по меньшей мере ключевых проектов подзаконных актов федеральных министерств и ведомств на стадии их разработки и принятия. Думается, ключевую роль в таких обсуждениях могла бы играть Общественная палата Российской Федерации. Активнее задействовать потенциал гражданского общества в этом контексте — весьма перспективная и вполне выполнимая задача для обеспечения законности в сфере подзаконного нормотворчества.

В контексте придания процессам подзаконного нормотворчества большей гласности и открытости представляет интерес проблема издания некоторыми ведомствами нормативных актов, затрагивающих основные права и свободы под грифом «для служебного пользования». Подобная практика, к примеру, присуща для подзаконного урегулирования некоторых вопросов правового статуса осужденных в уголовно-исполнительной системе России

[3, с. 30]. Думается, такого рода подзаконные акты, если они связаны с какими-либо правоограничениями в области основных прав и свобод должны носить открытый для российского общества характер, что полноценно соответствует конституционно провозглашённому принципу: только федеральный закон может ограничивать основные права и свободы.

В завершение краткого экскурса в заявленную проблематику констатируем, что система подзаконного нормотворчества в России требует неотложного внимания федеральных законодателей с целью её законодательного урегулирования и упорядочивания. Представляется целесообразным на уровне федерального закона сформировать понятийно-категориальную базу подзаконного нормотворчества, а также унифицировать все этапы и процедуры разработки, принятия и обнародования нормативных актов органами исполнительной власти всех уровней публичной власти. Доступные к изданию формы и виды подзаконных актов должны стать едиными для всех структур публичной власти, независимо от их ведомственной принадлежности. Предложенные выше рекомендации должны способствовать наращиванию качества, эффективности и действенности подзаконного нормотворчества, что так необходимо для преодоления нашей страной тех воистину беспрецедентных угроз и вызовов, с которыми она столкнулась (и продолжает сталкиваться) в настоящий период своего исторического развития.

Литература:

1. Воробьёва, Ю. Ю. Актуальные способы обеспечения принципа законности при принятии нормативных правовых актов органами исполнительной власти / Ю. Ю. Воробьёва // Юрид. наука. — 2025. — № 4. — С. 553–555.
2. Злобин, А. В. Подзаконное нормотворчество: учеб.-метод. пособие / А. В. Злобин. — Саратов: Изд. центр «Наука», 2025. — 51 с.
3. Кошечева, Е. С. Административные акты нормативного характера / Е. С. Кошечева // Административное право и процесс. — 2024. — № 8. — С. 29–31.

Проблема соотношения товарных знаков с общественными интересами, принципами гуманности и морали

Гадаева Зарина Шахнавазовна, студент магистратуры

Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В статье автор рассматривает такое требование к обозначениям, заявляемым в качестве товарных знаков, как соответствие общественным интересам, принципам гуманности и морали. Противоречие указанному требованию анализируется на основе примеров из судебной практики.

Ключевые слова: товарный знак, общественные интересы, принципы гуманности и морали.

В современном мире изобилия товаров и услуг, а также их производителей, особое значение приобретают средства индивидуализации, которые позволяют отли-

чить товар одного производителя от другого. К таким средствам индивидуализации относятся товарный знак, знак обслуживания, фирменное наименование, ком-

мерческое обозначение, географическое указание, фирменный знак слоган, бренд. Среди них товарный знак имеет особое, иногда даже приоритетное значение.

Товарный знак — это обозначение, служащее для индивидуализации товаров, на которое признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак [1] (ст. 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)).

Основная задача товарных знаков — индивидуализировать товары конкретного производителя, что позволяет потребителям делать осознанный выбор, а правообладателям — извлекать выгоду из созданной деловой репутации и вложений в продвижение бизнеса. В качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации. При этом товарный знак может быть зарегистрирован в любом цвете или цветовом сочетании (ст. 1482 ГК РФ).

Законом установлен ряд требований к товарным знакам. Одно из таких требований — это запрет на регистрацию в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали (п.п. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ).

Цель настоящей статьи — выяснить, как именно применяются установленные ГК РФ правила на практике и существуют ли связанные с таким применением проблемы.

Вопросы соответствия товарных знаков общественным интересам, принципам гуманности и морали поднимали в своих исследованиях такие авторы, как Корнеев В. А. [2], Каменева Е. Н. [3], Акинина А. В., Свиридова Е. А. и другие.

Центральной проблемой применения вышеназванной нормы выступает отсутствие четкого юридического определения содержащихся в ней понятий. Что именно мы должны понимать под а) общественными интересами, б) принципами гуманности и в) моралью?

В словарях и научной литературе можно найти следующие определения для данных понятий.

Общественные интересы — это интересы, направленные на достижение благих целей, соответствующих общим представлениям нравственности, морали, справедливости [4].

Принцип гуманности или гуманизма это принцип, который подчеркивает ценность и достоинство каждого человека. Он утверждает, что люди должны рассматриваться как ценность в себе, а не просто как средство для достижения какой-то цели [5].

Мораль — это совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и к обществу; нравственность [6].

Сложившаяся практика исходит из того, что оценка должна производиться с учетом преобладающих в российском обществе на момент подачи заявки на регистрацию норм морали и системы ценностей. При этом учитывается не только буквальное значение обозначения,

но и заложенный в него скрытый смысл, производимые им ассоциации, а также контекст, в котором оно используется. Сложность также заключается в отсутствии единой системы моральных устоев. То, что является приемлемым для одного человека (одной социальной группы), может быть неприемлемым и оскорбительным для другого человека (другой социальной группы).

Все случаи, на которые распространяется действие п.п. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, следует разделить на три группы [7]:

1) общественным интересам, принципам гуманности и морали противоречит обозначение само по себе (вне контекста товаров);

2) общественным интересам, принципам гуманности и морали противоречит ассоциация, вызываемая обозначением в отношении конкретного товара;

3) общественным интересам, принципам гуманности и морали противоречит сам факт регистрации товарного знака в отношении конкретных товаров.

Первая группа — оценивается обозначение, когда оно само по себе негативно влияет на общественные интересы, принципы гуманности и морали.

В абз. 5 п. 37 Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, утв. Приказом Минэкономразвития России от 20.07.2015 г. № 482 (далее — Правила) в качестве примеров обозначений, противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали названы: «неэтично примененная национальная и (или) государственная символика (гербы, флаги, эмблемы), антигосударственные лозунги, слова и изображения непристойного содержания, призывы антигуманного характера, оскорбляющие человеческое достоинство, религиозные чувства верующих, слова, написание которых нарушает правила орфографии» [8].

В Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 04.02.2025 г. № С01–2568/2024 по делу № СИП–483/2024 Судом сделаны следующие выводы относительно заявленного к регистрации обозначения «ВХЛАМИНГО»: «Обозначение созвучно с выражением «ВХЛАМИНУ» (синоним жаргонного выражения «в хлам»), употребляемого для характеристики очень сильного алкогольного и наркотического опьянения. С учетом выявленной семантики использование обозначения «ВХЛАМИНГО» может быть воспринято адресной группой потребителей как пропаганда алкогольного или наркотического опьянения, что очевидно противоречит общественному интересу, который состоит в популяризации здорового образа жизни и сокращении социальных последствий, связанных с употреблением алкоголя. Семантика заявленного на регистрацию обозначения очевидна для рядового российского потребителя. Спорное обозначение подлежит правовой квалификации в качестве обозначения, оскорбляющего человеческое достоинство» [9].

Вместе с тем не любое жаргонное слово может восприниматься в негативном ключе.

В Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.09.2025 г. № С01-1114/2025 по делу № СИП-88/2025 Суд относительно заявленного к регистрации обозначения «ШМОТКИ» отметил следующее: «Отнесения обозначения к элементу уголовного жаргона недостаточно для вывода о несоответствии спорного обозначения общественным интересам, принципам гуманности и морали в ситуации, когда в оспариваемом ненормативном правовом акте не указаны конкретные общественные интересы и принципы гуманности и морали, которым причиняется вред заявленным обозначением. Жаргонная лексика — это всего лишь слова, употребление которых свойственно людям, образующим обособленные социальные группы, т. е. слова и выражения, встречающиеся в речи людей, связанных определенным родом деятельности, способом времяпрепровождения и пр. Использование жаргонных слов далеко не всегда наносит вред общественным отношениям, посягает на принципы гуманности и морали» [10].

Вторая группа — когда общественным интересам, принципам гуманности и морали противоречит ассоциация, вызываемая обозначением в отношении конкретного товара.

Для применения этого правила первоначально необходимо установить круг возможных ассоциаций, вызываемых данным обозначением у потребителей.

Так, в Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.10.2023 г. № С01-1893/2023 по делу № СИП-225/2023 отмечено: «Суд первой инстанции учел сформированные в Суде по интеллектуальным правам правовые подходы к анализу восприятия российскими потребителями иностранных слов и пришел к правомерному выводу об отсутствии в материалах административного дела доказательств осведомленности адресной группы российских потребителей о семантике слова «НЕМРУ» и о наличии ассоциаций спорного обозначения с растением конопля» [11]. Интересно, что в споре речь шла об обозначении «НЕМРУ» в качестве товарного знака для товаров из конопли: каш, круп, специй. Но слово «НЕМРУ», которое в переводе означает «конопля», может вызывать у некоторых категорий людей ассоциации с употреблением запрещенных веществ.

Вместе с тем, для обозначений рассматриваемой группы характерно наличие нескольких вариантов восприятия.

Восприятие одного и того же обозначения может различаться в зависимости от контекста (от товара, для которого оно регистрируется), следовательно, осуществляется оценка восприятия потребителем конкретного обозначения применительно к конкретному товару (то есть в отношении каждого товара, для которого испрашивается регистрация).

В Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.02.2025 г. № С01-2488/2024 по делу № СИП-569/2024 указано: «Для осуществления правильной

оценки «скандальных» обозначений необходимо учитывать фактор их восприятия именно потребителями тех товаров и услуг, в отношении которых предоставлена правовая охрана проверяемому обозначению. Словесный элемент «ОПИУМ» спорных обозначений воспринимается потребителями таких товаров, как одежда, обувь, головные уборы, бижутерия, предметы канцелярии и сопутствующие услуги по производству, пошиву вещей, их рекламе и презентации, в качестве фантазийного, в то время как каких-либо доказательств, свидетельствующих о возникновении у потребителей перечисленных товаров и услуг негативных ассоциаций с наркотическими средствами и их пропагандой, представлено не было. Иными словами, с разумной степенью вероятности не предполагается возникновение у потребителей названных товаров и услуг ассоциаций, негативных как таковых и наносящих вред конкретным общественным интересам, принципам гуманности, моральным и нравственным нормам» [12].

Кроме того, на оценку обозначения не могут влиять ассоциации сотрудников регистрирующего органа — Роспатента.

В Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 01.04.2024 г. № С01-1090/2023 по делу № СИП-891/2022 Суд обратил внимание: «Негативные ассоциации сотрудников Роспатента в отношении тех или иных обозначений, если эти обозначения с разумной степенью вероятности не могут нанести вред конкретным общественным интересам, принципам гуманности или морали, сами по себе не свидетельствуют о возможности применения положений подпункта 2 пункта 3 статьи 1483 ГК РФ» [13].

Третья группа — случаи, когда общественным интересам противоречит именно предоставление правовой охраны обозначению, в то время как само по себе его использование является допустимым.

В Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.01.2022 г. № С01-2165/2021 по делу № СИП-637/2021 сделаны следующие выводы: «Заявленное на регистрацию обозначение содержит в своем составе характерные для росписи народного художественного промысла «Гжель» изобразительные элементы в виде орнамента с птицей, растениями, узорами синего и голубого цветов на белом фоне, а следовательно, в сознании потребителя в отношении данного обозначения будет формироваться представление именно о росписи «Гжель». В данном случае противоречие общественным интересам заключается в том, что путем регистрации товарного знака вводятся не предусмотренные законом ограничения для третьих лиц, в том числе для организаций народных художественных промыслов (статья 5 Закона о промыслах), по использованию конкретных воплощений стилистики «Гжель»» [14].

Противоречащей общественным интересам признаётся также регистрация товарного знака по «младшей» заявке, юридически тождественного «старшему» товарному знаку, на имя того же правообладателя в отношении

одних и тех же товаров. Предоставление правовой охраны товарным знакам иных лиц, сталкивающимся с уже существующими обозначениями, регулируется положениями п. 6 ст. 1483 ГК РФ, вместе с тем, в отношении столкновения обозначений одного и того же лица прямое законодательное регулирование отсутствует.

В Определении Верховного Суда РФ от 21.10.2020 г. № 300-ЭС20-12050 по делу № СИП-635/2018 отмечено: *«Перечень случаев, когда государственная регистрация товарного знака может противоречить общественным интересам, не является исчерпывающим. Государственная регистрация товарного знака по младшей заявке, тождественного старшему товарному знаку, на имя того же правообладателя в отношении тех же или пересекающихся (идентичных) товаров противоречит природе исключительного права, следовательно, такая регистрация противоречит общественным интересам. Действующее законодательство не предусматривает возможности*

признания на один и тот же товарный знак нескольких исключительных прав, поскольку на каждый товарный знак признается единое по своему характеру исключительное право» [15].

Проблема соотношения товарных знаков с общественными интересами, принципами гуманности и морали является динамичной и многогранной. Нормы, запрещающие регистрацию аморальных и противоречащих публичному порядку обозначений, служат важным правовым инструментом защиты фундаментальных ценностей общества. Вместе с тем, их применение сопряжено с существенными трудностями, обусловленными субъективностью оценочных категорий, культурным разнообразием и постоянной трансформацией общественных норм.

Эффективное функционирование этой системы требует от правоприменителей гибкого подхода, основанного на комплексном анализе контекста, цели использования обозначения и современных стандартов общественной морали.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026). — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).
2. Корнеев, В. А. О недопустимости противоречия товарных знаков общественным интересам, принципам гуманности и морали / В. А. Корнеев. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nedopustimosti-protivorechiya-tovarnyh-znakov-obschestvennym-interesam-printsipam-gumannosti-i-morali> (дата обращения: 10.01.2026).
3. Каменева, Е. Н. Условия охраноспособности товарных знаков в Российской Федерации / Е. Н. Каменева. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-ohranosposobnosti-tovarnyh-znakov-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 10.01.2026).
4. Околеснова, О. А. Понятие «Общественные интересы» как Информационно-правовая характеристика общественного контроля / О. А. Околеснова. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-obschestvennye-interesy-kak-informatsionno-pravovaya-harakteristika-obschestvennogo-kontrolya> (дата обращения: 10.01.2026).
5. Ахвердян, А. Г. Система принципов права и общеправовые принципы: соотношение и аспекты взаимодействия / А. Г. Ахвердян. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-printsipov-prava-i-obschepravovye-printsipy-sootnoshenie-i-aspekty-vzaimodeystviya> (дата обращения: 10.01.2026).
6. Значение слова «мораль». — Текст: электронный // Электронный онлайн словарь «Карта слов»: [сайт]. — URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).
7. Корнеев, В. А. Необходимость защиты общественных интересов, принципов гуманности и морали — не «резинное» требование к товарным знакам / В. А. Корнеев. — Текст: электронный // Журнал Суда по интеллектуальным правам: [сайт]. — URL: <https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1823544/#45> (дата обращения: 10.01.2026).
8. Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, утв. Приказом Минэкономразвития России от 20.07.2015 г. № 482. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).
9. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 04.02.2025 г. № C01-2568/2024 по делу № СИП-483/2024. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).
10. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.09.2025 г. № C01-1114/2025 по делу № СИП-88/2025. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).
11. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.10.2023 г. № C01-1893/2023 по делу № СИП-225/2023. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

12. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.02.2025 г. № С01–2488/2024 по делу № СИП-569/2024. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).
13. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 01.04.2024 г. № С01–1090/2023 по делу № СИП-891/2022. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).
14. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.01.2022 г. № С01–2165/2021 по делу № СИП-637/2021. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).
15. Определение Верховного Суда РФ от 21.10.2020 г. № 300-ЭС20–12050 по делу № СИП-635/2018. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

Правовая основа кадрового управления в муниципальном образовании

Ларина Мария Игоревна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Воронежский филиал

В статье рассмотрена правовая основа кадрового управления в муниципальном управлении Российской Федерации как ключевого направления обеспечения эффективности деятельности органов местного самоуправления. Раскрыты понятие и значение кадрового потенциала, проанализирована нормативно-правовая база, регулирующая кадровую политику на муниципальном уровне, включая Конституцию Российской Федерации, федеральные законы, подзаконные и локальные акты. Выявлены основные проблемы правового регулирования — фрагментарность нормативной базы, несогласованность актов разных уровней, недостаточная интеграция трудового, служебного и образовательного законодательства. Предложены направления совершенствования кадрового законодательства, основанные на принципах профессионализма, цифровизации и унификации муниципальной и государственной службы.

Ключевые слова: муниципальное управление, муниципальная служба, кадровое управление, кадровый потенциал, правовое регулирование, профессионализм, компетентность, трудовое право, публичная служба, образование.

Современное муниципальное управление в Российской Федерации функционирует в условиях постоянного реформирования системы публичной власти. В центре этих преобразований находится человек — главный ресурс, определяющий уровень и качество развития общества. От профессионализма и компетентности муниципальных служащих зависит не только эффективность исполнения функций органов местного самоуправления, но и степень доверия граждан к институтам власти [13, с. 3]. В связи с этим правовое обеспечение кадрового управления выступает стратегическим направлением государственной и муниципальной политики.

Законодательное регулирование муниципальной службы, включая порядок подбора, назначения, аттестации, развития и мотивации кадров, представляет собой сложную, многоуровневую систему. При этом развитие правовой базы должно соответствовать новым вызовам времени — цифровизации, интеграции образовательных и служебных стандартов, необходимости синхронизации профессиональных компетенций и правовых норм [14, с. 22].

Кадровый потенциал муниципального управления представляет собой совокупность квалифицированных, мотивированных и социально ответственных служащих, способных эффективно реализовывать функции органов местного самоуправления. Он является системообразу-

ющим элементом муниципальной службы и определяется не только уровнем профессиональной подготовки, но и правовой культурой, этическими установками и способностью к инновационному управлению [15, с. 94].

Профессионализм муниципальных служащих прямо закреплён в статье 4 Федерального закона № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» как один из принципов муниципальной службы. Этот закон формирует юридическую основу кадрового менеджмента: от конкурсного отбора до профессионального роста и дисциплинарной ответственности. Таким образом, кадровый потенциал является не просто совокупностью работников, а ресурсом стратегического развития муниципальных образований.

Правовое регулирование кадрового управления имеет комплексный характер и базируется на сочетании норм конституционного, административного, трудового и образовательного права. Основу составляют:

- Конституция Российской Федерации (1993 г.), определяющая принципы народовластия и самостоятельности местного самоуправления;
- Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» (2003 г.), который закрепляет структуру муниципальной власти и принципы кадровой политики;

– Федеральный закон № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (2007 г.), регулирующий вопросы прохождения службы, аттестации, квалификационных требований и социальной защиты служащих;

– Трудовой кодекс Российской Федерации (2001 г.) и Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (2012 г.), обеспечивающие взаимосвязь трудовых, служебных и образовательных норм.

Как отмечает К. Р. Галиаскарова, «действующая система нормативных актов характеризуется высокой степенью фрагментарности и не обладает достаточной внутренней согласованностью» [12, с. 87]. На муниципальном уровне локальные акты (положения, приказы, постановления администраций) конкретизируют общие нормы федерального законодательства, создавая адаптированные механизмы кадрового регулирования.

Особая роль принадлежит методическим документам Министерства труда и социальной защиты РФ. Хотя они «не имеют обязательной силы, именно эти рекомендации и справочники квалификационных требований фактически обеспечивают унификацию подходов к профессиональному развитию и аттестации муниципальных служащих» [16, с. 121].

Современная кадровая политика в муниципальной сфере основывается на принципах законности, равенства, прозрачности и профессионализма. Как отмечает И. В. Аленина, «регулирование кадровых отношений в публичной службе невозможно без субсидиарного применения норм трудового права, что позволяет учесть особенности служебных отношений, не разрушая их юридическую автономию» [7, с. 10].

Среди ключевых правовых механизмов кадрового управления выделяются: конкурсный отбор и назначение на должность, обязательная аттестация, присвоение квалификационных разрядов, профессиональная подготовка и повышение квалификации, социальная защита и дисциплинарная ответственность. В совокупности они обеспечивают баланс интересов служащего и муниципального органа, формируя кадровую устойчивость и управленческую преемственность.

Несмотря на формально развитую нормативную базу, существует ряд проблем. В частности, наблюдается разнородность региональных актов, регулирующих муниципальную службу, что приводит к различиям в правовом статусе служащих разных субъектов. Это противоречит принципу «равенства прав и условий прохождения службы» [11, с. 185]. Решение возможно через унификацию норм и усиление роли федерального законодательства.

Формирование профессиональных компетенций муниципальных служащих неразрывно связано с реализацией образовательных стандартов. Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает формы и уровни профессиональной подготовки, включая программы дополнительного образования, переподготовки и целевого обучения.

Как показывает анализ, «развитие кадрового потенциала во многом зависит от качества взаимодействия муниципальных органов и образовательных учреждений» [12, с. 89]. Однако законодательная практика показывает наличие несогласованности между законами об образовании и муниципальной службе. Так, институт целевого обучения в муниципальных органах остаётся недостаточно разработанным. По мнению К. Г. Андреева, требуется «расширение прав граждан и служащих на заключение договоров о целевой подготовке, включая возможность обучения на платной основе и в дистанционном формате» [9, с. 580].

Важным направлением становится организация практической подготовки и стажировок. Но и здесь наблюдаются коллизии между образовательными и служебными нормами. И. В. Аленина отмечает, что отсутствие единой правовой модели практической подготовки приводит к «дублированию функций и снижению эффективности кадровой политики» [8, с. 58]. Решением может стать разработка интегрированных стандартов профессиональной подготовки, охватывающих как образовательные, так и служебные компетенции.

Перспективы совершенствования правового регулирования кадрового управления связаны с цифровизацией, унификацией и повышением гибкости правовой системы. Одним из актуальных направлений выступает внедрение электронных систем кадрового администрирования и цифровых платформ оценки компетенций. Они позволяют автоматизировать процессы подбора, аттестации и повышения квалификации, минимизируя коррупционные риски и повышая прозрачность управления [14, с. 24].

Кроме того, особое значение приобретает формирование системы профессионального развития, включающей не только традиционные формы дополнительного образования, но и новые форматы — наставничество, тренинги, участие в проектных командах. Опыт крупных муниципальных образований, таких как Омск, Тюмень и Нижний Новгород, показывает, что нормативное закрепление программ профессионального развития способствует повышению мотивации и результативности служащих.

На федеральном уровне важно обеспечить сближение нормативных основ государственной и муниципальной службы. Принцип единства системы публичной власти, закреплённый Конституцией РФ, предполагает гармонизацию кадровых стандартов, что позволит повысить мобильность кадров и качество муниципального управления [15, с. 95].

Правовая основа кадрового управления в муниципальном управлении России представляет собой сложный и многослойный механизм, включающий в себя нормы конституционного, трудового, административного и образовательного права. Несмотря на существующую нормативную базу, её развитие остаётся динамичным и требует постоянной адаптации к современным вызовам.

Ключевыми направлениями совершенствования правового регулирования являются: унификация феде-

ральных и региональных норм, развитие цифровых инструментов кадрового администрирования, создание гибких образовательных программ для муниципальных служащих и укрепление связи между профессиональными стандартами и требованиями службы.

Эффективное правовое обеспечение кадрового потенциала является основой устойчивого развития муниципальных образований, повышения доверия населения к органам власти и укрепления принципов публичной ответственности в системе местного самоуправления.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп., одоб. 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.
3. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 10. — Ст. 1152.
4. Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ «Трудовой кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
5. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 53 (ч. I). — Ст. 7598.
6. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 31. — Ст. 3215.
7. Аленина И. В. К вопросу о субсидиарном применении норм трудового права при правовом регулировании отношений по прохождению государственной службы // Актуальные проблемы правового регулирования государственной гражданской службы в системе публичной службы. — Екатеринбург: УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева, 2022. — С. 4–15.
8. Аленина И. В. О совершенствовании правового регулирования практической подготовки лиц, обучающихся в высших учебных заведениях // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2022. — Т. 19, № 1. — С. 56–61.
9. Андреев К. Г. Целевое обучение: проблема публичности и объективности конкурса на заключение договора между гражданами и государственными или муниципальными органами // Вопросы российской юстиции. — 2020. — № 9. — С. 570–585.
10. Волошинова Н. А. Формирование профессиональных компетенций государственных служащих // Вестник Луганского государственного университета им. В. Даля. — 2022. — № 1 (55). — С. 41–45.
11. Галиаскарова К. Р. Проблемы и противоречия системы профессионального образования муниципальных служащих // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. — Т. 1. — С. 183–187.
12. Галиаскарова К. Р., Жданов В. О. Совершенствование системы профессионального образования муниципальных служащих // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. — Т. 1. — С. 86–90.
13. Гарифуллина А. Р., Юн Л. В. Дефицит квалифицированных кадров в органах местного самоуправления: общетеоретические аспекты // Муниципальная служба: правовые вопросы. — 2020. — № 3. — С. 3–5.
14. Иванов А. А. О проблеме эффективности муниципальной службы в единой системе публичной власти Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. — 2022. — № 2. — С. 21–25.
15. Кандрина Н. А. Публичная власть в современной российской государственности // Известия Алтайского государственного университета. — 2016. — № 3 (91). — С. 92–96.
16. Кудрин А. С., Зотова А. А. О правовых аспектах профессиональной переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. — 2017. — № 1. — С. 119–123.
17. Новикова Н. В. О трудовые признаки договора о целевом обучении // Российский юридический журнал. — 2019. — № 2. — С. 34–40.

Институт суда присяжных в современной России и проблемы его реализации

Лябина Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

В статье рассматриваются актуальные проблемы реализации института суда присяжных в современной Российской Федерации. Особое внимание уделяется анализу особенностей функционирования данной формы уголовного судопроизводства в условиях действующего правового регулирования и правоприменительной практики. Рассматриваются процессуальные и организационные факторы, влияющие на эффективность деятельности суда присяжных, устойчивость принимаемых судебных решений и практику их последующего пересмотра судами вышестоящих инстанций.

Ключевые слова: суд присяжных, уголовный процесс, присяжные заседатели, правосудие.

Суд присяжных заседателей традиционно рассматривается как одна из форм участия общества в отправлении правосудия, направленная на укрепление демократических начал уголовного судопроизводства. Его назначение заключается не только в разрешении конкретных уголовных дел, но и в формировании доверия граждан к судебной системе в целом. Участие присяжных заседателей предполагает оценку доказательств с позиций обыденного правосознания и общественных представлений о справедливости, что придаёт судебному разбирательству особый социальный характер и отличает суд присяжных от профессионального правосудия.

Вместе с тем практика применения суда присяжных в современной Российской Федерации демонстрирует наличие устойчивых проблем, затрудняющих реализацию его потенциала. Одной из наиболее обсуждаемых особенностей является сравнительно высокая доля оправдательных вердиктов. Сам по себе данный показатель не может рассматриваться как негативный, поскольку оправдание невиновного лица соответствует целям уголовного судопроизводства. Однако в условиях, когда значительная часть оправдательных вердиктов впоследствии отменяется судами вышестоящих инстанций, возникает вопрос о стабильности судебных решений и качестве процессуальных механизмов, обеспечивающих деятельность суда присяжных [3].

Причины отмены оправдательных вердиктов, вынесенных с участием присяжных заседателей, нередко связаны не столько с ошибочностью выводов коллегии, сколько с особенностями разграничения компетенции между профессиональным судьёй и присяжными. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством присяжные разрешают вопросы факта, в то время как вопросы права относятся к исключительной компетенции суда. Однако на практике данное разграничение не всегда проводится последовательно. В делах со сложной фактической структурой фактические обстоятельства тесно переплетаются с юридической оценкой, что объективно затрудняет принятие присяжными решений, полностью согласующихся с последующей правовой квалификацией содеянного [2].

Дополнительное влияние на устойчивость вердиктов оказывает форма представления доказательств и процессуальной информации присяжным заседателям. Ис-

пользование сложных юридических формулировок, избыточное количество деталей и профессиональной терминологии может затруднять восприятие материалов дела лицами, не обладающими специальными знаниями. В результате присяжные нередко ориентируются на наиболее наглядные и эмоционально воспринимаемые обстоятельства, что способно повлиять на характер принимаемого решения. Данный фактор не означает непрофессионализм присяжных, однако требует адаптации процессуальных форм к особенностям их восприятия.

Наряду с процессуальными аспектами существенное значение для эффективности суда присяжных имеют организационные условия его функционирования. Одной из наиболее острых проблем остаётся формирование коллегии присяжных заседателей. В ряде субъектов Российской Федерации процедура отбора присяжных отличается высокой трудоёмкостью и продолжительностью, что обусловлено ограниченным кругом кандидатов и низкой мотивацией граждан к участию в судебных заседаниях [1]. Указанные обстоятельства приводят к затягиванию сроков рассмотрения уголовных дел и отрицательно сказываются на восприятии суда присяжных как эффективной формы правосудия.

Особую специфику приобретает функционирование суда присяжных в малонаселённых территориях и регионах с устойчивыми социальными связями. В таких условиях возрастает вероятность предварительной осведомлённости присяжных о рассматриваемом деле, а также формирования определённого отношения к подсудимому ещё до начала судебного разбирательства. Даже при формальном соблюдении процедур отбора данное обстоятельство может затруднять обеспечение реальной беспристрастности коллегии присяжных и снижать доверие к итоговому вердикту.

Организационные трудности в совокупности с процессуальными особенностями суда присяжных отражаются и на соблюдении принципа разумного срока судопроизводства. Повторные попытки формирования коллегии, переносы судебных заседаний и отмена вынесенных приговоров приводят к увеличению продолжительности уголовного процесса. Это негативно влияет как на положение обвиняемого, так и на интересы потерпевших, снижая общее качество правосудия и усиливая

критику института суда присяжных со стороны практических работников.

Таким образом, анализ практики реализации института суда присяжных в современной России позволяет сделать вывод о комплексном характере существующих проблем. Они обусловлены сочетанием процессуальных и организационных факторов и оказывают непосредственное влияние

на устойчивость судебных решений и доверие к данной форме судопроизводства. Вместе с тем наличие указанных трудностей не свидетельствует о несостоятельности суда присяжных как института. Напротив, они указывают на необходимость его дальнейшего развития и совершенствования с учётом особенностей современной правоприменительной практики и требований уголовного процесса.

Литература:

1. Агафонов А. С., Берестенников А. Г. Формирование коллегии присяжных заседателей: практические трудности и пути их преодоления // Законность. — 2024. — № 11. — С. 59–64.
2. Лошкарёв В. В., Мингалимова М. Ф. Институт уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей: проблемы и пути их решения // Журнал российского права. — 2025. — № 9. — С. 91–102.
3. Торговченков В. И. Современный суд присяжных: достижения, проблемы и перспективы // Законность. — 2024. — № 10. — С. 56–60.

Вердикт присяжных заседателей как результат оценки фактических обстоятельств уголовного дела

Лябина Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

В статье рассматривается вердикт присяжных заседателей как результат оценки фактических обстоятельств уголовного дела. Анализируются особенности познавательной деятельности присяжных заседателей, пределы их компетенции и влияние различных факторов на формирование внутреннего убеждения. Особое внимание уделяется проблеме соотношения фактических обстоятельств и элементов субъективной стороны преступления, а также вопросам интерпретации вердикта в последующем судебном разбирательстве.

Ключевые слова: вердикт присяжных заседателей, фактические обстоятельства, внутреннее убеждение, уголовный процесс, суд присяжных.

В уголовном судопроизводстве с участием присяжных заседателей вердикт представляет собой ключевой результат их деятельности и одновременно центральный элемент, определяющий дальнейшее движение уголовного дела. Его особое значение обусловлено тем, что именно вердикт служит фактической основой для постановления приговора профессиональным судьёй, который связан выводами коллегии присяжных в части установленных обстоятельств. В отличие от традиционной модели уголовного процесса, где суд самостоятельно оценивает доказательства и формирует выводы как о фактах, так и о праве, в суде присяжных происходит институциональное разделение этих функций.

Такое разграничение полномочий предполагает, что присяжные заседатели осуществляют оценку фактических обстоятельств уголовного дела, тогда как вопросы юридической квалификации деяния и применения норм уголовного закона относятся к компетенции суда. Однако данное разграничение носит во многом формальный характер. На практике оценка фактов редко может быть полностью отделена от их смыслового и ценностного осмысления, поскольку любое установление фактических обстоятельств предполагает определённое понимание характера и направленности поведения подсудимого.

Присяжные заседатели традиционно рассматриваются как «судьи факта», что подчёркивает их роль в установлении обстоятельств, реально имевших место в действительности. Вместе с тем фактические обстоятельства уголовного дела не существуют изолированно: они образуют систему, в которой отдельные действия, события и последствия воспринимаются во взаимосвязи. Присяжные заседатели не ограничиваются формальным подтверждением или отрицанием отдельных фактов, а стремятся выстроить целостную картину произошедшего, соотнося между собой показания свидетелей, вещественные доказательства, поведение подсудимого и потерпевшего.

Формирование такой картины неизбежно связано с когнитивной деятельностью, выходящей за рамки простой фиксации фактов. Присяжные оценивают достоверность информации, сопоставляют различные версии событий и вырабатывают собственное представление о логике происходящего. В этом процессе важную роль играет внутреннее убеждение, которое формируется на основе совокупности доказательств, а также субъективных представлений присяжных о правдоподобии и справедливости.

Особую сложность представляет оценка фактических обстоятельств, непосредственно связанных с субъ-

ективной стороной преступления. Хотя такие категории, как умысел и намерения подсудимого, формально относятся к вопросам права и не подлежат прямому разрешению присяжными заседателями, фактические обстоятельства зачастую неразрывно связаны с характеристикой внутренней стороны поведения лица. Анализируя последовательность действий, их интенсивность, способ совершения деяния и реакцию подсудимого после наступления последствий, присяжные фактически формируют представление о направленности его поведения и осознанности совершаемых действий [1].

В этом контексте становится очевидным, что оценка фактов присяжными носит комплексный характер. Присяжные не просто устанавливают, имело ли место то или иное действие, но и придают ему определённый смысл, исходя из своего жизненного опыта и представлений о причинно-следственных связях. Такое осмысление неизбежно затрагивает элементы субъективной стороны преступления, даже если они прямо не формулируются в вопросном листе.

В результате вердикт присяжных заседателей отражает не только совокупность установленных фактических обстоятельств, но и их интерпретацию. Именно этим объясняется специфика вердиктов, которые иногда воспринимаются как противоречащие ожиданиям профессионального юридического сообщества. Присяжные оценивают факты не с позиции строгих юридических конструкций, а с точки зрения обыденного правосознания, где важное значение имеют мотивы поведения, эмоциональный контекст и общая логика событий.

Следует отметить, что такая особенность вердикта не является недостатком суда присяжных как института. Напротив, она отражает его социальную природу и предназначение как формы участия общества в отправлении правосудия. Вместе с тем именно эта специфика порождает целый ряд процессуальных проблем, связанных с последующей интерпретацией вердикта и его соотношением с требованиями уголовно-процессуального закона.

На следующем этапе уголовного процесса вердикт подлежит изучению и оценке профессиональным судьёй. Суд обязан соотнести ответы, данные присяжными заседателями, между собой и определить, образуют ли они логически непротиворечивую систему фактических выводов. Однако на практике нередко возникают ситуации, когда вердикт содержит внутренние несоответствия или допускает неоднозначное толкование. Это обусловлено как сложностью рассматриваемых уголовных дел, так и особенностями восприятия и оценки фактов коллегией присяжных заседателей.

Изучение и интерпретация вердикта присяжных заседателей профессиональным судьёй представляет собой самостоятельный и крайне ответственный этап уголовного судопроизводства. Суду необходимо не только формально зафиксировать ответы, данные коллегией присяжных, но и установить их внутреннюю согласованность, а также соответствие требованиям уголовно-процессуального закона. Именно на этом этапе выявляется,

в какой мере оценка фактических обстоятельств, осуществлённая присяжными, позволяет сформировать юридически корректное и обоснованное судебное решение.

Сложность данной процедуры заключается в том, что вердикт присяжных нередко отражает особенности обыденного восприятия фактов, тогда как суд обязан оперировать юридическими конструкциями и категориями. Присяжные заседатели могут признавать доказанными отдельные факты, не всегда осознавая их правовое значение либо последствия их совокупной оценки. В результате профессиональный судья оказывается в ситуации, когда необходимо соотнести волеизъявление присяжных с нормами уголовного закона, не выходя при этом за пределы их компетенции и не подменяя собой коллегию присяжных.

На практике особые трудности возникают в случаях, когда ответы присяжных заседателей содержат логические противоречия или допускают неоднозначное толкование. Такие противоречия могут проявляться, например, в признании доказанным события преступления при одновременном отрицании причастности подсудимого либо в установлении отдельных элементов фактической стороны без ясной связи с последствиями деяния. Подобные ситуации требуют от суда повышенного внимания, поскольку неверная интерпретация вердикта способна повлечь отмену приговора или направление дела на новое рассмотрение [2].

Следует отметить, что наличие противоречий в вердикте не всегда свидетельствует о его дефектности. В ряде случаев такие противоречия обусловлены самой логикой судопроизводства с участием присяжных, предполагающей альтернативную оценку доказательств и возможность оправдательного вывода даже при признании доказанными отдельных фактических обстоятельств. Это ещё раз подчёркивает, что вердикт присяжных следует рассматривать не как формально-юридический документ, а как особую форму выражения внутреннего убеждения, основанного на оценке фактов.

Немаловажное значение для формирования вердикта имеют психологические и информационные факторы, сопровождающие судебное разбирательство. Присяжные заседатели, в отличие от профессиональных судей, не обладают навыками абстрагирования от эмоциональной составляющей процесса и неизбежно реагируют на визуальные и вербальные элементы представления доказательств. Характер демонстрации вещественных доказательств, тон выступлений сторон, поведение участников процесса — всё это влияет на восприятие фактических обстоятельств и формирование внутреннего убеждения присяжных [3].

Особое место в системе факторов влияния занимает информация, прямо или косвенно характеризующая личность подсудимого. Несмотря на процессуальные ограничения, полностью исключить воздействие таких сведений на оценку фактов практически невозможно. Даже косвенные упоминания о социальном статусе, семейном положении или образе жизни подсудимого способны изменить

восприятие присяжными обстоятельств дела и повлиять на итоговый вердикт. При этом чрезмерное ограничение информации может восприниматься присяжными как попытка скрыть существенные обстоятельства, что также негативно сказывается на объективности оценки.

В этой связи особая роль отводится председательствующему судье, который обеспечивает процессуальный баланс между допустимостью доказательств и необходимостью сохранения беспристрастности присяжных заседателей. Эффективное судебное руководство процессом предполагает не только формальное соблюдение требований закона, но и учёт особенностей восприятия информации непрофессиональными участниками судопроизводства. От качества такой организации процесса во многом зависит то, каким образом фактические обстоятельства будут осмыслены и отражены в вердикте.

В совокупности указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что вердикт присяжных заседателей представляет собой результат сложной многоуровневой

оценки фактических обстоятельств уголовного дела. Он формируется в условиях ограниченной компетенции, но под влиянием широкого круга когнитивных, психологических и процессуальных факторов. Вердикт отражает не только установленную совокупность фактов, но и их интерпретацию, обусловленную внутренним убеждением коллегии присяжных.

Таким образом, понимание вердикта присяжных заседателей исключительно как формального ответа на поставленные вопросы не позволяет в полной мере раскрыть его правовую природу. Вердикт следует рассматривать как результат активной познавательной деятельности, направленной на осмысление фактических обстоятельств дела в их взаимосвязи и значении. Учет данной специфики имеет принципиальное значение для совершенствования уголовно-процессуального регулирования и правоприменительной практики, а также для повышения устойчивости и обоснованности судебных решений, принимаемых на основе вердиктов присяжных заседателей.

Литература:

1. Долгиева М. М. Вопросы об умысле и о намерениях подсудимого в вердикте присяжных заседателей // Законность. — 2025. — № 10. — С. 43–46.
2. Берестенников А. Г. Изучение вердикта в суде с участием присяжных заседателей // Законность. — 2024. — № 5. — С. 60–64.
3. Сидоренко Е. В. Факторы, влияющие на формирование мнения присяжных заседателей // Уголовное судопроизводство. — 2025. — № 3. — С. 21–26.

Деофшоризация и принимаемые властями правовые меры по уменьшению оттока капиталов из РФ

Мельникова Людмила Леонидовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Статья посвящена контролируемым иностранным компаниям (офшорам), в ней рассматриваются проблемы вывода российского капитала за рубеж. Приводятся шаги, принимаемые властями РФ для решения данной проблемы. Основное внимание уделено вопросам правового регулирования данного вопроса с помощью Федерального закона РФ № 376-ФЗ (ред. от 08.06.2015 г.) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)», участия России в межгосударственном обмене информацией и о принадлежащих физическим лицам счетам, активах, компаниях с помощью международных конвенций, законодательного регулирования САР (специальных административных районов).

Ключевые слова: офшоры, контролируемые иностранные компании КИК, специальный административный район САР, резидент.

Deoffshorization and legal measures taken by the authorities to reduce capital outflow from Russian Federation

Melnikova Lyudmila Leonidovna, master's student
St. Petersburg State Maritime Technical University

История офшоров, как и история самого бизнеса, берет начало в древности. Экономить на фискальных

выплатах государству прижимистые торговцы начали еще за тысячу лет до нашей эры. Одними из первых это

стали делать финикийские купцы, которые после введения Древней Грецией повышенных налогов на пшеницу предпочли ввозить зерно через прибрежные острова, не подчиняющиеся законам Эллады. В Средневековье европейские поставщики перепродавали свои товары через Фландрию, торговые взимания которой, в сравнении с юрисдикцией Британии, казались практически грошовыми. Аналогичные схемы до середины XIX века использовали североамериканские торговцы, уходившие от налогового бремени Лондона через Латинскую Америку [4].

В России офшорный бизнес получил свое распространение с конца 1991 года, когда в стране была отменена государственная монополия на внешнеэкономическую деятельность. Предприниматели получили возможность осуществлять экспортно-импортные сделки без специальной регистрации. По подсчетам Bloomberg Economics, в итоге этих операций, было вывезено из России в офшоры капиталов на сумму свыше 1 трлн. Руб. По оценкам же Национального бюро экономических исследований США, объем неучтенных богатств, накопленных нашими соотечественниками, благодаря офшорным схемам достигал не менее 200 % национального дохода страны. Пики оттока капиталов приходились на время финансовых и политических кризисов: в 2008 году из нашей страны было выведено около \$135 млрд, а в 2014-м, после введения международных санкций, их сумма достигла отметки в \$155 млрд. Становится актуальным вопрос: как удерживать полученные бизнесом деньги в РФ, пустить их на благо российской экономики, чтобы они не висели мертвым грузом на зарубежных счетах отечественных предпринимателей. Для этого в России было осуществлено несколько шагов в различных направлениях [11].

1. Принятие Федерального закона от 24.11.2014 г. № 376-ФЗ (ред. от 08.06.2015 г.) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)». (Далее закон о КИК). Данным законом о КИК была введена новая обязанность налогоплательщиков — уведомлять российские налоговые органы об участии в иностранных организациях и структурах без образования юридического лица, а также о фактическом праве на доход, получаемый такой структурой (п. 1 ст. 25.14 НК РФ).

2. Участие России в межгосударственном обмене информацией о принадлежащих физическим лицам счетах, активах, компаниях и т. п. и подписание ряда Международных конвенций.

3. Открытие собственных офшорных зон на территории России и внесение ряда поправок в Налоговый Кодекс РФ, расширяющих преференции для резидентов специальных административных районов (САР)

До принятия закона о КИК, российские налогоплательщики, на вполне законных основаниях, могли сохранять конфиденциальными сведения о владении активами и их структуре с помощью различных иностранных юри-

дических инструментов. Отметим, что направление уведомления об «иностранном участии» в налоговые органы поможет им определить, является ли иностранная организация или структура контролируемой иностранной компанией, налоговым резидентом, а также применить меры, предусмотренные Законом о КИК.

Согласно п.1,2,3 ст. 25.13 НК РФ (в ред. Федерального закона от 31.07.1998 N 146-ФЗ, в ред. 29.11.2024 с изм. от 21.01.2025), контролируемой иностранной компанией признается иностранная организация, удовлетворяющая одновременно всем следующим условиям:

- 1) организация не признается налоговым резидентом Российской Федерации;
- 2) контролирующим лицом организации являются организация и (или) физическое лицо, признаваемые налоговыми резидентами Российской Федерации.

В целях настоящего Кодекса контролируемой иностранной компанией также признается иностранная структура без образования юридического лица, контролирующим лицом которой являются организация и (или) физическое лицо, признаваемые налоговыми резидентами Российской Федерации.

Контролирующим лицом иностранной организации признаются следующие лица:

- 1) физическое или юридическое лицо, доля участия которого в этой организации составляет более 25 процентов;
- 2) физическое или юридическое лицо, доля участия которого в этой организации (для физических лиц — совместно с супругами и несовершеннолетними детьми) составляет более 10 процентов, если доля участия всех лиц, признаваемых налоговыми резидентами Российской Федерации, в этой организации (для физических лиц — совместно с супругами и несовершеннолетними детьми) составляет более 50 процентов [2], [9].

Уведомление об участии в иностранных организациях (учреждении структуры без образования юридического лица) должно быть подано в налоговые органы не позднее 3-х месяцев с момента возникновения соответствующего основания (п. 3 ст. 25.14 НК РФ).

Более того, было введено понятие налогового резидентства для иностранных компаний исходя из места их управления (ст. 246.2 НК РФ). Теперь созданные за рубежом, но управляемые из России компании должны уплачивать налог на прибыль как российские организации.

С 2013 года Организация Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) занимается составлением планов по борьбе с размыванием налоговой базы и выводением прибыли из-под налогообложения (Base Erosion and Profit Shifting или план BEPS, которые утвердили все страны члены ОЭСР и страны G20 (включая Россию). Эти планы касаются усовершенствования налогового законодательства, правил о контролируемых иностранных компаниях, соглашения об избежании двойного налогообложения. После принятия плана BEPS и подписания Россией многосторонней конвенции по его выполнению, на примере

России, можно наблюдать значительные изменения в налоговом законодательстве РФ, касающиеся подходов к мониторингу и контролю и затронувших весь бизнес без исключения [3].

Появились новые виды межстрановой отчетности, сопоставляющие обороты и цены в рамках международных групп и компаний и позволяющие выявить центры прибыли, сформированные в низконалоговых юрисдикциях за счет налоговых манипуляций. Россия также присоединилась к данным стандартам.

В рамках ЕС вступила в силу IV Директива о Противодействии отмыванию денежных средств и финансированию Терроризма, на основании которой, каждая страна-член ЕС обязуется ввести реестр бенефициаров зарегистрированных компаний. Данные из реестра могут быть доступны различным категориям заинтересованных лиц, не ограниченным только контролирующими органами. В отдельных странах реестры уже собирают (например, во Франции, Италии, Германии и Ирландии), а данные из них потенциально смогут получить все желающие. Например, такой реестр в Великобритании является открытым, и любой пользователь сети Интернет может получить персональную информацию владельцев британских компаний, официально проживающих, скажем, на ул. Тверская в городе Москва в России. Аналогичный реестр будет составляться и в России уже на основании локального законодательного акта.

С 2017 года стартовал международный обмен информацией по единым стандартам — (Common Reporting Standards или CRS) В таком обмене участвуют не только развитые и наиболее заинтересованные в получении информации страны, но и большинство классических офшоров — таких как: БВО, Каймановы острова, Панама. Участие офшоров объясняется давлением западного сообщества, в том числе включающим экономические меры и налоговые ограничения, делающие их использование невыгодным для международных структур и владельцев бизнеса. Россия на настоящий момент активировала уже 57 соглашений об автоматическом обмене в соответствии со статьей 6 Многосторонней Конвенции и CRS MCAA [10].

Весной 2020 г. Минфин инициировал пересмотр соглашений об избежании двойного налогообложения (СОИДН) с Кипром, Нидерландами, Мальтой и Люксембургом. Всем этим странам были направлены предложения российской стороны по повышению налогов на дивиденды и проценты до 15 %. Кипр поначалу отказался от таких условий, и тогда российский Минфин заявил о полном разрыве СОИДН с этой страной. После чего Никосия пересмотрела свою позицию, соглашение было изменено и новые условия согласованы. Последующие переговоры с Мальтой и Люксембургом проходили не столь бурно, и соглашения были достигнуты на условиях, аналогичных кипрским. Договориться о пересмотре соглашений не удалось только с Нидерландами, в итоге в начале декабря было объявлено о старте законодательных процедур по СОИДН с этой страной [6].

3 августа 2018г. был принят Федеральный закон № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края». Урегулированы вопросы создания специальных административных районов на территориях Калининградской области (о. Октябрьский) и Приморского края (о. Русский). Цель — формирование инвестиционно привлекательной среды для российских и иностранных инвесторов [2].

Основополагающий механизм работы таких районов — перевод в них активов иностранных юридических лиц. Поправки в Налоговый кодекс расширяют возможности международных холдинговых компаний (МХК) по выбору формы инвестиций для пониженных ставок налога на прибыль. Сейчас такие компании течение трех лет после начала применения пониженных ставок налога обязаны вложить не менее 300 млн руб. в строительство или реконструкцию объектов социально-культурной, транспортной, энергетической, жилищно-коммунальной или инженерной инфраструктуры на территории региона, где они зарегистрированы.

Поправки разрешают также вкладываться в машины (за исключением легковых автомобилей), оборудование, инструменты и инвентарь, предназначенные для использования на таких объектах. Операции по передаче в региональную или муниципальную собственность результатов работ и имущества, созданного МХК в рамках требований об инвестициях, будут освобождены от НДС.

МХК теперь вправе осуществлять и добровольные денежные пожертвования в сферах строительства, реконструкции или перевооружения объектов. Получателями могут быть субъект или находящееся на его территории муниципальное образование или организация. Закон также продлевает срок возможности использовать офисные помещения за пределами САР — в Калининграде и Владивостоке [7].

Если рассматривать российскую программу деофшоризации, то можно заметить, что Россия сохраняет для себя и для российских компаний возможности выхода на международные рынки капитала, с одной стороны, и делает менее привлекательным создание сложных схем по выводу капитала из России — с другой. При этом для крупных структур создаются внутренние офшоры (специальные административные районы, САР) с возможностью для бизнеса применять на их территориях международное право и пользоваться налоговыми льготами, аналогичными тем, что предлагали низконалоговые юрисдикции. Принимаемые Российским Правительством шаги по выводу из тени капитала за рубежом привели к тому, что возросло количество задекларированных КИК. Как сообщила ФНС РФ, количество задекларированных россиянами Контролируемых иностранных компаний (КИК) по состоянию на конец 2022 года выросло на 21 %, достигнув 45,6 тыс. При этом темпы прироста задекларированных КИК стали рекордными с 2017 года. Для сравнения: в 2021 году прирост составил 8 %, а в 2020-м — 14 %. Уведом-

ления о наличии КИК за 2022 год предоставили более 18,3 тыс. налогоплательщиков, сообщила ФНС. Большинство из них — 82 % — это физические лица, а доля российских юридических лиц, владеющих КИК, составила 18 %. По сравнению с предыдущим годом число уведомивших о КИК увеличилось на 10 %. Соответственно, каждый отчитавшийся налогоплательщик в среднем имел доли в 2,5 КИК.

Свою роль в увеличении числа задекларированных КИК сыграл и Указ президента от сентября 2022 года

о сделках с долями российских ООО. Согласно ему, лица из недружественных стран могут заключать сделки, например, по продаже долей в ООО, только с разрешения правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций. Исключение было предусмотрено только при одновременном соблюдении двух условий: иностранное лицо контролируется российскими физическими или юридическими лицами и такое иностранное лицо раскрывает сведения налоговым органам по российскому законодательству [8].

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 1. // Российская газета от августа 1998 г. — № 148–149.
2. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» // Российская газета от 06 августа 2018 г. — № 170.
3. Старженецкая Л. Н. «Правовое регулирование налогообложения контролируемых иностранных компаний: опыт зарубежных стран и России» / Л. Н. Старженецкая — М.: «Статут», 2018 — с.10–12.
4. А. П. Матусевич. Реальная экономика и бизнес. Офшорные зоны: история, тенденции развития, влияние на российскую экономику. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ofshornye-zony-istoriya-tendentsii-razvitiya-vliyanie-na-rossiyskuyu-ekonomiku/viewer>
5. НК РФ. Часть первая Ст. 25.13 «Контролируемые иностранные компании и контролирующие лица» от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. От 29.11.2024, с изм. от 21.01.2025) с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/49edc7b197ca96975d550301b271b701c8027329/
6. Ведомости. Прощание с офшором. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/12/29/853016-proshanie-ofshorom>
7. Путин подписал закон о повышении привлекательности «русских офшоров». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6411615>
8. Число задекларированных КИК выросло на 21 %. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hill.ru/press-center/chislo-zadeklarirovannykh-rossiyanami-kik-vyroslo-na-21/>
9. Н. Рудоманов. Закон о КИК: обзор самых значимых норм. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vegaslex.ru/upload/iblock/82c/Рудоманов_Группа_%20компаний_%20Закон_%20о_%20КИК_%20обзор_%20самых_%20значимых_%20норм_11.2015.pdf
10. Список стран, с которыми Россия будет обмениваться информацией по CRS. [Электронный ресурс]. URL: <https://niemands.ru/articles/spisok-stran-s-kotorymi-rossiya-budet-obmenivatsya-informaciej-po-crs>
11. Россия закрывает для бизнеса международные офшоры. Конец налогового рая. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/economics/2020/08/26/rossiya-zakryvaet-dlya-biznesa-mezhdunarodnye-ofshory.html>

Проявления презумпции вины в гражданском и арбитражном процессах

Меньшенина Мария Владимировна, студент
Московский университет «Синергия»

Как указывают некоторые исследователи со ссылкой на положения статей 56 ГПК РФ и 64 АПК РФ, гражданский и арбитражный процесс исходит из презумпции невиновности лиц, так как она «вытекает из ещё более общей презумпции — добропорядочности и добросовестности граждан (и юридических лиц — уточнение автора), которая считается общеправовой. Ответчик, при нарушении гражданско-правовых обязанностей (в широком смысле слова) считается невиновным (а значит и не может быть привлечён к ответственности), пока его виновности

не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу решением суда.

Если ответчиком лицо становится, когда вступает в процесс, то должником — только после вступления в законную силу судебного решения. Это положение является ещё одним свидетельством наличия в гражданском процессуальном праве презумпции невиновности» [1].

Приведенная выше обширная цитата спорна и не поддерживает подтверждения практикой.

Разберём простейшие решения на основании договоров поставки. В целом если рассматривать мотивировочную часть решений, то набор указываемых в решении статей будет примерно одинаковой. Сначала ссылки на положения статей 309 и 310 ГК РФ о необходимости надлежащего исполнения договора и запрете на одностороннее изменение обязательства. Затем положения статей из параграфа 3 главы 30 ГК РФ, либо параграфа 1 главы 30 ГК РФ, а то вместе взятых, следом может идти положения ст. 65 АПК РФ и ст. 395 ГК РФ, и дальше вывод — поставщик, не поставивший товар вовремя либо просрочивший поставку, — виновен и должен возместить соответствующую сумму. В настоящее время в таких решениях не редко можно увидеть и применение положений главы 60 ГК РФ.

Казалось бы, всё просто не поставка товара — это ненадлежащее исполнение договора. При неисполнении любого договора нарушается принцип добросовестности, установленный в пункте 5 статьи 10 ГК РФ.

Но почему же тогда судами игнорируются доводы поставщиков в отношении наличия препятствий в исполнении договора, например, в связи с задержкой комплектующих, либо поломкой станка и пр.

Кроме того, не редко возникает обоснованный вопрос: «а когда отменили статьи 513 и 514 ГК РФ?». На практике покупатель не редко пренебрегает обязанностью произвести полноценную приёмку. Если в договоре отсутствует пункт предусматривающий, что приёмка производится в соответствии с правилами Инструкций, утвержденных Постановлением Госарбитража СССР от 15.06.1965 года [2] и 25.04.1966 года [2], то покупатель просто «осматривает товар». Если это касается приобретения товаров физическим лицом в магазине, то такой вариант приёмки возможен. Однако, напомним, что при приобретении технически сложного товара покупателем — гражданином и магазином, и ПВЗ как правило, предлагают произвести проверку работы товара (это проистекает из установленной Законом «О защите прав потребителей» презумпции вины продавца и/или изготовителя). Но в отношениях между юридическими лицами это не может быть допустимым. Ведь количество товара, который приобретает юридическими лицами гораздо больший, и он более дорогостоящий. Отметим также положения ст. 506 ГК РФ четко предусматривающие, что приобретение товара производится не для собственных нужд, а для последующей предпринимательской деятельности. Так на каком основании покупателями-юридическими лицами пренебрегается правильная приёмка? Только ли на том основании, что отсутствует законодательная база, устанавливающая правила приёмки, так как упомянутые выше инструкции Госарбитража «могут применяться покупателем (получателем) только в случаях, когда это предусмотрено договором поставки» [3], а «обязательные требования государственных стандартов» [3], как правило покупателями не читаются или же отсутствие правильной приёмки связано с ускорением бизнес-процессов?

Это можно проиллюстрировать на примере продажи арматуры. При наличии ГОСТа, вы не найдете ни одной претензии от покупателя, который произведет приёмку так, как установлено разделом 8 ГОСТа [4], скорее претензия будет выглядеть как: «Вами произведена недопоставка арматуры в размере некоего весового параметра, требуем произвести возврат денежных средств за недопоставку». При обоснованном запросе как была выявлена недостача по весу, вам ответят, что-то «мы пересчитали количество прутьев, умножили из на вес одного прута, который нашли на некоем сайте, и вот разница». Ссылку на положения ГОСТа вы не увидите. Но если дело дойдет до суда, покупатель почти с максимальной вероятностью запрошенные денежные средства взыщет. Суд будет на его стороне.

Ещё одним интересным моментом, при рассмотрении договора купли-продажи между юридическими лицами является — толеранс.

«Толеранс (tolerance — «допустимое отклонение») в договорных правоотношениях представляет собой предусмотренное договором допустимое отклонение фактического объема поставляемого товара от ожидаемого или согласованного объема поставки.

Необходимость использования толеранса связана с невозможностью точно определить количество товара, который будет отгружен поставщиком, что характерно, например, для сырьевых товаров, поставляемых без упаковки. Толеранс может быть как положительным (когда фактически поставленное количество товара больше согласованного сторонами), так и отрицательным (когда фактически поставленное количество товара меньше согласованного сторонами). Расчеты идут по финальному счету, в котором указан фактически отгруженный вес. Согласование данного условия не противоречит нормам законодательства и применяется контрагентами с учетом обычаев делового оборота и норм международного права. В этом случае условия о количестве товара также будут считаться согласованными» [5].

Однако не смотря на все ссылки на наличие согласованности условий по толерансу в договоре (купли-продажи и/или поставки), а также счетами-фактурами, подтверждающими передачу товара, судами это не принимается во внимание.

Ответчик, являющийся компанией-поставщиком в отзыве на исковое заявление, указывает: «5649,79 = 3950*715*0,2 %. ... Количество и номенклатура поставляемого товара была согласована сторонами в спецификации № 4 от 19.08.2016 с допустимым толерансом +/- 10 %. По каждой позиции товара поставщик уложился в допустимое отклонение по весу» [6]. То есть, по мнению поставщика он свои обязательства исполнил надлежащим образом, поставил всю продукцию и, следовательно, имеет право на всю сумму оплаты.

Тем не менее судом указывается следующее: «условие о толерансе не освобождает ответчика от ответственности за нарушение обязательства» [6, с. 15], мотивируя

указанный вывод положениями статей 307, 309, 310, 506, 516, 487 и 457 ГК РФ.

«Между тем толеранс не регулирует вопросы оплаты и оплате подлежит фактический объём поставленной продукции.

Соответственно, установленный отрицательный толеранс не освобождает поставщика от обязанности возратить покупателю фактическую разницу между стоимостью поставленной продукции и произведённой покупателем предоплаты» [7].

Вопрос: «Зачем тогда предусматривать толеранс, если всё равно есть обязанность поставить точно согласованный объём товара, даже в том случае, если это фактически невозможно?», остаётся открытым и не понятным.

Приведённый выше пример с поставкой арматуры, где ГОСТом 34028–2016 установлены отклонения по весу для каждого типоразмера арматуры, судом также не будут приняты.

Третьим интересным моментом при договорах поставки, либо купли-продажи является случай, когда покупатель, оплачивая счёт, не содержащий ничего, кроме реквизитов для оплаты и наименования компании поставщика, а в последствии не указывает адрес отгрузки.

Во-первых, оферта, в соответствии с положениями пункта 1 ст. 435 ГК РФ — это «предложение, адресованное одному или нескольким лицам» [8]. Таким образом, если счёт отправлен был отправлен в адрес одной компании, а оплачен другой, то его вряд ли возможно рассматривать в качестве оферты. Но это логика поставщика, а не покупателя.

Во-вторых, Отсутствие адреса получения товара фактически препятствует поставщику исполнить обязанность по передачи товара, равно как и по уведомлению покупателя о том, что товар готов к отгрузке.

Казалось бы, это можно рассматривать как ненадлежащее исполнение самим покупателем положений п. 1 ст. 456 ГК РФ, в той части, где покупатель должен принять вещь, а также положений подпункта 1 пункта 2 ст. 434.1 ГК РФ, устанавливающего обязанность сторон предоставить друг другу полную и достоверную информацию [8]. Отсутствие какой-либо переписки, также вряд ли поможет поставщику установить место для отгрузки, если организация зарегистрирована на жилой адрес. Выписка из единого реестра индивидуальных предпринимателей и вовсе не информативна, так как не содержит адреса регистрации.

Литература:

1. Сенякин И.Н. Ещё раз о содержании презумпции невиновности в российском законодательстве. //Юридическая техника. 2010 №4 ст.491
2. Инструкция о порядке приёмки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству, утверждена Постановлением Госарбитража СССР от 15.06.1965 г. №П-6 //Издательство АМБ, Екатеринбург 2004, стр. 4 -15
3. Пункт 14 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 г. №18 «О некоторых вопросах связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки».
4. ГОСТ 34028-2016// https://apex-metal.ru/gost/armatura/gost_34028-16.pdf

В этом случае суды просто применяют положения главы 60 ГК РФ о необоснованном обогащении, с указанием, что истец-покупатель «утратил интерес в связи с длительным неисполнением договора» полностью игнорируя тот факт, что это именно истец препятствовал исполнению договора.

Всё приведённые ситуации приводят к выводу, что «отечественное процессуальное законодательство весьма расплывчато в вопросах оценки доказательств. Статья 67 ГПК РФ и ст. 71 АПК РФ (равно как и ст. 84 КАС РФ- примечание автора) помимо нескольких вспомогательных норм о порядке оценки письменных доказательств и отражения результатов такой оценки в тексте судебного акта содержат только одно традиционное для континентальной правовой семьи базовое правило: свободная оценка доказательств судом по внутреннему убеждению. Абстрактный и субъективный характер этого правила зачастую делает результаты разрешения споров непредсказуемыми: любому практикующему юристу известны примеры самой неожиданной для сторон оценки доказательств судом» [9].

Последуем совету Галятина М. Ю., данному им в блоге «Беглый адвокат», заключающийся в том, чтобы задать себе неудобный вопрос: «А что, если судья в своём решении всё же руководствовался законом, логикой и фактами? Только его законом. Его логикой. И его фактами» [10].

При ответе на этот вопрос, как раз и раскроется «суслик, которого не видно, но он есть» и имя ему — положения пункта 1 ст. 1064 ГК РФ. Покупатель — пострадавший. Поставщик/продавец — лицо, причинившее вред. Именно поэтому суды «глухи» к иным доводам. Так как: «истец принёс свою историю, аккуратно упакованную в пункты искового. Первая внятная картинка занимает в голове место «предполагаемой правды». Все последующие аргументы против неё мозг отфильтровывает как спам» [11].

Вот поэтому на начальном «входе» в судебный процесс, и перед этим формируя свои позиции по делу, необходимо исходить из того, что презумпция вины уже есть. Она появилась в тот момент, когда сторона стала ответчиком, то есть в тот самый момент, когда исковое заявление было получено судьёй. И пусть в решении суда явного указания на статьи, содержащие презумпцию вины — отсутствуют, однако она есть.

5. Постановление Пятого Арбитражного Апелляционного суда № 05АП- 5563/2022 от 17.10.2022 года по делу №А24-6034/2021 стр. 7// <https://kad.arbitr.ru/>
6. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 11.10.2018 года по делу №А33-14469/2018 стр. 8 // <https://kad.arbitr.ru/>
7. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 23.08.2023 года по делу №А60-24724/2023//<https://kad.arbitr.ru/>
8. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 г. №51-ФЗ тек. Редакция// электронная версия
9. Берлин А. Новая доказательственная презумпция //Новая адвокатская газета 2016 №1
10. t.me/Lawyer_on_the_Run/ пост от 13.12.2025 года
11. Галятин М.Ю. Никогда не пишите возражения на иск. // t.me/Lawyer_on_the_Run/ пост от 15.12.2025 года.

Особенности расследования воинских и военных преступлений в период Великой Отечественной войны

Осяева Дарья Алексеевна, студент;

Галат Елизавета Сергеевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Война породила новые категории преступлений (воинские, военные, экономические), расследование которых требовало особых процессуальных подходов и работы в экстремальных условиях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, следственные органы, прокуратура, военные трибуналы, расследование преступлений.

Война способствовала появлению новых категорий преступлений. При их расследовании появились процессуальные особенности, с которыми органы следствия не сталкивались в мирное время.

Значимой проблемой с началом войны стала борьба с **воинскими преступлениями** (дезертирство, уклонение от мобилизации, самовольное оставление воинской части и др.), получившие распространения в связи с экстремальными условиями войны, нехваткой дисциплины среди новобранцев, а также вследствие жестоких мер со стороны командования. Например, в конце 1942 г. в Орске задержали лейтенанта 237-й стрелковой дивизии К. А. Киселева и техника А. Д. Денисова. Расследование показало, что весной 1942 г. они похитили бланки со штампами Спитовского райвоенкомата и подделывали справки об освобождении от службы. Преступники осуждены по ст. 193–12 УК РСФСР за уклонение от военной службы путём подлога [5, с. 34].

В соответствии с п. 7 Указа Президиума ВС СССР от 22.06.1941 «О военном положении» в местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передавались на рассмотрение военных трибуналов, а именно дела о государственных преступлениях; о преступлениях, совершенных военнослужащими; дела о разбое; об умышленных убийствах и др. [1]. В соответствии с п. 3 данного Указа в местностях, объявленных на военном положении, военным властям было предоставлено право на обыск «подозрительных лиц» без какого-либо ограничения по времени. Этим же пунктом упрощается применение подписки о невыезде,

она могла применяться без всяких условий. Помимо этого, была введена новая мера принуждения — выселение.

Сотрудникам следственных органов приходилось работать до 11–12 ночи без выходных, в тяжёлых бытовых условиях. На одного молодого следователя приходилось 20–25 уголовных дел в месяц [10, с. 69]. «Работал я по 12 часов и всё равно не успевал», — вспоминал Михаил Иванович Гужавин, помощник прокурора Кузнечихинского района Татарской АССР [10, с. 43].

Уголовные дела, передаваемые военным трибуналам, могли быть рассмотрены в течение 24 часов с момента вручения обвинительного заключения обвиняемому. Приговоры трибуналов кассационному обжалованию не подлежали, вступали в силу и приводились в исполнение немедленно. Исключение было сделано только для приговоров, по которым наказанием был расстрел. В этом случае телеграммой уведомлялся Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР. Если в течение 3 суток не поступал ответ, то приговор приводился в исполнение. Исполнение к расстрелу могло приостанавливаться командующими и военными советами фронтов и армий. Приговоры трибуналов могли быть отменены или изменены только в порядке надзора [10, с. 112].

Так, например, Трибунал НКВД приговорил руководство обувной фабрики № 2 за бегство с работы и расстраты: директора Варламова, начальника цеха Евплова и технорука Саранцева — к расстрелу; снабженца Гершензона и экономиста Ильина — к 10 годам лагерей. Поводом стало незаконное закрытие предприятия в октябре 1941 года. [8]

Отдельно **отметим военные преступления**, которые стали новой вехой в деятельности органов предварительного следствия, отражая изменения уголовного и уголовно-процессуального права, вызванные вторжением немецко-фашистских захватчиков.

Военные преступления представляют собой деяния, нарушающие законы войны, а именно: пытки, истязания и убийства мирных жителей; насильственный увод в рабство; разграбление сел и городов; разрушение памятников искусства и культуры; жестокое обращение с военнопленными, заложниками и др. Особенностью данной категории преступлений является и тот факт, что такой формулировки в годы войны не существовало и во всех источниках встречается такое обозначение преступлений как «злодеяния немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» [3]. Иллюстрирует жестокость немецких захватчиков события 6 января 1942 года, где после массового убийства семи тысяч мирных жителей Керчи, сброшенных нацистами в Багеровский ров, советское правительство направило иностранным послам ноту НКВД. В документе осуждались массовые грабежи, уничтожение мирного населения и чудовищные преступления немецких оккупантов на захваченных советских территориях [9, с. 39]

2 ноября 1942 года указом Президиума Верховного Совета СССР была создана специализированная комиссия Верховного совета СССР, которая называлась «Государственная Чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» [3].

Процессуальные действия военных следователей в составе чрезвычайных комиссий включали: осмотр мест преступлений; эксгумацию жертв массовых расправ; допросы пострадавших и свидетелей; изъятие документальных доказательств. Они также составляли акты о злодеяниях нацистов, итоговые заключения по расследуемым эпизодам. Готовые материалы направлялись через прокурорскую вертикаль в Государственную Чрезвычайную комиссию для централизованного учета военных преступлений.

Особенностями расследования военных преступлений являлось то, что законодательно закреплялся короткий срок расследования — 5 суток, которого не придерживались из-за большой нагрузки на следственные органы. Для некоторых преступлений, расследование было сокращено до 3 суток или до нескольких часов. В 1943 году была одобрена постановлением СНК СССР от 17.06.1943 года «Инструкция о порядке установления и расследования

злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников», согласно которой установлению подлежали: а) факты убийств мирных граждан, насилия, издевательств и пыток, учиненных немецко-фашистскими оккупантами; б) факты увода советских людей в немецкое рабство; в) факты пыток, истязаний и убийств, учиненных над пленными больными и ранеными советскими военнослужащими. Указанные факты подлежали установлению актами на основании заявлений советских граждан, опроса потерпевших, свидетелей, врачебной экспертизы, а также осмотра места, в котором совершено это злодеяние. Предъявлялись и требования к актам: они должны были содержать в себе, по возможности, точное описание совершенных преступлений, времени, места и способов их совершения с указанием фамилии, имени и отчества, местожительства лиц, удостоверяющих факт совершенного злодеяния с подписью лиц, принимавшими участие в их составлении и приложением всех относящихся к делу документов. [2]

Сложности в расследовании военных преступлений вызывали такие факторы как массовость данной категории преступлений; разорванность во времени с момента совершения деяния и до момента обнаружения вследствие оккупации территории; трудности в собирании доказательств опосредованные совершением преступлений одним лицом на территории разных административных образований; сложности в определении степени виновности лиц; большое разнообразие следственных органов с пересечением их функций. [7, с. 74]

В целом следователи выполняли свою работу добросовестно и самоотверженно, отстаивая интересы граждан и государства. Однако их деятельность проходила в крайне сложных условиях военного времени: страна испытывала острую нехватку квалифицированных специалистов — многие ушли на фронт, часть погибла или получила ранения, некоторые подверглись репрессиям. Высокая нагрузка, нехватка ресурсов и оборудования также затрудняли расследование. Всё это привело к тому, что злоупотреблений и ошибок в тот период было значительно больше по сравнению с мирным временем. Расследование военных преступлений нередко сопровождалось процессуальными нарушениями: аресты проводились без прокурорской санкции; допросы свидетелей носили формальный характер; не устанавливались детали преступлений (время, место, обстоятельства); обвиняемых допрашивали лишь об их отношении к предъявленным обвинениям. Многие дела ограничивались минимальными показаниями обвиняемого, формальной справкой о его должности в оккупационный период. Зачастую осуществлялся недостаточный сбор вещественных доказательств, неполное установление круга виновных лиц.

Литература:

1. О военном положении: указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 (с изм. от 07.07.1943) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — М., 2025. — Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та

2. О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. 17 июня 1943 г.: инструкция Совета Народных Комиссаров СССР от 17 июня 1943 г. / [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов: [сайт]. — URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/244236-instruktsiya-soveta-narodnyh-komissarov-sssr-o-poryadke-ustanovleniya-i-rassledovaniya-zlodeyany-nemetsko-fashistskih-zahvatnikov-i-ih-soobschnikov-17-iyunya-1943-g> (дата обращения: 07.04.2025). — Утратил силу.
3. Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР: указ Президиума ВС СССР от 02.11.1942 № 160/17 // [Электронный ресурс] // ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина»: [сайт]. — URL: <https://www.prilib.ru/item/1351285> (дата обращения: 07.04.2025). — Утратил силу.
4. Абидулин К. М. Работа органов НКВД по раскрытию экономических преступлений в г. Саратове и Саратовской области в годы Великой Отечественной войны / Абидулин К. М // Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. — 2015. — №. 5–6. — С. 13–18.
5. Блинова В. В., Хисамутдинова Р. Р. Великая Отечественная война и органы НКВД Южного Урала. — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет», 2007. — С. 224–224.
6. Варенцова Л. Ю. Борьба со спекуляцией как одно из направлений деятельности милиции в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Варенцова Л. Ю. // Российская полиция: три века служения Отечеству. — 2019. — С. 346–354.
7. Винокуров А. Ю. К вопросу о расследовании военных преступлений, совершенных в отношении гражданского населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2011. — №. 2 (22). — С. 72–77.
8. Газета «Звезда» № 251 от 23.10.1941 [электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://base.permgaspi.ru/zvezda/view?id=3415>, свободный (дата обращения: 07.04.2025).
9. Кикнадзе В. Г. Без срока давности: расследование военных преступлений во время и после Второй мировой // Вопросы истории. — 2020. — №. 5. — С. 39.
10. Следствие в годы Великой Отечественной войны: материалы Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 15–16 октября 2020 г.). — СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2021. — 156 с.

Мониторинг законодательства Российской Федерации об охране объектов животного мира на особо охраняемых территориях

Романов Артём Тимурович, студент магистратуры

Научный руководитель: Межидова Тамуса Умаровна, кандидат политических наук, доцент
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В данной статье произведен анализ и систематизация нормативно-правовых актов (далее — НПА) в сфере охраны объектов животного мира на особо охраняемых территориях Российской Федерации. На основе проведенного анализа были предложены меры, направленные на совершенствование законодательной базы в указанной отрасли.

Достоверность и обоснованность результатов, полученных в ходе исследования, достигается за счет применения комплексного подхода, который позволяет учитывать опыт исследований из разных областей.

В результате исследования получены теоретические результаты, в частности, обобщено законодательство в сфере охраны объектов животного мира, а также сформулирован основной вывод о необходимости совершенствования законодательства в данной сфере.

Полученные результаты могут быть использованы в процессе совершенствования законодательства в сфере охраны животных от жестокого обращения с ними. Теоретическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов данного исследования в процессе изучения таких дисциплин, как зоология, биологическая защита, экологическая политика, экологическое право, уголовное право и др.

Ключевые слова: законодательство в сфере охраны животного мира, особо охраняемая территория, животноводство, защита животных.

Monitoring of legislation on the protection of wildlife in specially protected areas in Russia

Romanov Artem Timurovich, master's student

Scientific advisor: Mezhidova Tamusa Umarovna, phd in political science, associate professor

Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Krasnogorsk)

In this article the analysis and systematization of normative legal acts (hereinafter — NLA) in the sphere of wildlife protection in specially protected areas of the Russian Federation is made. Based on the analysis, the measures aimed at improving the legislative framework in this sector have been proposed.

The methodological basis of the study is a set of general scientific and private methods. Reliability and validity of the results obtained in the course of the study is achieved through the integrated application of research methods in their interrelation and interdependence.

As a result of the study, theoretical results were obtained, in particular, the legislation in the field of wildlife protection was generalized, and the main conclusion about the need to improve the legislation in this area was formulated.

The novelty of the results of the work lies in the development of a qualitatively new approach to the study of this issue.

The obtained results can be used in the process of improving the legislation in the sphere of protection of animals from cruelty to them. Theoretical significance of the study lies in the possibility of using the results of this study in the process of studying such disciplines as: zoology, Biological protection, environmental policy, environmental law, criminal law and others.

Keywords: *legislation in the sphere of wildlife protection, specially protected area, animal husbandry, animal protection.*

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью защиты животного мира на особо охраняемых природных территориях России (далее — ООПТ) в условиях глобального изменения климата, антропогенного воздействия, истощения природных ресурсов, вымирания видов и разрушения экосистем.

По данным The Zoological Society of London, (ZSL) — научное общество зоологов Великобритании, исследующих животных и популяризирующих сведения о них, средняя численность популяции диких животных сократилась на 73 % за последние 50 лет. [10] Уничтожение естественных мест обитания, загрязнение окружающей среды, браконьерство и изменение климата — лишь некоторые из факторов, которые угрожают животному миру.

Животные являются важнейшим элементом поддержания экосистемных функций, включающих: опыление, распространение семян и регуляция популяции различных видов животных.

В социально экономическом аспекте, охрана объектов животного мира имеет важное значение для различных сфер человеческой жизни, таких как: экологический туризм, который является важным источником дохода для многих субъектов РФ; сельское хозяйство, страдающее от уничтожения полевых и лесных экосистем; рыболовство; животноводство и т. д.

С правовой точки зрения, необходимость охраны животных обретает международную значимость. Российская федерация, имеющая богатое разнообразие видов флоры и фауны, принимает участие в различных международных соглашениях, направленных на защиту животного мира, таких как: Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г. [1], Конвенция об охране всемирного культурного

и природного наследия 1972 г. [2], Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) 1973 г. [3], Соглашение о взаимодействии стран СНГ в области экологии и охраны окружающей природной среды 1999 г. [4] и др.

Эффективная охрана объектов животного мира требует непрерывной, систематической корректировки и мониторинга законодательства, а также его правоприменения.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о необходимости комплексного подхода к защите объектов животного мира, включающего взаимодействие: государственных органов, научного сообщества, **некоммерческих организаций** (НКО), общественных объединений и широкой общественности.

Обсуждение

Исследование данной темы невозможно без понимания того, что является особо охраняемыми территориями. Согласно Федеральному закону «Об особо охраняемых природных территориях» от 14.03.1995 N 33-ФЗ, ООПТ — участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, объекты растительного и животного мира, естественные экологические системы, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны.

Настоящим Законом урегулированы отношения в области охраны и использования ООПТ, включающие: со-

хранения уникальных и типичных природных комплексов, и объектов; объектов растительного и животного мира; естественных экологических систем; биоразнообразия; проведения научных исследований в области охраны окружающей среды; экологического мониторинга; экологического просвещения. [8]

Вышеупомянутый НПА устанавливает цели и порядок создания ООПТ, определяет компетенцию органов власти в отношении ее охраны и использования, содержит положения об ограничении и запрете на определенные виды деятельности на территории ООПТ, устанавливает механизмы мониторинга ее состояния, а также содержит основания для привлечения к ответственности за нарушения, связанные с охраной и использованием ООПТ.

ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» является важной основой для экологической политики России, играет ключевую роль в защите природного разнообразия объектов животного мира и способствует формированию системного подхода.

Другим, не менее важным нормативным правовым актом, является Федеральный закон «О животном мире» от 24.04.1995 N 52-ФЗ, регламентирующий отношения в области охраны и использования животного мира и среды его обитания в целях обеспечения биологического разнообразия, устойчивого использования всех его компонентов, создания условий для устойчивого существования животного мира, сохранения генетического фонда диких животных и иной защиты животного мира как неотъемлемого элемента природной среды. [9]

Настоящий Закон устанавливает основополагающие правила пользования животным миром, направлен на его защиту, сохранение, биологическое разнообразие, а также рациональное использование.

В нормативную правовую базу в указанной сфере также входит «Лесной кодекс Российской Федерации» от 04.12.2006 N 200-ФЗ, регламентирующий правила использования лесов, управление ими, сохранение биологического разнообразия, повышение их потенциала, улучшение их качества и повышение продуктивности [7], также «Водный кодекс Российской Федерации» от 03.06.2006 N 74-ФЗ, устанавливающий: значимость водных объектов в качестве основы жизни и деятельности человека; приоритет охраны водных объектов перед их использованием; сохранение особо охраняемых водных объектов; целевое использование водных объектов; приоритет использования водных объектов для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения перед иными целями их использования и др. [6]

Конкретизировать, дополнять и развивать действующее федеральное законодательство призваны следующие акты: Постановления правительства РФ; Приказы министерств и ведомств; НПА субъектов РФ.

В целях систематизации законодательства в сфере охраны объектов животного мира, кратко проанализируем ряд международных актов Российской Федерации,

направленных на сохранение природных ресурсов, экологических систем и биологических видов:

1. Конвенция о водно-болотных угодьях [5], имеющих международное значение, главным образом, в качестве местообитаний водоплавающих птиц. Данное соглашение сформировало основу международного сотрудничества в сфере защиты водно-болотных угодий, которые являются местообитанием мигрирующих птиц.

2. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения [3] — международное правительственное соглашение, призванное защитить фауну и флору от чрезмерной эксплуатации их в международной торговле. Благодаря прогрессивному развитию и применению на практике новаторских методов по принуждению государств к соблюдению ее положений данное соглашение служит примером эффективности международного экологического права.

3. Бернская конвенция **об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания** [4] — международное соглашение об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания в Европе. Цели настоящей Конвенции заключаются в сохранении дикой флоры и фауны и их природной среды обитания, особенно тех видов и сред обитания, сохранение которых требует сотрудничества нескольких Государств, а также содействию такому сотрудничеству, при этом особое внимание Конвенцией уделяется тем видам, которые находятся под угрозой или являются уязвимыми, в том числе мигрирующим видам.

4. Конвенция о биологическом разнообразии (КБР) [1] представляет собой международный юридически обязательный договор, три основные цели которого заключаются в сохранении биоразнообразия, устойчивом использовании биоразнообразия и совместном получении на справедливой и равной основе выгод, связанных с использованием генетических ресурсов. Ее общей задачей является стимулирование деятельности, ведущей к созданию устойчивого будущего.

Приведенные выше конвенции не являются исчерпывающими, однако позволяют сделать вывод о международном сотрудничестве Российской Федерации в указанной сфере.

Проанализировав актуальную законодательную базу Российской Федерации и международные договоры, заключенные Россией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры, мы приходим к выводу, что действующим законодательством в сфере охраны объектов животного мира на особо охраняемых территориях РФ созданы основы для защиты животного мира. Однако, эффективность правоприменения указанных норм зависит от множества факторов, включающих: охрану данных территорий от браконьерства, незаконную вырубку лесных насаждений, нелегальную охоту и др.

Заключение

Результаты проведенного мониторинга законодательства в сфере охраны объектов животного мира на особо охраняемых территориях в РФ позволяют подчёркивать важность дальнейшего изучения данной темы. Проанализировав нормативную правовую базу, мы при-

ходим к выводу, что в настоящий момент основной проблемой является сложность в осуществлении контроля за ООПТ. Это важная тема для будущих исследований. Дальнейшие исследования должны более полно рассмотреть правовые основы охраны животного мира на ООПТ В Российской Федерации, и подтвердить начальные результаты.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций «О биологическом разнообразии» (Заключена в г. Рио-де-Жанейро 05.06.1992) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ). N19, 1996. Ст.2254.
2. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Заключена в г. Париже 16.11.1972) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. — Москва: «Логос». 1993.
3. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) (Заключена в г. Вашингтоне 03.03. 1973) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР. Вып. XXXII. — М., 1978.
4. Конвенция об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания в Европе (ETS N 104) [рус., англ.] (Вместе с <Особо охраняемыми видами>, «Запрещенными средствами и методами убийства, отлова и других форм использования») [англ.] (Заключена в г. Берне 19.09.1979) // СПС КонсультантПлюс.
5. Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местобитаний водоплавающих птиц N 2737-IX // Ведомости Верховного Совета СССР № 1, 07.01.76.
6. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.
7. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.
8. Федеральный закон от 14.03.1995 N 33-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об особо охраняемых природных территориях» // СЗ РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.
9. Федеральный закон от 24.04.1995 N 52-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О животном мире» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2024) // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.
10. Monitored wildlife populations have decreased on average by 73 % between 1970 and 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zsl.org/news-and-events/news/living-planet-index-2024> (дата обращения: 18.06.2025).

О некоторых особенностях объектов авторского права в сети Интернет

Савчук Екатерина Валерьевна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье рассматриваются специфические особенности, присущие объектам авторского права в сети Интернет. Среди основных особенностей объектов авторского права в сети Интернет автор указывает и раскрывает следующие: невозможность существования некоторых объектов авторского права в цифровой среде; особая «цифровая» форма объектов; легкость внесения изменений в произведения и нелегального их распространения; двойственное положение сайта как объекта авторского права в сети Интернет.

Ключевые слова: авторское право, объекты авторского права, авторское право в сети Интернет, сайт.

Законодателем достаточно подробно урегулирован вопрос отнесения тех или иных произведений к объектам, защищаемых авторским правом. В то же время цифровая среда и, в частности, сеть Интернет оказывают влияние как на состав, так и на «сущность» объектов авторского права. Рассмотрим особенности объектов авторского права в сети Интернет.

1. Не все из перечисленных объектов авторского права, закрепленных в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ), могут существовать в цифровой среде. Например, хореографические произведения и пантомимы, произведения скульптуры, архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства.

Перечисленные объекты относятся сугубо к «внешнему» миру.

2. Особая «цифровая» форма, которая может существовать и при отсутствии материального носителя. При загрузке произведения в сеть Интернет происходит его кодировка, в результате чего произведение приобретает цифровую форму, которая, по замечанию А. И. Савельева, обуславливает «значительную степень независимости произведения от носителя, на котором оно содержится» [8, с. 232]. Цифровой формы, в которой находятся произведения в сети Интернет, законом не предусмотрено. На наш взгляд, цифровую форму следует признать особым способом выражения объективной формы, о которой говорит законодатель.

Следует отметить, что среди перечисленных в статье 1259 ГК РФ объектов авторского права могут существовать как в «реальной», так и в цифровой форме. Это литературные произведения, драматические и музыкально-драматические произведения, сценарные произведения, музыкальные произведения с текстом или без текста, аудиовизуальные произведения, проекты, чертежи, фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, географические и другие карты, планы, эскизы, программы для ЭВМ. Указанные объекты могут быть переведены в цифровую форму без существенного изменения их сущности.

3. Особое положение сайта как объекта авторского права. Особым объектом авторского права в сети Интернет является сайт. Как отмечает Н. Н. Иванова, «интернет-сайты существуют уже давно, но вопрос об их квалификации долгое время оставался открытым» [5, с. 171]. ГК РФ относит сайт к составным произведениям (статья 1260). В ГК РФ сайт понимается не как самостоятельное произведение, а скорее как совокупность различных произведений, что вызвано проблемой отсутствия восприятия сайта как отдельного независимого объекта авторских прав.

Поддерживает данную точку зрения М. А. Рожкова, говоря о сайте как особом способе структурирования информации. Вследствие этого исследователь не признает сайт целостным объектом авторского права, подлежащего правовой охране: «...сайт не может получить правовую охрану в качестве объекта интеллектуальной собственности — такая охрана может быть предоставлена лишь дизайну и контенту сайта» [7, с. 88].

Но существует и иная точка зрения. По мнению Н. М. Мальцева, «юридическая дефиниция сайта должна учитывать его многоуровневую и технически сложную структуру» [6, с. 35].

Например, о сложной структуре сайта говорит Е. С. Басманова. Она считает сайт результатом интеллектуальной деятельности и выделяет следующие его элементы: «статичная основа, представляющая собой программный (объектный) код и порождаемые им визуальные отображения (дизайн сайта); динамичное содержание (контент), представляющее собой совокупность

разнородных объектов исключительных прав и иных материалов, системно расположенных в пределах базового элемента сайта» [2, с. 10].

Таким образом, интернет-сайт не следует квалифицировать как составной объект, суть которого заключается лишь в творческом расположении материала, потому что, как мы убедились, сайт состоит не только из «видимой», «наружной» части и информационного контента, который видят и потребляют пользователи сети. В связи с этим предполагается, что сайт следует рассматривать с точки зрения сложного объекта авторского права в сети Интернет.

4. Особое положение видеоигры как объекта авторского права. В Интернет-пространстве широкое распространение получают видеоигры, что связано со стремительным развитием игровой индустрии в целом. Термин «видеоигра» не закреплен на законодательном уровне, и в качестве объекта авторского права ГК РФ не закрепляет видеоигры. Между тем в связи со всё возрастающей популярностью видеоигр у их разработчиков появляется большое количество недобросовестных конкурентов, стремящихся присвоить чужие наработки, что влечет за собой необходимость обеспечить рассматриваемой разработке надлежащую правовую охрану. Об этом говорит и судебная практика. Однако для этого необходимо определить правовой режим видеоигр.

Видеоигра — мультимедийный продукт, так как объединяет в себе несколько форм контента. Действительно, игра включает в себя не только программу для ЭВМ в качестве базового элемента, «но и потенциально неисчерпаемый круг видов иных результатов интеллектуальной деятельности, в частности различных произведений: литературных, сценарных, музыкальных произведений, произведений изобразительного искусства и т. п.» [1, с. 63]. Следовательно, видеоигру можно рассматривать в качестве сложного объекта (статья 1240 ГК РФ).

5. Повышенный риск изменения объектов авторского права. Статья 1266 ГК РФ провозглашает право на неприкосновенность произведения. Однако в цифровой среде данное право может быть легко нарушено, что связано, во-первых, с особой формой произведения, предоставляющей возможность некоторым пользователям без ведома правообладателя внести изменения в произведение (например, сократить или дополнить его), а во-вторых, с высокой доступностью произведения для других пользователей сети, которые могут каким-либо образом видоизменить произведение и распространить его по сети Интернет.

6. Возможность быстрого распространения незаконных копий произведения, защищаемого авторским правом. Данная характеристика объектов авторского права в сети Интернет непосредственно связано с двумя предшествующими пунктами. Цифровая форма и возможность создания большого количества версий произведения в различных форматах способствуют его быстрому распространению в сети, что может нанести значительный материальный ущерб правообладателю.

7. Проблема отнесения произведений, создаваемых искусственным интеллектом, к объектам авторского права. В последние несколько лет активно обсуждаются вопросы, связанные с внедрением искусственного интеллекта и результатов его деятельности в различные сферы жизни общества. Активное использование возможностей рассматриваемой технологии влечет за собой проблему правового регулирования «деятельности» искусственного интеллекта.

Как говорилось ранее, согласно пункту 1 статьи 1228 и пункту 1 статьи 1259 ГК РФ авторское право охраняет произведение независимо от его достоинств, назначения, а также от способов его выражения. Следовательно, произведения, сгенерированные ИИ, могут быть отнесены к объектам авторского права. Однако, как справедливо отмечает И. А. Зенин И. А., «это неизбежно приведет к <...> засорению культуры общества лишенным всякой человеческой эстетики “спамом” под аккомпанемент нескончаемых дискуссий о свободе теперь уже “машинного творчества”» [4, с. 133–134]. Помимо этого, чтобы произведение считалось объектом авторского права, у него должен быть автор. Следовательно, возникает проблема

авторства произведения, сгенерированного ИИ. Дискуссии на эту тему продолжаются, но они выходят за рамки настоящего исследования. В рамках данной работы важным оказывается принятие результатов деятельности искусственного интеллекта как потенциально подлежащих охране авторским правом.

Рассмотренные особенности объектов авторского права в сети Интернет позволяет разделить существующие объекты авторского права на три категории в зависимости от возможности их размещения в сети Интернет путем перевода в цифровую форму:

1) объекты авторского права, существующие только в объективных формах внешнего мира (устной, письменной, в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме) (произведения скульптуры, архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства);

2) объекты авторского права, существующие только в цифровой форме (сайт, программа для ЭВМ, видеоигра);

3) объекты авторского права, существующие как в объективной форме, так и в цифровой (литературные, музыкальные, фотографические произведения).

Литература:

1. Архипов, В. В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики / В. В. Архипов // Закон. — 2015. — № 11. — С. 61–69.
2. Басманова, Е. С. Интернет-сайт как объект имущественных прав: автореферат дис.... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Е. С. Басманова; Место защиты: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. — Москва, 2010. — 30 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 года N 230-ФЗ // Российская газета. — 2006. — N 289.
4. Зенин, И. А. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов / И. А. Зенин. — 12-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 524 с.
5. Иванова, Н. Н. Современный взгляд на объекты авторского права / Н. Н. Иванова, Р. Р. Валиуллин, Е. В. Пивнев, И. А. Ляпина // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. — С. 170–172.
6. Мальцев, Н. М. Правовой режим Интернет-сайтов как объектов интеллектуальных прав / Н. М. Мальцев // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2019. — № 9. — с. 33–46.
7. Рожкова, М. А. Верное понимание терминов «составное произведение», «сайт» и «контент сайта» как условие правильного разрешения спора / М. А. Рожкова // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). — М.: «Юридическая фирма контракт», 2021. — с. 78–88.
8. Савельев, А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование / А. И. Савельев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2016. — 638 с.

Розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда

Суханов Дмитрий Сергеевич, студент
Московский университет «Синергия»

В статье представлено критическое исследование современных механизмов розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда. Предлагается концепция дифференцированного розыска, учитывающего тип и тяжесть преступления, а также «цифровой след» подозреваемого как ключевой инструмент розыскной деятельности. Анализируются последние судебные решения городских судов, выявляются тенденции формирования критериев оценки укло-

нения, а также проблемные зоны законности применения ст. 210 УПК РФ. На основе выявленных закономерностей формулируются рекомендации по совершенствованию нормативного и организационного обеспечения розыска, включая внедрение межведомственных алгоритмов и цифровых инструментов контроля.

Ключевые слова: розыск, скрывающееся лицо, дифференцированный розыск, цифровой след, процессуальная мобилизация, судебная практика, уголовный процесс.

Розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, традиционно рассматривается как вспомогательный элемент уголовного судопроизводства. Вместе с тем в современных условиях он приобретает самостоятельное значение, выступая важнейшим инструментом обеспечения принципа неотвратимости уголовной ответственности. Рост мобильности населения, использование цифровых средств коммуникации и изменение моделей социального поведения объективно усложняют установление местонахождения подозреваемых и обвиняемых. Актуальность исследования обусловлена тем, что действующее уголовно-процессуальное законодательство, регламентируя основания и порядок розыска, не содержит четких критериев разграничения временного отсутствия лица и его сознательного уклонения от участия в уголовном судопроизводстве. В результате ключевая роль в формировании правоприменительных стандартов отводится судебной практике, прежде всего решениям городских и районных судов. Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе правовых и практических аспектов розыска скрывающихся лиц с позиций современной судебной практики и выработке научно обоснованных предложений по ее совершенствованию.

В условиях роста мобильности населения, цифровизации общественных отношений и трансграничного характера преступности розыскная деятельность приобретает особую значимость. В соответствии со статьей 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» к числу ключевых направлений оперативно-розыскной деятельности относится розыск лиц, уклоняющихся от органов дознания, следствия и суда, лиц, скрывающихся от исполнения уголовного наказания, а также установление местонахождения без вести пропавших [1].

Правовое регулирование розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, осуществляется прежде всего нормами УПК РФ. В соответствии со статьей 210 УПК РФ, розыск подозреваемого или обвиняемого объявляется в случае, если его местонахождение неизвестно, а проведение следственных действий без его участия невозможно. Следует отметить, что законодатель использует оценочные категории («местонахождение неизвестно», «уклоняется от явки»), не раскрывая их содержания. Это приводит к расширению дискреции органов предварительного расследования и повышает значение судебного контроля за законностью и обоснованностью розыскных мероприятий.

В современных условиях, характеризующихся усложнением криминогенной обстановки, розыскная деятельность оперативно-розыскных подразделений приобре-

тает особую значимость, выступая важным инструментом защиты общества и государства от преступных посягательств. Розыск может сопровождаться приостановлением предварительного расследования (ст. 208 УПК РФ), а при уклонении подсудимого от явки в суд — приостановлением судебного разбирательства (ст. 253 УПК РФ). При этом законодатель не раскрывает в полной мере критерии, позволяющие однозначно квалифицировать поведение лица как «скрывающееся», что порождает неоднозначность правоприменения.

Анализ судебных актов городских и районных судов за последние годы показывает, что суды уделяют особое внимание проверке обоснованности объявления лица в розыск. Так, в ряде решений суды указывают, что сам по себе факт неявки лица по вызову следователя не всегда свидетельствует о его намерении скрыться, если органами расследования не были предприняты все возможные меры по установлению его местонахождения. В практике городских судов встречаются дела, в которых суд признает законным объявление обвиняемого в розыск при наличии совокупности обстоятельств: отсутствие по месту регистрации, уклонение от получения повесток, прекращение социальных связей, а также выезд в другой регион без уведомления следственных органов. Подобная позиция отражена, в частности, в постановлениях районных судов г. Москвы [4], г. Краснодар [5] и г. Иркутска [6]. Отдельное место в судебной практике занимают дела, связанные с приостановлением производства по уголовному делу в связи с розыском подсудимого. Суды подчеркивают, что приостановление допустимо лишь при реальной невозможности продолжения процесса и при наличии документально подтвержденных мер, предпринятых для розыска лица [2].

На основе анализа судебной практики представляется возможным обосновать необходимость внедрения концепции дифференцированного розыска. Суть данного подхода заключается в том, что выбор форм, способов и интенсивности розыскных мероприятий должен зависеть от совокупности факторов: тяжести инкриминируемого деяния, личности разыскиваемого, наличия социальных связей и цифровой активности. В условиях цифровизации особое значение приобретает использование так называемого цифрового следа — информации о действиях лица в электронных сервисах, социальных сетях и коммуникационных платформах. Судебная практика последних лет свидетельствует о постепенном признании допустимости использования таких данных при оценке факта уклонения и обоснованности розыска. Введение цифрового следа в систему доказательств ро-

зыскной деятельности позволяет повысить ее адресность и снизить риск необоснованного ограничения прав личности. Несмотря на наличие нормативной регламентации розыска в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, практика его осуществления характеризуется рядом проблем, что подтверждается судебными актами судов общей юрисдикции. В этой связи анализ судебной практики по делам, связанным с розыском скрывающихся лиц, представляет собой актуальную научную задачу. В правоприменительной практике по-прежнему сохраняется нерешенной проблема взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел со следователями и дознавателями при осуществлении розыска лиц, скрывшихся от органов расследования. Существенным недостатком является направление в оперативные подразделения неполных и фрагментарных сведений о разыскиваемом лице на стадии объявления его в розыск [3]. Нередко в розыскные материалы не включается информация о предполагаемом месте нахождения скрывшегося, его социальных связях, индивидуальных и внешних признаках, особенностях поведения и характеристике личности, что отрицательно отражается на своевременности и результативности проведения оперативно-розыскных мероприятий. Поручения следователей и дознавателей о розыске подозреваемых и обвиняемых зачастую содержат недостаточный объем данных, в том числе о возможных маршрутах перемещения и местах пребывания разыскиваемых лиц, что существенно затрудняет оперативное планирование и реализацию розыскных действий.

В последующем указанные пробелы, как правило, устраняются оперативными сотрудниками в процессе изучения материалов уголовного дела, однако это приводит к дополнительным временным затратам и снижает эффективность начального этапа розыска. Следует отметить, что взаимодействие между следственными органами и оперативными подразделениями носит, как правило, эпизодический характер и ограничивается первоначальной передачей отдельных сведений о личности разыскиваемого и обстоятельствах совершенного преступления. В дальнейшем следователь (дознаватель), как правило, не принимает активного участия в розыскных мероприятиях. В современных условиях неполнота и несвоевременность передачи информации оперативно-розыскным органам

негативно сказывается на сроках установления местонахождения и задержания лиц, уклоняющихся от правосудия. В связи с этим представляется необходимым совершенствование механизмов межведомственного и внутриведомственного взаимодействия между следователями (дознавателями) и оперативно-розыскными подразделениями, в том числе путем регламентации объема и порядка передачи розыскной информации.

Среди основных проблем, выявляемых в судебной практике, также следует выделить: формальный подход к объявлению лица в розыск без достаточного обоснования его фактического уклонения; недостаточную фиксацию розыскных мероприятий в материалах уголовного дела; сложности разграничения временного отсутствия лица и его намеренного сокрытия; отсутствие единых критериев оценки эффективности розыскных мероприятий.

Судебная практика показывает, что при рассмотрении жалоб на действия следственных органов суды все чаще требуют представления конкретных доказательств активного уклонения лица от участия в уголовном судопроизводстве, что свидетельствует о повышении стандартов судебного контроля.

В целях повышения эффективности розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, представляется целесообразным: 1) законодательно закрепить минимальный перечень мер, подлежащих обязательному осуществлению до объявления лица в розыск; 2) разработать процессуальные критерии оценки уклонения, основанные на судебной практике; 3) расширить использование цифровых и межведомственных информационных ресурсов. Реализация указанных мер позволит повысить правовую определенность и обеспечить баланс публичных и частных интересов.

Итак, розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, представляет собой сложный и многоуровневый институт уголовного процесса. Современная судебная практика формирует новые стандарты законности и обоснованности розыскной деятельности, требуя от органов расследования активных и документально подтвержденных действий. Внедрение дифференцированного подхода и использование цифрового следа способны существенно повысить эффективность розыска и соответствие его принципам справедливого судопроизводства.

Литература:

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.
2. Назаров М. В. Изменение существующей парадигмы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе / М. В. Назаров // Российский юридический журнал. — 2023. — № 1. — С. 127–139.
3. Романова Г. В., Романов В. И. Применение средств криминалистической техники в свете новых информационно-компьютерных технологий // Развитие научных идей профессора Р. С. Белкина в условиях современных вызовов (к 100-летию со дня рождения): сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции «63-и криминалистические чтения» (Москва, 20 мая 2022 г.): в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2022. Ч. 2. — 628 с.

4. Дело № 2–135/2024 (2–2563/2023) УИД: 50RS0016–01–2023–002847–48 Королевский городской суд Московской области // https://korolev—mo.sudrf.ru/modules.php?case_type=0&delo_id=1540005&name=sud_delo&name_op=doc&new=0&number=859141139&srv_num=1&text_number=1&utm_source=chatgpt.com (дата обращения 30.12.20225).
5. Решение по делу № 1–998/2021 УИД 23RS0041–01–2021–010816–97 Прикубанского районного суда г. Краснодара (sudrf.ru) по делу № 1540006 // <https://krasnodar-prikubansky—krd.sudrf.ru> (дата обращения 30.12.20225).
6. Решение областного суда на портале sudrf.ru с номером дела № № 22–1778/2023 // <https://oblsud—irk.sudrf.ru> (дата обращения 30.12.20225).

Направления совершенствования законодательства об административной ответственности в таможенной сфере

Торобекова Айзирек Торобековна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассмотрены перспективы модернизации правовых норм, устанавливающих административную ответственность за нарушения в таможенной сфере. Актуальность темы обусловлена двумя факторами: углублением интеграции в рамках Евразийского экономического союза и наличием кризисных тенденций в глобальной экономике. Административная ответственность выступает здесь действенным механизмом, гарантирующим исполнение таможенных правил. Внедрение разработанных мер, по мнению исследователя, должно привести к нескольким позитивным итогам, возрастет результативность применения права, сократится пространство для произвола и злоупотреблений. Наконец, это укрепит основы экономической безопасности, не создавая при этом излишних барьеров для законопослушных субъектов внешнеторговых операций.

Ключевые слова: административное правонарушение, таможенный контроль, нарушение таможенных правил, незаконное перемещение товаров через таможенную границу, административная ответственность, таможенное законодательство, гармонизация ЕАЭС, таможенные правонарушения, унификация штрафов, цифровизация контроля

В обеспечении экономической безопасности и внешнеэкономической деятельности России таможенная служба выступает в качестве фундаментального института. Её ключевая задача заключается в регулировании и противодействии нарушениям в сфере таможенного законодательства [4].

На фоне углубляющейся межгосударственной интеграции [6] наблюдается устойчивая тенденция к усилению роли таможенных органов. Их полномочия по привлечению к административной ответственности за таможенные правонарушения приобретают все большее значение.

Административная ответственность исторически выступает в роли ключевого механизма, гарантирующего исполнение правовых норм в многообразных областях общественных отношений. Параллельно она составляет неотъемлемый элемент управления социальными процессами, характерными для правового государства, где эти процессы охватывают и сферу экономических взаимодействий.

Сдвиг в позиции законодателя и правоприменителя по вопросу о необходимости и интенсивности административного контроля в конкретной области общественных отношений находит своё воплощение двояко. С одной стороны, он проявляется в прямых коррективах законо-

дательных норм, устанавливающих ответственность за те или иные административные проступки. С другой — его можно отследить по эволюции правоприменительной практики, как ведомственной, так и судебной, в части обнаружения, расследования и разрешения дел об определённых категориях нарушений.

В российской правовой системе именно административное законодательство предусматривает наиболее суровые меры ответственности. Помимо денежного взыскания, судебный орган вправе применить конфискацию орудия или предмета, послужившего основой для совершения административного проступка, связанного с недекларированием товара.

В российской правовой системе привлечение организации к административной ответственности не снижает аналогичной ответственности с физического лица, совершившего то же противоправное деяние. Данный принцип закреплён в части 3 статьи 2.1 Кодекса об административных правонарушениях. Однако на практике, как показывает анализ судебных решений и правоприменительной деятельности таможенных органов, к ответственности, как правило, привлекаются исключительно виновные юридические лица [5].

Административная ответственность служит механизмом, гарантирующим исполнение норм таможенного

права ЕАЭС и национального законодательства государств-членов в этой сфере. Её существование формирует необходимый базис: при отсутствии соразмерного наказания за нарушения или его полном отсутствии сама идея следования правилам теряет практический смысл.

В научной литературе можно обнаружить ряд подходов к разрешению указанной коллизии. В частности, Е. Н. Шахов выдвигает идею унификации правовых норм, регламентирующих таможенные деликты. Предлагается сформировать единый кодифицированный документ — Административный и Уголовный кодексы ЕАЭС о таможенных правонарушениях. Этот акт должен консолидировать общие принципы, установить единообразные сроки и четкие критерии для привлечения виновных к административной либо уголовной ответственности [7].

Ряд отечественных исследователей права видит в модельном законодательстве оптимальный путь к гармонизации. Этот подход предоставляет возможность, с одной стороны, отойти от тотальной имплементации предложенных норм, если это потребует. С другой стороны, он зарекомендовал себя как гибкий юридический механизм, чья основная задача — совершенствование национального правового поля. Вне зависимости от выбранной стратегии, внедрение модельного закона, вероятно, повлечет за собой модификацию существующих законодательных актов [3].

В качестве оптимального пути преодоления сложившейся коллизии видится унификация административно-правовых норм в рамках ЕАЭС. Речь идет о последовательном сближении и выравнивании правовых предписаний, регламентирующих применение мер административного принуждения в таможенной сфере, по указанным векторам:

1) Проведение инвентаризации составов административных деликтов в таможенной сфере, основанной на сопоставлении КоАП государств-членов ЕАЭС, что позволит исключить коллизии, при которых тождественное действие влечёт санкции в одной юрисдикции, но остаётся безнаказанным в другой.

2) Унификация мер административной ответственности, в первую очередь, штрафных санкций. Величина штрафа, как и сейчас, может исчисляться в установленных национальным правом эквивалентах — рублях, базовых величинах, месячных расчетных показателях и прочих. Однако существующий разброс в их размерах не должен быть столь кардинальным. Учитывая разницу в уровнях доходов граждан государств ЕАЭС, наиболее обоснованным для ряда основополагающих правонарушений (незаконное перемещение товаров; недекларирование или недостоверное декларирование; нарушение установленных запретов и ограничений) видится закрепление штрафов, кратных стоимости предмета правонарушения, по аналогии с российской практикой. По прочим составам необходимо достичь консенсуса относительно минимального порога штрафных сумм с последующей имплементацией согласованных норм в национальные правовые системы.

3) гармонизация норм административного права с правовыми актами Евразийского экономического союза в таможенной сфере;

4) установление единых сроков исковой давности для привлечения к ответственности за административные проступки в таможенной области.

Прослеживаемость логистических цепочек выступает обязательным условием. Параллельно требуется автоматизировать контрольные таможенные операции и упростить саму процедуру их прохождения. Не менее важно добывать надежные сведения о потенциальных угрозах экономической стабильности. Такая информация дает возможность своевременно на них реагировать, не создавая излишних препятствий для международной торговли.

Представляется целесообразным разработка автоматизированной системы, призванной контролировать процесс совершения таможенных операций в рамках компетенции правоохранительных подразделений. Её внедрение позволит эффективно выявлять, предупреждать и пресекать как административные правонарушения, так и уголовные преступления. Параллельно требуется цифровизация процедуры документирования итогов оперативно-розыскной деятельности.

Эффективность уголовного и административного производства напрямую зависит от качества информационного обмена. Требуется углубление внутриведомственных и межведомственных коммуникаций, переведенных в цифровой формат, а также автоматизация процедур ведомственного контроля. Подобная модернизация создаст условия для оперативного доступа к критически важным данным и заблаговременного выявления возможных угроз. Ключевым элементом этой трансформации выступает автоматизированное формирование постановлений, которое должно быть реализовано исключительно в виде электронных документов.

В рамках эволюции международного таможенного взаимодействия особую перспективу обретает модернизация цифровых реестров. Их ценность заключается в аккумулировании информации, критически важной для предупредительной работы, обнаружения, пресечения и последующего расследования нарушений таможенного законодательства.

В целях совершенствования таможенного контроля над декларируемыми товарами на текущем этапе развития видится рациональным:

В рамках системы управления рисками необходимо переориентировать таможенный контроль на товары с максимальной фискальной нагрузкой. Это позволит пресечь попытки уклонения от уплаты таможенных платежей в крупных объемах.

Преодолеть прямую зависимость качества таможенного контроля от формального следования установленным показателям эффективности работы таможенных органов.

Исключить из функционала подразделений, отвечающих за качество контроля, обязанности, не связанные

напрямую с выявлением недостоверного декларирования товаров.

Обеспечить приоритетный режим работы для подразделений, непосредственно проверяющих достоверность деклараций: создать условия для их сосредоточения на сути задач, максимально сократив объём отчётности.

Проработать вопрос о законодательном закреплении солидарной ответственности декларанта и таможенного представителя за предоставление недостоверных сведений о товаре.

Совершенствование правового регулирования в таможенной сфере предполагает ряд конкретных шагов. Во-первых, необходима унификация нормативных положений, устраняющая внутренние противоречия. Во-вторых, требуется углубление риск-ориентированного подхода, что позволит сосредоточить ресурсы на наиболее проблемных участках. В-третьих, важно повысить результативность административного производства по делам о нарушениях. Реализация этих мер создаст предпосылки для снижения уровня правонарушений, укрепления экономического суверенитета и адаптации таможенного контроля к условиям цифровой экономики. Ключевая задача — найти оптимальное соотношение между защитой фискальных и контрольных интересов государства и созданием комфортных условий для законопослушных предпринимателей. Достижение этой цели, однако, невозможно без масштабной работы по корректировке законодательной базы и системной переподготовки кадрового состава таможенных органов.

По нашему мнению, Постановление № 18 [2] также не позволяет четко дифференцировать признаки, образующие объективную сторону данных составов преступлений.

Достижение единообразия в судебной и правоприменительной деятельности реализуется через ряд механизмов:

1. Корректировка вышеупомянутого Постановления № 18, предполагающая детализацию признаков, образующих объективную сторону административного проступка.
2. Разработка и доведение ФТС России методических указаний до нижестоящих таможенных органов, где будет

систематизирована существующая судебная практика и сформулированы критерии объективной стороны правонарушения.

3. Включение в КоАП РФ легальных определений терминов «недекларирование» и «недостоверное декларирование», к примеру, в форме примечания к статье 16.2.

Реализация предложенных мер сопряжена с существенными временными издержками. Их внедрение невозможно без тщательной детализации и неукоснительного следования установленным регламентам.

В качестве временного решения региональные управления таможни и ФТС России могли бы проводить ежеквартальный анализ судебных прецедентов по указанным составам. Выводы такого обобщения обязательны к применению нижестоящими таможенными органами в процессе возбуждения административных производств.

Для оптимизации правоприменительной практики требуется доработка норм, содержащихся в частях первой и второй статьи 16.2 Кодекса об административных правонарушениях. Целесообразным видится закрепление в законе легальных дефиниций «недекларирования» и «недостоверного декларирования» с четким указанием критериев их дифференциации. Подобная мера исключит на практике ситуацию, когда материальный состав правонарушения ошибочно переqualифицируется в формальный.

В рамках статьи 16.2 КоАП РФ допустимо обособить формальный состав проступка, при котором факт недекларирования товара не повлечет за собой недоплаты таможенных сборов либо их искусственного занижения. Санкцией за подобное деяние может выступать предупреждение или денежный штраф, выраженный в национальной валюте. Подобная мера способствует установлению более взвешенной и соразмерной правовой ответственности. Указанная инициатива неоднократно становилась предметом дискуссий в академической среде.

Выделение формального состава административного правонарушения и введение фиксированных штрафов способно обеспечить более справедливую и соразмерную санкцию за недекларирование товаров. Это актуально в случаях, когда подобное нарушение не привело к неуплате или занижению суммы таможенных платежей.

Литература:

1. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. N 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 27 октября 2025 г. N 383-ФЗ) // СЗ РФ от 6 августа 2018 г. N 32 (часть I) ст. 5082
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 г. N 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред. от 25 июня 2019 г. N 20) // Российская газета от 8 ноября 2006 г. N 250
3. Абашева Е. А. Административно-правовые аспекты совершенствования порядка административного производства таможенных органов // *Universum: экономика и юриспруденция*. — 2022. — №. 7 (94). — С. 25–28.
4. Клейменова А. Н. Сравнительно-правовой анализ административной ответственности в области таможенного дела в Евразийском экономическом союзе // *Административное и муниципальное право*. — 2023. — №. 4. — С. 80–88.

5. Рудь Н. И. Ключевые сферы совершенствования административного законодательства в России // Образование и право. — 2023. — №. 10. — С. 332–337.
6. Сейтумеров А. Э. Совершенствование административной ответственности за незаконное перемещение товара через таможенную границу // Инновации. — 2021. — Т. 1. — №. 44. — С. 252–262.
7. Шахов Е. Н. Классификация административных правонарушений в сфере таможенного дела в условиях реформы административного законодательства // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2021. — №. 94. — С. 21–24.

Проблемы доказывания по делам об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции таможенных органов

Торобекова Айзирек Торобековна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В условиях углубляющейся интеграции в рамках Евразийского экономического союза вопросы, связанные с процедурой доказывания в производстве по административным правонарушениям таможенных органов, выдвигаются на первый план. В работе исследуются ключевые затруднения, возникающие при формировании, документировании и последующей юридической квалификации доказательственной базы. Особое внимание уделяется вызовам цифровой трансформации, существующим законодательным лакунам и типичным препятствиям правоприменительного характера. Результатом проведенного анализа, с опорой на актуальную судебную практику, становится комплекс рекомендаций, направленных на оптимизацию механизма доказывания.

Ключевые слова: административное правонарушение, доказательства, должностные лица, административное расследование, доказывание, таможенные органы, компетенция, ЕАЭС, цифровая трансформация, правовые пробелы

В организационно-процедурной работе таможенных служб сохраняются определённые проблемы, которые серьёзно подрывают результативность производства по административным делам. Это негативно сказывается и на превентивных, и на пресекательных мерах в отношении подобных нарушений таможенного законодательства. В спектре трудностей, возникающих у инспекторов при выявлении и расследовании проступков в своей зоне ответственности, особое место занимает проблематика, касающаяся доказательственной базы.

Подобное восприятие предмета доказывания, а именно состава административного правонарушения, носит фрагментарный либо поверхностный характер. Изначально административное правонарушение в таможенной сфере квалифицируется строго по конкретному составу, закреплённому в статье КоАП РФ. Однако практика показывает, что этот первоначальный вывод нередко оказывается неокончательным. Обнаружение новых обстоятельств, не укладывающихся в первоначально выбранную правовую конструкцию, зачастую влечет пересмотр дела. В результате правовая оценка действий смещается, и применяется уже иной состав административного проступка. В ходе выявления административного правонарушения должностные лица таможни фиксируют лишь отдельные обстоятельства. Эти факты указывают на событие проступка, определяемое через его объект и объективную сторону. Полноценное же административное правонарушение, для установления которого требуется анализ всех

четырёх элементов состава, в данный момент не рассматривается.

Сотрудники таможенных органов зачастую сталкиваются с проблемой полноценной фиксации и последующего сохранения доказательной базы по административным правонарушениям, включая все сопутствующие обстоятельства. Принцип сохранности доказательств нарушается, поскольку исходные материалы по делу нередко скрываются или целенаправленно уничтожаются самими лицами, привлекаемыми к ответственности. Эти субъекты также могут под давлением заинтересованных сторон кардинально менять свои первоначальные показания. Отдельную сложность создает характер первичной информации о нарушениях: она зачастую исходит из сомнительных источников, вроде действий конкурентов, что лишает ее доказательной силы в судебном процессе.

Документирование доказательств нередко сопряжено с рядом практических затруднений. Так, зачастую отсутствует техническая возможность зафиксировать юридически значимые факты и обстоятельства, а затем приобщить полученные материалы к административному делу. Правовая регламентация усугубляет эти проблемы: законодатель устанавливает крайне сжатые сроки для оформления протокола — как правило, не более двух суток. Дополнительным препятствием служит формализованная структура процессуальных бланков, утвержденных ФТС России в рамках КоАП РФ, чей ограниченный объем не позволяет отразить всю полноту доказательственной базы.

Доказывание в рамках административного производства сталкивается с дополнительными трудностями. Их источник — расплывчатость в выделении и разграничении существующих видов доказательств, то есть в самой их классификации. Эта неопределенность блокирует возможность их последующей детализации и, как следствие, формирования доказательственной множественности. Яркий пример — отсутствие четкого водораздела между доказательствами прямыми и косвенными. Между тем косвенные доказательства приобретают особую значимость при расследовании правонарушений со стороны участников внешнеэкономической деятельности, особенно в ситуациях, предполагающих сговор. В чем же состоит принципиальная разница? Прямое доказательство позволяет сделать однозначный, бинарный вывод о факте: он либо существует, либо нет [1].

Косвенные доказательства, однако, не дают однозначного подтверждения факта, а лишь указывают на его существование с определенной долей вероятности. По этой причине одного такого доказательства недостаточно для окончательного установления искомого обстоятельства — требуется целая система взаимосвязанных косвенных улик. Иногда, даже в кажущихся очевидными ситуациях, они свидетельствуют лишь о факте промежуточном, а не о том, который требуется доказать в конечном счете.

Проверка достоверности доказательств зачастую сопряжена с непреодолимыми трудностями. Их корень — в принципиальной невозможности воссоздать событие, уже свершившееся в прошлом, будь то на практике или даже в мысленном эксперименте. Субъективная составляющая неизбежно проникает в материалы СМИ, в показания свидетелей и, что очевидно, в пояснения самого нарушителя. Наиболее же сложной для процессуального обоснования представляется вина в её конкретной форме, а равно цель или мотив, требуемые составом административного проступка. Доказывание этого элемента упирается в необходимость установить внутреннее, сугубо психологическое отношение лица к совершённому им общественно вредному деянию.

Распространённой проблемой выступают нарушения, касающиеся принципа допустимости доказательств, то есть их законности.

Протокол об административном правонарушении, составленный сотрудником таможни, лишенным соответствующих полномочий, признается незаконным. Отсутствие права на оформление данного документа автоматически исключает и возможность административного задержания лица. Вследствие этого такой протокол не может рассматриваться в качестве допустимого доказательства по делу.

Собранный и зафиксированный в материалах дела доказательственный массив демонстрирует внутреннюю несогласованность. Отдельные элементы вступают в прямое противоречие друг с другом, что формирует у стороннего исследователя впечатление хаотичной, лишенной системности совокупности сведений [3].

Система доказательств обретает куда большую убедительность, когда факты и обстоятельства не просто согласуются, но и взаимно дополняют друг друга. Доказательная база, выстроенная на этом принципе системности, обеспечивает правовым оценкам административного правонарушения максимальную весомость в ходе судебного разбирательства. И напротив, даже единичные, но сомнительные доказательства неизбежно указывают на отсутствие целостной картины по рассматриваемому делу.

Установление фактических обстоятельств в административном производстве по таможенным нарушениям неизбежно сопряжено с рядом существенных практических затруднений. Ключевые из этих проблем требуют отдельного рассмотрения.

Сбор и процессуальное закрепление доказательств по фактам правонарушений. Оперативность и скрупулезность действий инспекторов на этой стадии приобретают решающее значение. Возьмем ситуацию с выявлением нарушения в ходе досмотра: полноценная фиксация всех обстоятельств зачастую осложняется дефицитом времени, ограниченностью технического оснащения или громоздкостью сопровождающих документов.

В рамках конкретного случая таможенного контроля инспекторы обнаружили расхождение между заявленными в декларации сведениями и реальным составом партии товара. Проблема усугубилась утратой ряда материальных доказательств — чертежей и упаковочных листов, что произошло по причине их некорректного складирования. Данное обстоятельство существенно осложнило процедуру установления и юридического обоснования факта подмены товарной номенклатуры [2].

Применение косвенных доказательств. Их задействуют преимущественно в тех обстоятельствах, когда прямые улики либо отсутствуют вовсе, либо их совокупность признается недостаточной. Подобные сценарии особенно характерны для административных дел, где требуется установить факт сговора между субъектами внешнеэкономической деятельности.

Косвенные признаки сговора могут проявляться в следующих обстоятельствах: подача деклараций разными организациями с одного IP-адреса; регистрация нескольких юридических лиц по единому юридическому адресу; оформление таможенных документов одной и той же группой специалистов; совпадение контактных сведений в представленных документах [3].

Совокупное воздействие указанных обстоятельств предоставило таможенным инспекторам достаточные основания для констатации факта сговора, даже при условии, что прямые улики в деле отсутствовали.

Вопросы, связанные с фиксацией доказательств. Процесс оформления юридически значимых обстоятельств предъявляет повышенные требования к профессиональной компетенции сотрудников и неукоснительному следованию установленным правовым предписаниям.

Просчеты, допущенные в ходе данной стадии, способны повлечь за собой утрату юридической силы представленных доказательств.

В судебной практике встречаются случаи, когда протокол об административном правонарушении оформляется сотрудником, превысившим свои служебные полномочия. Подобное нарушение процессуальных норм ведет к признанию данного документа недопустимым доказательством, что, в свою очередь, служит основанием для прекращения производства по делу.

Установление достоверности доказательств. Особую проблему в рамках этой процедуры составляет верификация показаний, полученных от свидетелей, а также пояснений, предоставленных лицами, подозреваемыми в совершении правонарушения. Субъективное восприятие произошедшего зачастую ведет к существенному искажению объективно сложившейся ситуации.

Показания участника внешнеэкономической деятельности, утверждавшего о неосведомленности относительно состава груза, не выдержали проверки. Обнаруженный контракт на поставку товаров с его собственноручной подписью полностью опроверг эти заявления. Данное документальное подтверждение позволило таможенным органам установить и обосновать умышленный характер совершенного правонарушения [4].

Жесткие временные лимиты, предписанные Кодексом об административных правонарушениях, нередко препятствуют полноценному анализу фактических обстоятельств.

В ходе рассмотрения административного дела таможенные служащие не смогли своевременно оформить запрос на истребование дополнительных материалов. Данное упущение привело к дефициту существенных доказательств, что в конечном счете предопределило неблагоприятный для ведомства исход судебного разбирательства [2].

Динамика современных административных расследований настоятельно диктует необходимость интеграции цифровых инструментов в процедуры сбора и последующего анализа доказательств. Переход на цифровые рельсы способствует не только оперативности обработки информации, но и создает условия для повышения уровня достоверности и обеспечения прозрачности в работе уполномоченных лиц.

Примеры. Внедрение автоматизированных систем управления делопроизводством, в частности Единой автоматизированной информационной системы (ЕАИС), позволяет таможенным службам обеспечивать надёжную

фиксацию и сохранность доказательств в защищённом цифровом виде [1]. Применение видеофиксации при проведении административных процедур минимизирует вероятность утраты или фальсификации информации.

Перспективным направлением представляется формирование интегрированной информационной системы, доступной для всех структур, осуществляющих правоохранительную деятельность. Подобная консолидация данных способна кардинально оптимизировать межведомственное сотрудничество.

Отсутствие единых стандартов сбора и оценки доказательств продолжает оставаться центральной проблемой. Существующая правоприменительная практика демонстрирует, в частности, существенные расхождения в подходах к признанию допустимости цифровых доказательств [3].

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что процедура доказывания по административным делам в рамках компетенции таможенных органов представляет собой комплексный и многоаспектный процесс. Рассмотрение указанных проблемных вопросов дает основания для формулирования ряда практических рекомендаций.

1. Необходимо систематически повышать профессиональный уровень сотрудников через организацию специализированных учебных программ, семинаров и курсов, посвященных методологии доказывания и корректному документированию доказательств.

2. Требуется модернизация технической инфраструктуры, предполагающая внедрение передовых инструментов для фиксации доказательственной базы: цифровых систем видеорегистрации, специализированных баз данных и мобильных комплексов для оперативного оформления процессуальных документов.

3. Целесообразно совершенствовать нормативно-правовую основу, в частности, пересмотреть регламентированные КоАП РФ сроки составления протоколов об административных правонарушениях, а также расширить процессуальные полномочия должностных лиц, предоставив им право на сбор дополнительных доказательств.

4. Следует развивать межведомственную координацию, формируя для этого совместные рабочие группы с привлечением представителей ФТС России, МВД и профильных экспертных организаций.

5. Важно активно задействовать международный опыт, углубляя партнерство с таможенными администрациями иностранных государств в целях обмена наиболее эффективными практиками и методиками.

Литература:

1. Козлов Е. А. Межведомственное взаимодействие в таможенном деле. СПб.: Питер, 2021. — 224 с.
2. Мишин К. Д. Производство по делам об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции таможенных органов // Актуальные научные исследования в современном мире. — 2021. — № 6–4. — С. 146–148.
3. Степанов Р. Г. Актуальные вопросы доказывания по делам об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции таможенных органов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 4(65). С. 47–52.
4. Федоров А. В. Практика доказывания в таможенных органах. М.: Юрайт, 2022. — 288 с.

Проблемы квалификации преступлений, связанных с оставлением места дорожно-транспортного происшествия

Червова Екатерина Игоревна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье анализируются проблемы квалификации преступлений, связанных с оставлением места дорожно-транспортного происшествия, с учётом особенностей правоприменительной практики и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. Специфика нормы о транспортных преступлениях (ст. 264 УК РФ) определяется её бланкетной природой, предполагающей обращение к правилам дорожного движения для установления противоправности деяния. Подобная конструкция порождает трудности при отграничении данного состава от состава оставления в опасности (ст. 125 УК РФ), поскольку границы между нарушением специальных правил и общей обязанностью по оказанию помощи остаются размытыми. Устранение противоречий в квалификационной практике требует углубления разъяснительной деятельности высших судебных инстанций, что позволит достичь последовательности и обоснованности при определении меры уголовной репрессии.

Ключевые слова: уголовное право, правоприменительная практика, дорожно-транспортное происшествие, оставление места ДТП, статья 264 УК РФ, статья 125 УК РФ, квалификация преступлений.

Правоприменительная практика является неотъемлемым элементом механизма правового регулирования и занимает самостоятельное место в системе правовых явлений. Реализация норм права представляет собой необходимое условие функционирования правового государства, поскольку именно в процессе правоприменения обеспечивается достижение целей правового регулирования и охрана общественных отношений, признанных социально значимыми. Конституция Российской Федерации, закрепляя принцип правового государства, исходит из того, что нормативное регулирование должно сопровождаться эффективным механизмом его реализации, в том числе посредством судебной деятельности [1].

В уголовном праве значение правоприменительной практики обусловлено спецификой предмета правового регулирования и характером охраняемых общественных отношений. Уголовно-правовые нормы направлены на защиту личности, общества и государства от наиболее опасных посягательств, а потому их применение требует высокой степени определённости, единообразия и ответственности принципам законности и справедливости. В подобных обстоятельствах центральное значение приобретает деятельность высшей судебной инстанции, реализующей толковательную функцию применительно к проблематике правоприменения через механизмы процессуального разъяснения.

Полномочие Верховного Суда Российской Федерации по даче разъяснений по вопросам судебной практики закреплено в Конституции Российской Федерации и конкретизировано в Федеральном конституционном законе «О Верховном Суде Российской Федерации» [3]. Реализация данного полномочия осуществляется, в частности, посредством принятия постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, основанных на анализе и обобщении судебной практики. Эти акты не создают новых правовых норм, однако направлены на раскрытие

содержания действующих норм уголовного закона, устранение пробелов и противоречий в правоприменении, а также формирование единых подходов к квалификации преступлений.

Существенное значение постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации имеют для правоприменения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Преступления данной категории характеризуются высокой степенью общественной опасности, что обусловлено возможностью причинения тяжкого вреда жизни и здоровью человека, а также значительным материальным ущербом, поэтому ответственность за указанные деяния предусмотрена нормами главы 27 Уголовного кодекса Российской Федерации, центральное место среди которых занимает статья 264.

Статья 264 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и характеризуется сложной юридической конструкцией [2]. Она носит бланкетный характер, поскольку для установления признаков состава преступления необходимо обращение к нормативным правовым актам иных отраслей права. К их числу относятся правила дорожного движения, утверждённые Правительством Российской Федерации, а также нормативные акты, регламентирующие порядок определения степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека [5].

Законодательная техника обуславливает зависимость уголовно-правовой оценки от содержания подзаконного регулирования и усиливает значение судебного толкования.

Динамика изменений статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации свидетельствует о неоднократных попытках законодателя адаптировать уголовно-правовое регулирование к изменяющимся условиям дорожного движения и общественным ожиданиям. Модификации

законодательства часто отличались избирательностью, представляя собой ответ на отдельные затруднения судебной практики. Подобная ситуация усиливает значение интерпретаций, предоставляемых высшей судебной инстанцией, которые способствуют целостному и непротиворечивому толкованию норм уголовного права [6].

Ключевое значение для правоприменения по делам о транспортных преступлениях имеет постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвящённое судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств [4]. В нём разъясняются вопросы квалификации деяний, разграничения смежных составов преступлений, а также условия уголовной ответственности водителя в зависимости от характера последствий и поведения после дорожно-транспортного происшествия [8].

Дискуссионным элементом правоприменительной практики является квалифицирующий признак, связанный с оставлением места дорожно-транспортного происшествия, включённый в отдельные части статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации. Его введение было обусловлено необходимостью устранения правового пробела, при котором лицо, скрывшееся с места происшествия, могло избежать более строгой уголовной ответственности, в том числе в случаях, когда установление состояния опьянения становилось невозможным [7].

В то же время включение оставления места дорожно-транспортного происшествия в число квалифицирующих признаков породило ряд проблем правоприменения. Судебная практика демонстрирует неоднородность подходов к толкованию его содержания [9]. В одних случаях данный признак рассматривается исключительно как неисполнение обязанности водителя остаться на месте происшествия, предусмотренной правилами дорожного движения. В других случаях он трактуется расширительно и включает неисполнение обязанности по оказанию помощи потерпевшему, что фактически сближает его с составом оставления в опасности, предусмотренным статьёй 125 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Между тем оставление места дорожно-транспортного происшествия и оставление в опасности не являются тождественными деяниями. Для квалификации по статье

125 Уголовного кодекса Российской Федерации требуется установление заведомости, выражающейся в осознании виновным опасного для жизни или здоровья состояния потерпевшего, лишённого возможности самостоятельно обратиться за медицинской помощью, а также отсутствию иных лиц, способных такую помощь оказать.

Уход с места происшествия сам по себе не детерминирует квалификацию деяния как оставления в опасности, поскольку необходим анализ фактических обстоятельств конкретной ситуации.

Квалификация деяния в совокупности ст. 264 и 125 УК РФ предполагает доказанность всех признаков обоих составов — как объективной стороны, так и вины. Следствие и суд обязаны установить конкретные обстоятельства происшествия: характеристики места, в котором оказался потерпевший, тяжесть его состояния, присутствие третьих лиц, способных прийти на помощь, равно как и линию поведения лица, покинувшего место ДТП.

Современное развитие транспортной сферы, увеличение интенсивности дорожного движения и изменение его структуры обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования уголовно-правового регулирования и судебных разъяснений [10]. Эффективность уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с безопасностью дорожного движения и эксплуатацией транспортных средств, непосредственно зависит от детального исследования судебной практики и разъяснений высшей судебной инстанции, требующего системного подхода к анализу правоприменительных решений и постановлений Пленума ВС РФ.

Приходим к логичному выводу, что правоприменение статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации во многом зависит от разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, что обусловлено её бланкетным характером. Судебная практика выявляет неоднозначность толкования квалифицирующего признака, Федерации, а оставлением места дорожно-транспортного происшествия, а также сложности разграничения ответственности по статьям 264 и 125 Уголовного кодекса Российской Федерации, а устранение выявленных проблем требует дальнейшего совершенствования судебных разъяснений в целях обеспечения единообразия и справедливости уголовно-правовой оценки.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. — 2020. — 4 июля.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. О Верховном Суде Российской Федерации: федер. конст. закон [от 5 февр. 2014 г. № 3-ФКЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 6. — Ст. 550.
4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации [от 9 дек. 2008 г. № 25 (с посл. изм. и доп.)] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. — 2009. — № 2.

5. О правилах дорожного движения: постановление Совета Министров — Правительства Рос. Федерации [от 23 окт. 1993 г. № 1090 (с посл. изм. и доп.)] // Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. — 1993. — № 47. — Ст. 4531.
6. Рубан А. Д., Грибунов А. О. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник формирования правоприменительной практики // Искусство правоведения. The Art of Law. — 2023. — № 2 (6). — С. 1–6
7. Бован Е. Д. Актуальные проблемы квалификации состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, если оно сопряжено с оставлением места его совершения // Отечественная юриспруденция. — 2022. — № 1 (49). — С. 1–6.
8. Кусакин В. В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации на примере ст. 264 УК РФ: значение, проблемы, перспективы // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. — 2024. — № 3. — С. 57–62.
9. Суворов Ю. Б. К вопросу об ответственности водителей за оставление места совершения дорожно-транспортного происшествия (ДТП) // Наука и образование: будущее и цели устойчивого развития: материалы XVI междунар. науч. конф. — М., 2020. — С. 294–302.
10. Кузминова Е. Ю. Правовые особенности привлечения к ответственности за оставление места дорожно-транспортного преступления // Государственная служба и кадры. — 2021. — № 4. — С. 1–4.

Конституционные ценности как правовой инструмент защиты национального суверенитета

Шмалий Юрий Александрович, студент

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

Конституционные ценности в Российской Федерации — это социально-культурные и нравственные ценности, в равной мере значимые для общества, государства и человека, формализованные в Конституции Российской Федерации, конституциях (уставах) субъектов Российской Федерации, и (или) исходящие из конституционно-оценочной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, определяющей основные приоритеты деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления на основе баланса частных и публичных интересов [4].

Конституционные ценности, закреплённые в ходе внесения изменений в Конституцию РФ в 2020 году, дополнили и углубили уже существующие принципы, добавив новые акценты в области суверенитета, социальной защиты и исторической памяти.

В своей научной статье, посвященной иерархии системы конституционных ценностей, профессор и главный научный сотрудник ИГП РАН Виноградова Е. В. пишет: «Правовые ценности формируют ориентиры для общества, интегрируют его, определяя перспективы развития. Эти ориентиры закладываются в тексты Основных законов страны, создавая надсистему конституционных ценностей. Конституционные ценности являются основополагающими факторами в определении вектора развития отечественного государства и права» [3].

Рассматриваемые конституционные ценности закрепили приоритет Конституции над международным

правом и усилили контроль над ключевыми государственными институтами для защиты национального суверенитета.

До 2020 года Конституция устанавливала, что международное право является составной частью правовой системы РФ. Если международный договор устанавливал правила, отличные от российских законов, применялись нормы договора. Однако, изменения Конституции РФ, внесенные в 2020 году, закрепили приоритет Конституции над международным правом на территории страны. Международные договоры действуют только в части, не противоречащей Конституции и не ограничивающей права граждан (статья 79 Конституции РФ). Это создаёт правовой механизм защиты от внешнего давления через международные институты [1].

Шевченко Г. прокомментировал конституционные поправки о приоритете российской Конституции над положениями международного права: «Эта норма, без преувеличения, имеет стратегическое значение. В современных внешнеполитических условиях, неблагоприятных для нашего государства, эта мера направлена на укрепление российского суверенитета и на защиту ее национальных интересов» [6]. Высказанная позиция отражает взгляд на конституционные изменения как на инструмент укрепления государственного суверенитета. После внесенных поправок в Конституцию, было введено положение о защите исторической правды и запрете умаления подвига народа при защите Отечества (ст. 67.1), ранее напрямую

об этом не упоминалось. Это отражает стремление к сохранению национальной идентичности и противодействию искажению истории.

Эти нормы дают понять, что прошлое становится не только предметом научного изучения, но и элементом государственной идентичности. Обеспечивается преемственность между разными периодами российской государственности.

Положение о правопреемстве СССР и сохранении государственного единства подчёркивают непрерывность исторического развития. Преемственность и историческая память является очень важной конституционной ценностью для нашей страны. В частности, В. В. Путин, подчеркнул, что «сохранение исторической памяти — это не только проявление уважения к прошлому, но и гарантия единства народа и суверенитета государства в будущем» [5].

Важно отметить поддержку традиционных ценностей, за счет закрепления брака как союза мужчины и женщины (статья 72 пункт «ж.1»), а также упоминание веры в Бога, переданной предками (статья 67.1). Ранее не было прямого конституционного определения брака. Это подчёркивает важность традиционных духовно-нравственных ценностей.

До внесения изменений в конституцию, статья 7 лишь гарантировала МРОТ, пенсии, пособия и иные меры социальной защиты, однако теперь, уже присутствуют юридические гарантии МРОТ не ниже прожиточного минимума и регулярная индексация пенсий, направленные на обеспечение достойного уровня жизни граждан (части 5–6 статьи 75). все говорит об усилении социальной за-

щиты граждан, и расчёта на укрепление их доверия к государству.

Так же, закрепление основ федеральной политики в области научно-технологического развития (пункт «е» статья 71), является не менее важным аспектом, так как до этого регулирование науки и технологий не было выделено как отдельное направление, и не акцентировало внимание на инновациях как факторе устойчивого роста.

Таким образом, конституционные изменения 2020 года не только дополнили существующие ценности, но и внесли новые элементы, отражающие текущие политические, социальные и идеологические приоритеты. Они не отменили базовые принципы 1993 года, а дополнили их, акцентировав внимание на вызовы нынешнего времени.

Можно согласиться с мнением изложенным в монографии Кожевникова О. А.: современные тенденции совершенствования российского законодательства, а также такие тенденции трансформации государственного и муниципального управления, особенности международного взаимодействия Российской Федерации с иностранными государствами и международно-правовыми субъектами отражают усиление таких конституционных ценностей как суверенность, защита культурной самобытности, сохранение этнокультурного и языкового многообразия, обеспечение приоритета публичных интересов и т. д. [2].

Конституция, с принятыми изменениями в ходе общероссийского голосования 2020 г., обозначила границы внешнего влияния, одновременно усилив внутренние социальные гарантии, а также превратила исторические и нравственные ценности в юридически значимые ориентиры для государства и общества.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013?index=1> (дата обращения 17.11.2025)
2. Кожевников, О.А., Ларичев, А.А., Пешин Н. Л. и др.// Местное самоуправление в единой системе публичной власти. Вектор и последствия конституционной реформы в Российской Федерации: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 343 с.
3. Виноградова, Е. В. К вопросу об иерархии системы конституционных ценностей // Образование и право. 2022. № 2. С. 149–153.
4. Гаджиев, Г. А. Конституционные принципы, социальные ценности взаимодействия правовых культур // Диалог культур и партнерство цивилизаций: сборник. IX международные Лихачевские научные чтения 14–15.05.2009. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2009. С. 50–52.
5. Путин, В. В. Россия вовремя поставила заслон попыткам повлиять на ее суверенитет // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2022/11/15/istoriia-bez-iskazhenij.html?ysclid=mi7ulak29281824162> (дата обращения: 18.11.2025).
6. Приоритет Конституции РФ над международным правом// Сетевое издание «МК — Кавказ». URL: <https://kavkaz.mk.ru/social/2020/06/10/prioritet-konstitucii-rf-nad-mezhdunarodnym-pravom-imeet-strategicheskoe-znachenie.html> (дата обращения: 18.11.2025).

К вопросу о допустимости ограничения конституционных прав личности

Юсупов Селим Ленур оглы, студент

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В настоящей статье на основе анализа действующих нормативных правовых актов России, позиций Конституционного Суда России, современных доктринальных источников исследуется вопрос о допустимости ограничения конституционных прав личности. Рассматриваются критерии соразмерности и целесообразности ограничения конституционных прав и свобод. Автором предлагается собственное определение понятия ограничения прав, а также предложены критерии его допустимости.

Ключевые слова: конституционные права, свободы личности, ограничение прав, конституционно-правовой статус, принципы права.

On the admissibility of restricting constitutional rights of an individual

Based on the analysis of the current regulatory legal acts of Russia, the positions of the Constitutional Court of Russia, and modern doctrinal sources, this article examines the question of the permissibility of restricting the constitutional rights of an individual. The criteria of proportionality and expediency of restriction of constitutional rights and freedoms are considered. The author offers his own definition of the concept of limitation of rights, as well as the criteria for its admissibility.

Keywords: constitutional rights, freedoms of an individual, restriction of rights, constitutional and legal status, principles of law.

Актуальность изучения вопросов ограничения конституционных прав и свобод личности трудно переоценить. Она заключается в том, что права, свободы и корреспондирующие правам обязанности человека являются ключевым элементом всей системы права в целом. Права человека обуславливают проводимую властями социальную политику, являются вектором развития отраслей права, высшей ценностью государства, как это провозглашено в Основном законе страны.

В Конституции РФ закреплены основополагающие права человека, необходимые ему для обеспечения должного уровня жизни, соответственно, при их законном ограничении важно не переступить тонкую грань, допустив их нарушение. Особую актуальность рассмотрение данного вопроса приобретает в условиях развития государства, провозглашающего себя правовым.

В действующем российском законодательстве отсутствует дефиниция «ограничения прав и свобод человека», в правовой доктрине единого мнения на этот счет также нет.

А. Ф. Квитко считает, что под термином «ограничение права (свободы)» следует понимать «установленные законодательством пределы (границы) реализации (осуществления) человеком (гражданином) прав (свобод), выражающиеся в запретах, вторжениях, обязанностях, ответственности, существование которых детерминировано (предопределено) необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей, и назначением которых является обеспечение необходимого баланса между интересами личности, общества и государства» [4].

А. В. Белый указывает, что ограничением прав является «обусловленное различными факторами, главным образом политико-правового свойства, преследующее

определенные цели, осуществляемое как правовыми, так и неправовыми средствами и способами, количественное и (или) качественное умаление субъектами власти прав и свобод человека, причем под умалением понимается либо исключение, либо сужение объема и содержания прав человека» [1, с. 33].

И. З. Гаджиев под конституционными ограничениями предлагает понимать «совокупность определенных в Конституции РФ границ, в пределах которых субъекты могут использовать собственные права и свободы» [3, с. 133].

По мнению А. А. Смирных, «из сложившихся в теории конституционного права концепций по пониманию природы ограничений прав человека, наиболее верным представляется понимание их как сужения прав и свобод человека и гражданина, которое может проявляться и в виде изъятия прав и полномочий, не влекущее их отмену, но проявляющееся в недопустимости их реализации соответственно целому ряду критериев (времени, месту, правовому статусу лиц и так далее)» [7, с. 116].

Из положений статьи 55 Конституции России следует, что принятие правовых актов, ущемляющих либо уменьшающих объем прав граждан недопустимо, за исключением их ограничения в случаях угрозы конституционному строю, общественной и государственной безопасности, здоровью населения и нравственности и только в порядке, установленном федеральным законом [10].

Безусловно, ограничение некоторых конституционных прав в определенных ситуациях допустимо, ведь каждое лицо существует в государстве не автономно, а во взаимодействии с другими субъектами и обществом в целом; в этой связи права каждого человека неизбежно корреспондируют обязанностям и запретам, возлагаемым на других членов общества.

Так, в статье 56 Конституции РФ указывается конкретный случай, когда права могут быть ограничены, — установление чрезвычайного положения на территории государства. В то же время, вводимые в режиме чрезвычайного положения ограничения применимы только к определённым правам, должны иметь свой срок и пределы действия.

Из других статей Конституции России можно установить следующие случаи установления ограничений прав человека: создание общественных объединений, нацеленных против конституционного строя страны и её безопасности, либо имеющих своей целью разжигание розни на социальной и расовой почве; ограничения монополизации, недобросовестной конкуренции, ограничение прав собственности в отношении отдельных видов земельных участков и т. д.

Как справедливо отмечено Г. А. Степанян, «даже если нормы Конституции, нормативного правового акта или международного договора не содержит прямой ссылки на такие присущие праву ограничения, они все же имманентно присутствуют, поскольку осуществление прав одним лицом не может происходить за счет прав другого лица» [8, с. 73].

Аналогичного мнения придерживается А. С. Шабуров, отмечая, что «Свобода человека не может существовать без ограничений, она осознает свои границы. Право, ограничивая свободу, устанавливает рамки, в пределах которых субъект действует свободно. Таким образом, право обеспечивает свободу других людей. Посредством ограничений обеспечиваются соответствующие функции права, правового регулирования» [9, с. 370].

В то же время возникает вопрос о соотношении возможности ограничения прав личности с конституционными принципами гарантированности прав и свобод и приоритета прав личности в отношениях с государством. Также важно учитывать, как при законодательном закреплении возможности ограничения свобод граждан, так и в правоприменительной деятельности факторы целесообразности, обоснованности, ограничения прав, пределах и сроках их ограничения, соотносимости и соответствии угроз безопасности общества объёму ограничиваемых прав каждого его члена.

В данном контексте О. В. Куценко справедливо указывает, что «при отсутствии чёткого определения в законодательстве критериев и способов ограничения прав и свобод граждан есть риск необоснованности или превышения полномочий должностных лиц при введении таких ограничений в отношении граждан со стороны государства» [5, с. 150].

Рассматривая вопрос о пределах ограничения права, которые необходимы для предотвращения его отмены или умаления, авторы предлагают выделять в каждом субъективном конституционном праве ядро, в качестве которого выступает его основная часть, сущность, которая не должна быть затронута при ограничении прав и свобод, а «в случае вторжения в ядро конституционного

права ограничение становится отменой или умалением права» [2, с. 30].

Как справедливо отмечено С. Э. Либановой, «для обеспечения конституционного ограничения прав и свобод должны быть стабильные и устойчивые конституционные основы — принципы Конституции Российской Федерации, позволяющие соблюсти баланс интересов, воплощающие концепцию пределов прав и свобод как индивида, так и общества, не порождающие антагонистических противоречий» [6, с. 31].

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что «ограничения прав и свобод допустимы, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату, не будучи чрезмерными, строго обусловлены публичными интересами, перечисленными в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Используемые при этом правовые средства должны исключать несоразмерное для конкретной ситуации ограничение прав и свобод, а цели одной лишь рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для такого ограничения. Вводимые федеральным законом ограничения прав... должны отвечать требованиям справедливости, быть обоснованными, носить общий и абстрактный характер, не иметь обратной силы и не затрагивать само существо конституционных прав» [11].

Вышеуказанной статьей 56 Основного закона установлен исчерпывающий перечень прав, не подлежащих ограничению, так называемых «абсолютных прав», к которым относятся: право на жизнь, запрет на бесчеловечное, жестокое, унижающее отношение к лицу, запрет на проведение в отношении людей медицинских опытов, неприкосновенность частной, семейной жизни, запрет на разглашение информации о частной жизни лица, свобода совести и вероисповедания, свобода предпринимательства, право на неприкосновенность жилища, право на судебную защиту, юридическую помощь, принцип «презумпции невиновности», право не свидетельствовать против себя и своих близких, на защиту от злоупотребления властью, на возмещение вреда причинённого незаконными действиями органов государственной власти, запрет на придание обратной силы закону, ухудшающего положение лица.

В то же время, в федеральном законодательстве установлены некоторые несоответствия данному перечню. Так, например, в случае установления режима контртеррористической операции, допускается проникновение в жилище, контроль телефонных переговоров, в определённой степени нарушающие «абсолютные» права на жилище, на неприкосновенность частной жизни. Считаем, что в этой части конституционные положения нуждаются в дополнении нормативным предписанием относительно возможности ограничения данных прав в случае выявления признаков террористической угрозы.

Таким образом, ограничение конституционных прав и свобод — это установленные в правовой форме феде-

рального закона границы использования человеком его прав и свобод соразмерные целям защиты конституционного строя страны, здоровья и нравственности, прав других членов общества, обеспечения защиты и безопасности государства.

С целью недопущения необоснованного или чрезмерного ограничения прав населения, такое ограничение

должно соответствовать принципам законности, справедливости, соразмерности потенциальным угрозам. Также лицам, чьи права, по их мнению, были ограничены необоснованно либо с нарушением сроков и пределов, которые установлены соответствующим законом, должно быть предоставлено право на обжалование незаконных действий уполномоченных лиц.

Литература:

1. Белый, А. В. Понятие и значение ограничения прав и свобод человека и гражданина // Вестник ЧелГУ. 2009. № 7. — С. 30–33.
2. Болдырев, Н. А. Пределы ограничения права собственности и иных конституционных прав // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). — С. 28–30.
3. Гаджиев, И. З. Правомерные ограничения прав и свобод человека и гражданина в РФ // Вестник науки. 2023. № 1 (58). — С. 133–138.
4. Квитко, А. Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2007. — С. 13.
5. Куценко, О. В. Пределы конституционного ограничения прав и свобод человека и гражданина: понятие и законодательное закрепление // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4. — С. 148–152.
6. Либанова, С. Э. Методологический ключ определения критериев предела ограничения конституционных прав // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). — С. 26–34.
7. Смирных, А. А. Ограничение прав и свобод как категория науки конституционного права // Вестник СГЮА. 2023. № 1 (150). — С. 110–117.
8. Степанян, Г. А. Ограничение конституционных прав в Российской Федерации в условиях пандемии // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1 (205). — С. 72–74.
9. Шабуров, А.С. «Ограничение права», «ограничения в праве, «правовые ограничения»: соотношение понятий // Юридическая техника. 2018. № 12. — С. 365–370.
10. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 15.10.2025).
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2019 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 13 Федерального закона «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации — городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.К. Качковского и А.Г. Федосова» // Российская газета. 2019. № 42.

Проблемы администрирования и контроля неналоговых доходов в бюджетах субъектов Российской Федерации

Якимова Ираида Сергеевна, студент магистратуры
Чебоксарский институт (филиал) Московского политехнического университета

В данной статье рассмотрены проблемы администрирования и контроля неналоговых доходов в бюджетах субъектов Российской Федерации. В статье раскрыто понятие администрирования доходов бюджета, а также его аспекты.

Ключевые слова: неналоговые доходы, администрирование неналоговых доходов бюджетов, правовое регулирование, Бюджетный кодекс РФ.

Развитие экономического уклада каждого современного государства существенно зависит от государственного регулирования, которое осуществляется через применение текущей экономической политики.

Финансовая система страны, ядром которой служит бюджетная система, играет важную роль в экономическом и социальном управлении. Бюджетные доходы складываются из всех поступлений в казначейство, кроме средств,

направленных на покрытие бюджетного дефицита. Ответственность за управление этими доходами возлагается на специализированные бюджетные органы и институты, обладающие соответствующими полномочиями.

К числу обязанностей администраторов государственных доходов относятся: мониторинг за точностью расчета доходов; гарантия их полной и своевременной оплаты; проведение расчета, регистрация и инкассация платежей; принятие мер по возврату или зачету излишне уплаченных или ошибочно взысканных платежей, а также начисленных на них пеней и штрафов, входящих в состав бюджетных доходов страны.

К категориям администраторов бюджетных доходов в Российской Федерации причисляются следующие структуры: федеральные и региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления, административные органы на местах, управляющие субъекты государственными внебюджетными фондами, Центральный банк России, а также казенные предприятия.

В практике администрирования неналоговых доходов бюджетов в Российской Федерации сохраняется ряд системных проблем. Ключевая из них — нечёткое разграничение полномочий и ответственности между различными администраторами. Зачастую одни и те же источники доходов одновременно закреплены за несколькими управленческими структурами, что ведёт к дублированию функций, размыванию компетенций и, как следствие, снижению эффективности управления финансовыми ресурсами. Эта ситуация усугубляется сложностями в координации между федеральными, региональными и муниципальными органами, что порождает неопределённость в полномочиях на местах и затрудняет процесс планирования и прогнозирования поступлений.

Существенным препятствием является отсутствие единого кодифицированного акта, устанавливающего общие процедуры управления неналоговыми платежами. Разрозненное регулирование снижает эффективность их сбора и распределения. Кроме того, действующий механизм требует сложного межведомственного взаимодействия, которое нередко нарушается из-за неполного или несвоевременного предоставления отчётности нижестоящими администраторами в финансовые органы.

Ограниченный объём полномочий, делегированных администраторам, снижает оперативность управления, повышает риски административных ошибок и создаёт предпосылки для злоупотреблений. Проблемы на практике усугубляются несвоевременным зачислением средств в бюджет из-за ошибок в платёжных документах. Это не только срывает исполнение расходных обязательств и ставит под угрозу реализацию государственных программ, но и подрывает доверие плательщиков к системе бюджетного учёта. Преодоление этих вызовов требует устранения правовых пробелов, чёткого распределения функций и усиления контрольных механизмов, включая повышение прозрачности всей системы.

Адаптация биллинговой системы для промышленного использования может ускорить процессы оплаты, что важно, учитывая значительную долю гражданских платежей в доходах бюджета. Такая система обеспечивает контроль за соблюдением платёжной дисциплины. Интеграция с банковскими учреждениями позволяет автоматизировать обработку и представление сведений о платежах, что способствует своевременному и точному их исполнению.

Такая модель предоставляет множество выгод для всех заинтересованных сторон:

- налогоплательщики своевременно получают информацию о налоговых задолженностях или их отсутствии;
- банковский персонал может эффективно уменьшить временные затраты, связанные с вводом обширных платёжных данных;
- администраторы финансов мгновенно обладают свежей информацией о зачисленных финансах;
- казначейство эффективно и своевременно распределяет финансовые ресурсы.

В настоящее время особенно важным стал анализ законодательных рамок, регулирующих неналоговые платежи, и исследование их эффекта на разнообразные сферы экономической активности в рамках государственного управления.

Регулирование правил обращения с неналоговыми доходами обеспечит оптимизацию условий для осуществления бизнес-активности и объективную оценку текущей экономической нагрузки на предприятия и организации, занимающиеся конкретными видами бизнеса.

Для усиления результативности управления поступлениями неналоговых платежей, учитывая выявленные сложности, следует применить следующие решения:

1. законодательно урегулировать разграничение полномочий между администраторами по управлению разными категориями неналоговых платежей;
2. усовершенствовать текущую систему управления поступлениями неналогового характера, включая применение биллинговой системы;
3. разработать интегрированную базу данных для управления неналоговыми платежами, предоставляя доступ к ней различным уровням администраторов в зависимости от их компетенций;
4. эффективно распределять налоговую нагрузку на предприятия, основываясь на данных экспертно-аналитических оценок в свете обновлений в классификациях и дифференциации не налоговых платежей (анализы могут быть организованы системно и регулярно запускаться на высшем уровне), что способствует стимулированию деловой активности и повышению доходов бюджета;
5. гарантировать качественное образование и непрерывное повышение квалификации администраторов доходов, улучшая тем самым их компетентность в управлении неналоговыми платежами и прочими аспектами.

Внедрение предложенных рекомендаций станет основой для гарантирования прозрачности и объективности, повысит эффективность в плане сбора и последующего распределения неналоговых доходов, которые играют ключевую роль в процессе формирования доходных разделов бюджетов на всех уровнях административной иерархии.

Одним из ключевых направлений для получения доходов региональными органами власти является управление государственным имуществом. Эффективное управление требует должного внедрения принципов и инструментов качественного менеджмента в структурах исполнительной власти, которые задействованы в управлении активами государственной собственности. В контексте бюджетной системы данные структуры выполняют ключевую роль главных администраторов доходов государственного бюджета.

Термин «администрирование доходов бюджета» в российском бюджетном праве не имеет явного определения. Однако, его можно интерпретировать, рассматривая полномочия администратора доходов, указанные в ст. 6 БК РФ. Согласно этому документу, администратором доходов могут быть органы государственной власти, местного самоуправления, органы управления внебюджетными фондами, Центральный банк, а также казенные учреждения. Их ответственность включает контроль за корректностью расчета, а также за полной и своевременной уплатой налогов, начисление, регистрацию, сбор и решения по возврату или зачету переплаченных или ошибочно взысканных сумм, пеней и штрафов, которые формируют доходную часть бюджетов всех уровней РФ.

Проблемы управления доходами от имущества региона включают следующие аспекты: законодательные нестыковки; устаревшее информационное и техническое обеспечение; недочеты в координации действий внутри органов власти.

В рамках рассматриваемой группы факторов следует подчеркнуть, что руководители административных подразделений не имеют полномочий на получение доходов от ведения государственного имущества, ведь в положениях о полномочиях отсутствует указание на юридическое основание для возникновения обязанности перечисления средств в государственный бюджет. В то время как налоговые обязательства проистекают из НК РФ, утвержденного и внесенного в реестр источников доходов, обязательства по доходам от использования имущества возникают на основании заключенного договора, который не включен в процессы административного управления.

Согласно принципу, утверждающему законность действий, не ограниченных законодательством, заключение договоров не ограничивается лишь администраторами доходов. Другие организации, получающие финансовые поступления на свои счета, также могут участвовать в соглашениях. Однако с правовой стороны формальное соглашение с администратором дохода в таких случаях не предусматривается.

Все функции контроля за процессом возврата денежных средств возлагаются на территориальное управление Федерального казначейства по региону. Хотя главный администратор вправе определять процедуру возврата, включая требования к представляемым документам, закон прямого указания о такой обязанности не содержит, в отличие от необходимости регламентации методов прогнозирования государственных доходов.

Существует значительная проблема в сфере управления, особенно при обработке неправильно или избыточно перечисленных сумм по арендным договорам, обусловленная противоречиями между гражданским и бюджетным правом. Дело в том, что заключение и исполнение условий договора аренды подпадает под регуляцию ГК РФ, который не содержит запрета на совершение платежей третьими лицами, не участвующими в договоре.

Тем не менее, законодательство, регулирующее бюджетные отношения, не предусматривает нормы, позволяющие осуществлять неналоговые платежи в бюджет через третье лицо, в отличие от НК РФ, где такие возможности указаны для налоговых отчислений. Следовательно, возвраты таких платежей, которые были приняты администратором бюджета, могут быть осуществлены только по решению суда. При этом, на сумму задержки возврата могут начисляться проценты в качестве компенсации за пользование чужими денежными средствами.

В процессе исполнения бюджета на стадии учета доходов фигурирует включение в доходы процентов за использование средств третьих лиц. Такие проценты часто начисляются в результате судебных разбирательств, когда вопрос касается оспаривания переплаченных сумм по контрактным обязательствам. Эти суммы являются дополнительными к основным поступлениям. Однако в процессе распределения и управления поступлениями существует строгое правило: любой возврат средств в бюджет должен осуществляться только из средств, которые были получены ранее.

Сейчас реализация указанных мер в контексте исполнения доходной части бюджета невозможна. Обязательства по начисленным процентам за использование финансовых средств учитываются в рамках выполнения расходной части бюджета.

Предложения по реализации модели внутреннего финансового контроля главного администратора доходов, предусматривающей комплексное применение контрольных мероприятий на всех этапах работы — от создания первичных документов до подготовки бюджетной отчетности, направлены на устранение выявленных дефектов и диссонансов. Эта система обеспечивает непрерывную проверку, а также делегирование обязанностей по контролю за соблюдением финансовой дисциплины в рамках утвержденного законодательства всем участникам процесса.

Внедрение этих мероприятий улучшит уровень управления финансами органов публичной власти через опти-

мизацию использования государственного имущества, что в результате способствует достижению финансовой стабильности и сбалансированности региональных бюджетов Российской Федерации.

Литература:

1. Магницкий, Н. Д. Неналоговые доходы бюджетов публично-правовых образований: сущностные характеристики и методологический подход к их управлению / Н. Д. Магницкий // Финансовые рынки и банки. — 2023. — № 5. — С. 121.
2. Колесникова, О. В. Надзор за исполнением законов при администрировании неналоговых доходов региональных и местных бюджетов / О. В. Колесникова // Законность. — № 1 [1023]. — С. 35.
3. Афанасьев, М. П. Бюджет и бюджетная система. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — С. 402.
4. Левина, В. В. Неналоговые доходы городских бюджетов // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. — 2025. — № 1. — С. 4.

ТЕОЛОГИЯ

Проблема исследования жанра мунаджат: историографический аспект

Сайфуллина Камиля Рамилевна, студент

Научный руководитель: Муфтахутдинова Диляра Шамилевна, кандидат исторических наук, доцент
Российский исламский институт (г. Казань)

Положительная роль религии в сохранении народа в целом очевидна как для простого человека, так и для исследователей. Изучая историю жанра, его положение в работах исследователей и анализируя содержание текстов мунаджатов, мы стараемся раскрыть значение мунаджатов не только в процессе восстановления идентичности народа, но и укрепления здорового Ислама, привития уважения к наследию, в частности богословскому. Мунаджаты могут играть благотворную роль в морально-нравственном воспитании и религиозном просвещении общества, так как татарский народ остается уязвимым для проникновения реформаторских мыслей, которые могут вести к отказу от опыта предыдущих поколений и отрицанию правильности их соблюдения религии.

Ключевые слова: Ислам, мунаджат, татары

Введение

Фольклор — явление, которое может открываться с новых сторон в зависимости от времени, условий и целей обращения к нему. Благодаря исследователям, которые посвятили свою жизнь фиксации, сохранению и изучению образцов народного творчества, в эпоху глобализации и, в следствие этого, потери и незнания многих этнических особенностей даже своего народа, мы имеем возможность обращаться к корням, узнавать, знакомиться с культурой разнообразных этнических групп.

Историю татарского народа невозможно представить в отрыве от Ислама. Многие исследователи выделяют значение духовных ценностей, принципов не только в процессе формирования «облика» народа, но и в ходе исторических событий, сохранении этноса в целом¹.

Символы, отражающие религиозное мировоззрение татар, можно найти во многих жанрах фольклора². Однако, в статье рассматривается только жанр мунаджата, так как под этим термином на данный момент собран наиболее широкий пласт произведений с религиозной тематикой. Исторически сложилось, что к первоначальному «молитва на родном языке»³ «в XX веке в музы-

кальный (как и текстовый) репертуар мунаджатов попадают формы и жанры изначально других функций и содержания, например, зикры (в том числе эльvida), салаваты (по экспедиционным наблюдениям, исполнители начинают называть мунаджатами любые тексты с религиозной тематикой)» и, наоборот, «содержание мунаджатов насыщается светской тематикой (этот аспект получил наиболее полное освещение в литературе), сохранении религиозных элементов как чисто формальных, изменении функций мунаджата, что в целом делает его одной из форм песенного фольклора» [7, с. 29–30]. И мы будем придерживаться данного толкования термина, чтобы охватить все интересующие нас аспекты.

Историография проблемы. Отдельные образцы данного жанра начали фиксироваться и публиковаться задолго до Октябрьской революции, однако в советскую эпоху жанр не изучался [1, с. 327]. Стоит с благодарностью отметить, что с появлением политического облегчения в 60-е годы XX столетия татары обратились жанру мунаджата, ведь даже за 5–10 лет могло быть утеряно немало образцов. Мунаджаты стали собирать в фольклорных экспедициях, включать в фольклорные и литературные сборники, изучать историю возникновения жанра, его осо-

¹ О происходивших в разные эпохи преследованиях и гнете татарского народа на национальной и религиозной почве мы можем узнать благодаря байтам — произведениям обычно стихотворной формы, сочиненные по поводу трагических или героических событий и исполняемые изустно или нараспев [1, с. 281].

² Например, в байтах, свадебных песнях и т.д.

³ Обращение к Аллаху с мольбой о прощении грехов и помощи, рассказывая только Ему о своих печалих и горестях. Дословно «мунаджат» (مناجاة) в арабском языке означает «тайная беседа», среди однокоренных слов мы находим значения «спасаться», «спасать, избавлять», «тайна», «доверять, рассказывать (тайну)» и т.п.

бенности и даже обрабатывать и использовать напевы в академической музыкальной культуре.

В попытках найти истоки возникновения жанра одни исследователи определяют почвой для зарождения жанра доисламские языческие плачи (сыктау), другие — суфийскую литературу [1, с. 331]. Это обстоятельство влияло на методы изучения, так же как и то, что «в начале XX в. мунаджаты были определены как «произведения с религиозным содержанием на арабском языке» (С. Г. Рыбаков), «молитва в стихотворной форме» (С. Джантюрин); в 1960–1970-е гг. они рассматриваются в рамках песен фольклорного происхождения (И. Надилов, А. Яхин); на рубеже XX — XXI вв. исследователи подчеркивают их религиозно-философскую направленность (А. Х. Садекова, А. Т. Сибгатуллина, М. Х. Бакиров)» [8, с. 88].

Безусловно, монография о татарском фольклоре М. Бакирова (2012) выделяется благодаря своей фундаментальности: в ней аккумулирован и представлен весь существовавший к тому времени опыт в изучении данного жанра (в классификации, методологии). Тем не менее естественно, что каждый исследователь рассматривает вопрос с интересующей его стороны, и Бакиров в своей монографии практически не затрагивает, например, музыкальную сторону исполнения, но старается как можно лучше раскрыть содержательную сторону мунаджатов, их функциональное значение.

Подтверждением упомянутого ранее явления расширения значения термина «мунаджат» является сборник «Музыка религиозных праздников» («Дини бәйрәмнәр музыкасы»), составленный А. Софийской. В него под термином «песнопения» («разные формы мелодизированного исполнения религиозных текстов» [6, с. 3]) наряду с мунаджатами, книжными напевами вошли примеры и чтения аятов Корана, и призыва на молитву (азан), — иными словами, все то, что читается нараспев и может быть зафиксировано нотными знаками. Рассматриваемый сборник отличается основательным подходом к представлению передачи собранных образцов: ноты, текст в соответствующей происхождению графике (арабской, латинице, кириллице). Заметим, что нотная запись образцов фольклора обуславливает разработку системы специальных знаков и обозначений для более точной передачи особенностей «народного» исполнения. К слову, сборников с нотными⁴ примерами исполнения не так много, хотя напевы или макамы⁵ — не менее важная часть культурного кода татарского народа, его отличительная черта. При ознакомлении с данным трудом, нашему вниманию открылись некоторые вопросы, которые, на наш взгляд, требуют внимания. Автор ответственно подошел к текстам: в начале

каждой тематической главы представлен арабский текст основного материала, которому будет посвящена глава, и его транскрипция на латинице⁶; внутри главы примеры представлены уже на кириллице (татарский алфавит, что отражает произношение информатора, говорящего в жизни соответственно на татарском языке); приведены сноски на редко используемые татарские слова). Несмотря на это, остаются некоторые сложности: внутри глав встречаются слова, выражения, которые могут быть непонятны человеку, который говорит на татарском, например, только в быту или не знает устаревших слов. Особенно это касается образцов, записанных на определенном диалекте и оставленном в таком виде. Сложнее дело обстоит с арабскими текстами: в некоторых примерах возникают выражения, которых не было в упомянутом предисловии к главе. Так как переданы тексты в виде транскрипции нередко с наличием редукции информатора (или влияния устной передачи между людьми), сложно сразу догадаться о значении слова, учитывая тот фактор, что ни на кириллице, ни на латинице невозможно полноценно отразить фонетику арабского алфавита, по причине которого может в корне измениться смысл.

Обсуждение. Мы с вами видим, что мунаджаты достаточно обширно рассматриваются литературоведами, фольклористами и музыковедами. Вместе с тем, в число тех, объектом научного исследования кого являются мунаджаты, М. Бакиров включает и «отрасли науки, изучающих религиозное искусство» [1, с. 333]. Мы бы хотели раскрыть, расширить этот пункт и найти в содержании мунаджатов предмет исследования и для теологов/богословов.

Из-за утраты за 70 лет атеистической идеологии, наряду со сменой графики и неумением обратиться к многовековому наследию татар, немалого количества знаний о проверенных веками мусульманских традициях, истории их закрепления, с одной стороны, и всегда витающей в воздухе идеи, что все новое обязательно прогрессивно, — с другой, татарский народ остается уязвимым для проникновения утопических реформаторских мыслей, что может вести к отказу от опыта предыдущих поколений и отрицанию правильности их соблюдения религии.

Положительная роль религии в сохранении народа в целом очевидна как для простого человека, так и для исследователей, не раз подчеркивавших этот факт в истории татарского народа, как упоминалось выше. Нам видится применимость мунаджатов в процессе восстановления идентичности народа и укрепления религиозной образованности, привития уважения к предыдущим поколениям и их наследию, в частности в вопросах религии. В. Якубов

⁴ Сборник сопровождается CD-диском с записями некоторых номеров. А в свою очередь, в сборнике «Мөнәжәтләр — жан авазы» (Казан, 2022) услышать исполнение информаторов можно, перейдя по QR-коду с листа книги в интернет.

⁵ Здесь — мелодические принципы декламации Корана, азана и т.п.

⁶ Хотя данный момент нам непонятен, так как на латинице, как и на кириллице, невозможно передать особенностей арабского алфавита и фонетики. Если рассматривать транскрипцию на латинице предназначенной для иностранцев, желающих познакомиться с татарской культурой — то ведь тогда была бы и вводная статья на английском, транскрипция и перевод татарских текстов. Представляется разумным считать, что текст на латинице предназначен для тех, кто не знает алфавита татарского языка.

приводит следующие созвучные слова Ю.Мезера: «У меня нет оснований считать, что наши предки были глупцами» (Цит. по: Шацкий Е. Утопия или традиция. М., 1990. С. 228) [13].

Содержание мунаджатов, как и распространенность и долговечность традиции их исполнения, свидетельствуют о том, каким был Ислам у татар: не только о ценностных ориентирах, но и о практическом воплощении Ислама в жизни и местных особенностях и обычаях.

В текстах мунаджатов отразилась многосторонняя религиозная образованность, или осведомленность и тех, кто их сочинял, и тех, кто исполнял, передавал и сохранял, а значит мог оценить по достоинству эти тексты — память народа подтвердила необходимость и выверенность смыслов. Учитывая этот факт и то, что Ислам охватывает все сферы жизни мусульманина, и помогает выстроить ее гармонично, в мунаджатах можно найти информацию как о вероубеждении, так и об основах поклонения, нравственности, жизнеописании Пророка, об истории других пророков и т. д. Ниже мы приведем несколько примеров мунаджатов в подтверждение данного тезиса.

Утверждение М. Бакирова, что мунаджаты, занимают «промежуточное положение между фольклором и письменной литературой» [1, с. 326], а значит не были только переходящими из уст в уста народными текстами, но и письменно зафиксированными литературными произведениями, дополняется мыслью Г. Сайфуллиной: «Наверное, нет поэта или религиозного мыслителя, который не обращался бы к этой форме высказывания в своем творчестве. Это фигуры разного времени и масштаба: Мухаммадьяр (ум. 1550), Кул Шариф (ум. 1551), Мухаммад-Амин (XVI в.), Г. Утыз Имяни (1754–1834), А. Каргалый (1782 — после 1833), Г. Кандалый (1797–1860), Шамсетдин Заки (1825–1865), Мулла Садык Иманколы (1870–1932), Габдулла Тукай (1886–1913) и др., но все они мыслили мунаджат как исповедальное обращение к Аллаху, как и авторы других эпох» [7, с. 23]. А также она упоминает о том, что среди публикуемой и читаемой татарами в начале XX литературы были суфийские тексты: мунаджаты персоязычных и тюркоязычных авторов [7, с. 22].

Так, с похожими содержаниями и формой приходят мунаджаты без установленного авторства [3, с. 276, 278] и принадлежащий перу Г. Утыз Имяни «Аерма безне Коръәннән» («Не лишай нас Корана [о Всевышнего]») [3, с. 484]. Коротко рассмотрим последний: в данном мунаджате-мольбе человек обращается к Господу с просьбой одарить его Раем, крепкой верой, знаниями, праведными деяниями, здоровьем; облегчить допрос в могиле, взвешивание деяний (Мизан) и прохождение моста (Сырат) в Судный день; защитить от унижения нищеты и долгов, грехов, врагов, болезней, и др.:

*Шушы дүрт нәрсәне, Раббым,
Сорыймын ялварып синнән,
Бере — җәннәт, бере — хөрмәт,
Бере — нигъмәт, бере — Иман...*

В «Әвидаг»⁷ и «Мәрхәбә!»⁸ выражается радость по поводу наступления священного месяца Рамадан, сообщается о его достоинствах и о других аспектах религии:

Ошбу айда Коръән иңди, аят-айат бәйинәт... [6, с. 59, номер 20]

«В этот месяц был ниспослан Коран — ясное знамение и верное руководство для людей...»

*Бер пәйгамбәр дүрт хәлифә дүрт имам,
Хәкми кылдың биш намазны сөбхишам*

— упоминается о четырех праведных халифах, правивших после Пророка, мир ему и благословение Аллаха, и о пяти обязательных молитвах [6, с. 67, номер 25]

*Хак Тәгалә лотыйф әйләп шәһри Рамазан иңдерде,
Колларына шәфкать итеп(е) рәхмәт аен иңдерде* [6, с. 81, номер 30].

«Всевышний Аллах одарил людей благословенным месяцем Рамадан:

*месяцем священным и почетным,
месяцем особой милости и прощения»*

*Кәлдеген(е)дә мәләик(е)ләр йир йөзәнә иңәрләр,
Мөзминләргә сәлам әй(е)ләр, мәғфирәтне сорарлар* [6, с. 95, номер 38]

«В этом месяце ангелы будут молить Господа о безопасности, благости и прощении для верующих»

В другом мунаджате, «Кәлдә аваз» [6, с. 145, номер 60], приуроченном Маулиду⁹ (рождению Пророка), мы узнаем основные факты о жизни Пророка, мир ему и благословение Аллаха, к примеру: о потере родителей, о первых мусульманах, последовавших за Мухаммадом, о состоянии идолопоклонничества в его время, — а также получаем наставления быть достойными последователями лучшего из людей, чаще поминать Всевышнего, прославлять Пророка, производить отчет своих совершенных дел, быть благодарным Всевышнему, проявлять терпение и укреплять сердце на истине:

*Әүвәл иман китергәннәрдән: Әбү-Бәкер ирәннәрдән,
Хәдичәдер хатыннардан...*

«Из первых, кто уверовал: Абу Бакр — из мужчин, Хадиджа — из женщин...»

*Ий мөселман, ач күзеңне. Имтихан кыл үз-үзеңне
«О мусульманин, открой глаза. Посмотри на свои дела»
Өч йөз алтмыш сыннарының буыны какишаган,
ауган көн бу*

«День, несущий гибель для трехсот шестидесяти идолов»

*Аллаһының кушканын тыңла, күңлеңне хакка багла
«Повинуясь своему Господу, свяжи свое сердце
с истиной»*

⁷ Музыкально-поэтические произведения, исполняемые в конце месяца Рамадан — прощание с благословенным месяцем. В текстах возможно олицетворение месяца путем обращения к нему, так же и в «мәрхәбә».

⁸ Музыкально-поэтические произведения, исполняемые по случаю наступления священного месяца Рамадан.

⁹ Празднование дня рождения Пророка Мухаммада, мир ему и благословение Аллаха и сами музыкально-поэтические произведения, посвященные данному событию, выражающие почтение Пророку и повествующие о нем.

Г. Сайфулина отмечает, что мунаджаты — ближайший родственник и наследник востребованного среди татар жанра «көйле китап»¹⁰ [7, с. 19]. Среди прочего от него мунаджаты переняли воспитательную функцию. А воспитание в Исламе не привязано только к детскому возрасту: каждый человек должен на протяжении всей жизни заниматься совершенствованием своих морально-волевых и физических качеств. Так, о важности проявления терпения при встрече с невзгодами в тематике мунаджатов и наоборот, воспитании духа посредством мунаджатов религиозной тематики говорится в работах М. Бакирова, А. Садековой и др.

Размышления о неминуемости смерти и забота о своем положении в вечной жизни, будучи одним из важных аспектов в совершенствовании души, часто встречаются в содержании мунаджатов. В мунаджате «Рэхим кылгыл, Тәгалләһ» («Одари Своей милостью, о Всевышний») [3, с. 270] человек обращается к Аллаху, подробно рассказывая и напоминая себе и нам о неизбежном дне, когда душа покинет тело и человек не сможет добавить в свою пользу ни одного доброго дела, дне, когда тело его омоют, завернут в саван и понесут на кладбище. В качестве кульминации выступает просьба к Аллаху облегчить допрос в могиле:

— Динең ни дин? — диярләрсә,
— Кем колы сән? — диярләрсә,
— Кем өммәте? — диярләрсә,
Әсәп кыйлгыл, Тәгалләһ...

Призывает нас вовремя одуматься и проанализировать происходящее и мунаджат «Менә шундый заман житәр» [3, с. 28, 31, 34, 36], который приходит в нескольких вариантах. Здесь повествуется о временах, которые по тем или иным параметрам характерны для многих эпох: будут забываться моральные ценности; люди оставят послушание Творцу и Его предписаний: молитвы, почтение к родителям, родственникам, исполнение договоров, соблюдение справедливости, проявление стыдливости, скромности, терпеливости; люди будут строить высокие дома, делать все, что придет на ум, но не будут счастливы:

...Биналары биек булыр,
Эче тулы жиһаз булыр,
Дин дөнъясы бозык булыр,
Менә шундый заман килер.
Галимнәре вәгазә сөйләр,
Кайберләре гайбәт сөйләр,
Адам хәвеф белән үләр,
Менә шундый заман житәр...

Мунаджаты могут служить островом спасения, умиротворения и, главное, возвращения к вечным ценностям

в суе нового времени. В этой связи особую ценность имеет сохранение аутентичности исполнения без лишнего осовременивания, которое смещает внимание с содержания на второстепенные элементы.

К сожалению, в рамках данной работы невозможно охватить и осветить все грани предмета нашего исследования. Подводя итоги, выделим, что мунаджаты:

— описывают исполнение татарами положений и обрядов Ислама (молитвы, пост, проводы человека в последний путь, отношения родителей, ответственность за свое положение в Судный День и др.);

— доказывают на закрепившиеся традиции и практики их проведения/исполнения (зикры¹¹, салаваты¹², мәрхәбә (мархаба), элвидаг (элвидаг/альвидаг), Маулид и др.);

— показывают уровень знания татарами языка Корана, религиозной образованности и осознанности народа в отношении себя и воспитания следующих поколений;

— способны помочь человеку вернуть спокойствие в век хаоса и постепенного поворота к духовности.

Хотим обратить внимание и на то, что в работах о татарском фольклоре нужно быть аккуратным и точным в предоставлении информации об Исламе, говоря о нем ввиду их тесной связи, так как небрежность в данном вопросе приводит минимум к двум последствиям. Во-первых, нетрудно представить, как читатель, доверяя исследователю, может без критической оценки принять такую информацию как истинную¹³, во-вторых, у человека, сведущего в религиозных вопросах, из-за обнаруженной ошибки могут невольно возникнуть сомнения по отношению к остальной части работы автора.

Мы нуждаемся в истинных знаниях, уважении к истории своего народа и веками выверенных именно для нашей местности и условий практических указаниях. В качестве одного из вспомогательных средств на пути к достижению данных целей могут выступить мунаджаты. И. В. Таньчева подчеркивает: «Этнокультурная идентичность народа складывается в результате знания событий своей истории, литературы, культуры, уклада жизни народа, признания сложившихся духовным ценностей и традиций, развития языка, образования, сохранения культурной самобытности» [11, с. 734]. В настоящее время становится все более заметным возвращение традиции, культуры исполнения мунаджатов. Организуются коллективы при мечетях, проводятся конкурсы исполнителей и, что важно, целью данных конкурсов является не просто получение эстетического удовлетворения. Растет осознание ценности жанра для сохранения «лица» народа,

¹⁰ Мелодизированное чтение книжных текстов.

¹¹ Поминание Аллаха, например, словами «ля иляха илляЛлах», «субханаЛлах», «альхамдулиЛлях», «Аллаху акбар» и т.д.

¹² Произнесение благословений на Пророка Мухаммада, мир ему и благословение Аллаха. Например, «Аллахумма салли ‘аля сайидина Мухаммадин уа ‘аля аали сайидина Мухаммада» — «О Аллах, благослови нашего господина Мухаммада и его семью» или фраза «мир ему и благословение Аллаха».

¹³ Особенно, как бы примитивно не звучало, если у автора ФИО татарское, а у читателя срабатывает связка: «татарин — значит мусульманин, значит знает». Пусть Аллах убережет нас от ошибок.

для воспитания молодого поколения и для распространения общечеловеческих принципов, которые и являются ценностями Ислама, таких как: милосердие, безопасность, любовь, прощение, сохранение института семьи.

Литература:

1. Бакиров М. Х. (р. 1933) Татарский фольклор / Марсель Бакиров; Министерство культуры Республики Татарстан, Республиканский центр развития традиционной культуры, Казанский (Приволжский) федеральный университет. — Казань: Ихлас, 2012. — 399 с.
2. Мөнәжәтләр — жан авазы / Жыентыкны төзүче, сүзлек һәм искәрмәләрне әзерләүче: фәлсәфә фәннәре кандидаты Р. М. Гайфетдинова, кереш мәкаләне язучы: филология фәннәре докторы, профессор Т. Н. Галиуллин. — Казан, ИП «Мусабирова Р. М.», 2022. — 94 б.
3. Мөнәжәтләр / мөхәррир Ф. Хужахмәт; кереш сүз авторы — А. Садыкова. — Казан: Милләт, [2016?] — 511 б.
4. Мөфти ярдәмчесе Резеда Закирова: Мөнәжәтләр милләтнең йөз аклыгын саклай. [Электронный ресурс] // URL: <https://tatar-inform.tatar/news/mofti-yardamcese-rezeda-zakirova-monaatlar-millatnen-ioz-aklygyn-saklyi-5913630> (дата обращения: 10.11.25)
5. Музыка в тюрко-мусульманском мире: светское и религиозное: Материалы Международной научной конференции, Казань, 14–16 ноября 2018 года. — Казань: Казанская государственная консерватория имени Н. Г. Жиганова, 2022. — 266 с.
6. Музыка религиозных праздников = Дини бәйрәмнәр музыкасы: татаро-мусульманская традиция / сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Софийской; науч. ред. Г. Р. Сайфуллина. — Казань: Татарское книжное издательство, 2019. — 286, [1] с. + 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) (Антология татарской богословской мысли)
7. Сайфуллина, Г. Р. «Көйле китап» и мунаджат в контексте общеисламской традиции / Г. Р. Сайфуллина // Из истории татарской музыкальной культуры. — Казань: Казанская государственная консерватория (академия) им. Н. Г. Жиганова, 2010. — С. 7–31.
8. Сулейманова Г. К. Обзор классификаций мунаджатов татар Поволжья в историческом контексте // Вестник ЧГАКИ. 2022. № 1 (69). [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-klassifikatsiy-munadzhatov-tatar-povolzhya-v-istoricheskom-kontekste> (дата обращения: 21.11.2025).
9. Сулейманова, Г. К. Функциональные особенности мунаджатов татар Поволжья как культурного явления / Г. К. Сулейманова // Культурология в теориях и практика: к 30-летию кафедры культурологии МПГУ: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 ноября 2021 года / Сост. И. Б. Пржиленская, И. А. Купцова, под редакцией А. А. Шевцовой, Е. М. Шемякиной. — Москва: Московский педагогический государственный университет, 2022. — С. 278–284.
10. Сулейманова, Г. К. Этнокультурная идентичность и модели ее объективации (на примере мунаджатов татар Поволжья) / Г. К. Сулейманова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. — 2021. — № 4. — С. 13–19.
11. Таньчева, И. В. Этнокультурная идентичность субъекта / И. В. Таньчева // Этнокультурное образование в современном мире: Сборник научных статей по материалам Всероссийской очно-заочной научно-методической конференции, Саратов, 18–20 апреля 2017 года / Научный редактор Е. А. Александрова. — Саратов: Издательство «Перо», 2017. — С. 733–737.
12. Хасанова, А. Н. С. Габяши и традиция чтения молитв в музыке композиторов Татарстана / А. Н. Хасанова // Музыка. Искусство, наука, практика. — 2019. — № 2(26). — С. 42–53.
13. Якубов В. Татарское «богоискательство» и пророческий Ислам. [Электронный ресурс] // URL: <https://web.archive.org/web/20090213121810/http://imancentre.ru/tatar.htm> (дата обращения: 01.12.25)

ПРОЧЕЕ

Анализ показателей производственного травматизма
в угольной промышленности за период с 2020 по 2024 год

Бенца Владислав Васильевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Ефремова Елена Витальевна, доцент
Московский политехнический университет

В статье авторами анализируется производственный травматизм в угольной промышленности в период с 2020 по 2024 год в Российской Федерации, выявляются основные причины травматизма работников.

Ключевые слова: производственный травматизм, угольная промышленность, Российская Федерация.

Угольная промышленность является одной из отраслей топливно-энергетического комплекса Российской Федерации. Уголь остаётся самым востребованным и наиболее доступным видом топлива, несмотря на многочисленные попытки перехода на альтернативные источники энергии.

В недрах нашей страны содержатся значительные запасы угля. По данным Центрального диспетчерского управления топливно-энергетического комплекса на 01.01.2024 года добыча угля на территории Российской Федерации осуществлялась на 179 угольных предприятиях, в том числе на 52 шахтах и 127 разрезах [3].

Добычей угля называется процесс извлечения полезного ископаемого из недр открытым (в карьерах) или подземным (в шахтах) способом. По данным Федерального государственного бюджетного учреждения «Российское энергетическое агентство» Министерства энергетики Российской Федерации доля добычи угля открытым способом в общем объеме добычи угля в 2024 году составила 78,4 % [2].

Традиционно уголь добывается в следующих регионах России: Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия, Республика Тыва, Сахалинская область, Иркутская область, Красноярский край, Забайкальский край, Кузбасс.

Обратимся к открытым статистическим данным Министерства энергетики Российской Федерации и увидим объемы добычи угля в период с 2020 по 2024 год (рис. 1) [4].

Рис. 1. Объемы добычи угля в России (тыс. тонн) в период с 2020 по 2024 год

Обратимся к данным Федеральной службы государственной статистики и увидим, что по состоянию на конец 2024 года удельный вес численности работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, от

общей численности работников угольной промышленности составляет 79,6 % (каждый работник учитывается только один раз независимо от количества действующих на него вредных и опасных производственных факторов), то есть 114,4 тысяч человек от 143,7 тысяч человек [5].

На рис. 2 представлены показатели удельного веса численности работников, занятых под воздействием вредных и (или) опасных факторов производственной среды и трудового процесса (один и тот же работник, условия труда которого отнесены к вредным и (или) опасным условиям труда по нескольким факторам, учитывается по всем этим факторам), от общей численности работников угольной промышленности в 2024 году.

Факторы производственной среды и трудового процесса	Удельный вес численности работников от общей численности (в %)	Численность работников от общей численности (тыс. человек)
Химический	6,4	7,3
Биологический	0,1	0,1
Аэрозоли преимущественно фиброгенного действия	35,8	40,9
Шум, ультразвук воздушный, инфразвук	45,6	52,2
Вибрация (общая и локальная)	23,3	26,6
Неионизирующее излучение	1,3	1,5
Ионизирующее излучение	0,0	0
Микроклимат	15,5	17,7
Световая среда	17,4	19,9
Тяжесть	59,6	68,2
Напряженность	2,4	2,7

Рис. 2. Показатели удельного веса численности работников, занятых под воздействием вредных и (или) опасных факторов, от общей численности работников угольной промышленности в 2024 году

Рассмотрим статистические данные Федеральной службы по труду и занятости (далее — Роструд) в части производственного травматизма в угольной промышленности за последние 5 лет (рис. 3) [6].

Статистика несчастных случаев в угольной промышленности анализировалась по кодам 05–05.20.2 (добыча угля) раздела В (добыча полезных ископаемых) Общероссийского классификатора видов экономической деятельности, утвержденного [1].

Год	Объем добычи угля (тыс. тонн)	Количество НС на производстве	Количество НС, не связанных с производством
2020	402 027,5	66	28
2021	438 443,2	80	29
2022	443 555	75	15
2023	438 707	92	35
2024	438 600	88	31

Рис. 3. Показатели объемов добычи угля в России и количества несчастных случаев в угольной промышленности в период с 2020 по 2024 год

Опираясь на данные рис. 3, можно заключить, что на протяжении 5 последних лет в угольной промышленности стабильно сохраняется достаточно высокий относительно других отраслей промышленности уровень производственного травматизма. Наибольшее количество несчастных случаев пришлось на 2021, 2023 и 2024 годы. Также можно отметить

прямую взаимосвязь между количеством произошедших несчастных случаев на производстве и объемом добычи угля. Количество несчастных случаев на производстве увеличилось с увеличением объема добычи угля.

Показатель непроизводственного травматизма в угольной промышленности по сравнению с показателем производственного травматизма в среднем почти вдвое ниже, однако на протяжении последних лет он сохраняет стабильность, не демонстрируя тенденции к снижению.

Отрасль угольной промышленности входит в вид экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых». Рассмотрим какое место по уровню производственного травматизма занимает группировка добычи угля по отношению к другим группировкам данного вида экономической деятельности согласно статистическим данным Роструда в период с 2020 по 2024 год (рис. 4) [6].

Год	Добыча полезных ископаемых				
	Добыча угля	Добыча нефти и природного газа	Добыча металлических руд	Добыча прочих полезных ископаемых	Предоставление услуг в области добычи полезных ископаемых
2020	66	95	128	67	38
2021	80	103	145	53	38
2022	75	105	99	64	45
2023	92	88	83	65	67
2024	88	56	87	84	96

Рис. 4. Сведения о количестве несчастных случаев, произошедших на производстве, по группировкам вида экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» в период с 2020 по 2024 год

По данным рис. 4 видно, что за последние 5 лет среди всех группировок вида экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» угледобывающая отрасль стабильно занимает лидирующие позиции по уровню производственного травматизма: 1 место — 1 раз в 2023 году, 2 место — 1 раз в 2024 году, 3 место — 2 раза в 2021 и 2022 годах.

Рассмотрим сведения о количестве зарегистрированных несчастных случаев на предприятиях угольной промышленности согласно статистическим данным Роструда в период с 2020 по 2024 год (рис. 5, рис. 6) [6].

Год	НС, связанные с производством				
	Всего	в том числе:	Групповые НС	НС с тяжелым исходом	НС со смертельным исходом
2020	66		5	39	22
2021	80		5	57	18
2022	75		5	57	13
2023	92		5	64	23
2024	88		5	61	22

Рис. 5. Сведения о количестве несчастных случаев на производстве по степени тяжести последствий в угледобывающей отрасли в период с 2020 по 2024 год

По данным рис. 5 видно, что на протяжении 5 последних лет в угольной промышленности сохраняется тенденция группового травматизма (в период с 2020 по 2024 год ежегодно регистрировалось по 5 групповых несчастных случаев). Начиная с 2021 года количество ежегодных несчастных случаев с тяжелым исходом в угольной отрасли увеличилось почти в 1,5 раза по сравнению с показателем 2020 года, не демонстрируя тенденции к снижению. Усредненный показатель количества произошедших несчастных случаев со смертельным исходом за последние 5 лет в угольной отрасли составляет 20 человек/год.

Год	НС, не связанные с производством				
	Всего	в том числе:	Групповые НС	НС с тяжелым исходом	НС со смертельным исходом
2020	28		0	0	28
2021	29		0	2	27
2022	15		0	0	15
2023	35		0	5	30
2024	31		0	2	29

Рис. 6. Сведения о количестве несчастных случаев, не связанных с производством, по степени тяжести последствий в угледобывающей отрасли в период с 2020 по 2024 год

Опираясь на данные рис. 6, можно четко заметить одну особенность непроизводственного травматизма в угледобывающей отрасли. За последние 5 лет смертельные несчастные случаи в 14 раз превышают несчастные случаи с тяжелым исходом. В период с 2020 по 2024 год ни одного группового несчастного случая зарегистрировано не было.

Результаты контрольно-надзорных мероприятий в области охраны труда позволили выявить причины несчастных случаев на производстве на предприятиях в угледобывающей отрасли в период с 2020 по 2024 год (рис. 7) [6].

№ п/п	Вид (тип) НС	Количество НС				
		2020	2021	2022	2023	2024
1.	Конструктивные недостатки и недостаточная надежность машин, механизмов, оборудования	1	1	2	2	5
2.	Несовершенство технологического процесса	1	4	2	7	6
3.	Эксплуатация неисправных машин, механизмов, оборудования	3	2	2	2	1
4.	Неудовлетворительное техническое состояние зданий, сооружений, территории	1	3	4	6	2
5.	Нарушение технологического процесса	4	15	5	21	19
6.	Нарушение требований безопасности при эксплуатации транспортных средств	2	2	6	0	2
7.	Нарушение правил дорожного движения	2	3	6	3	4
8.	Неудовлетворительная организация производства работ	34	28	29	26	26
9.	Неудовлетворительное содержание и недостатки в организации рабочих мест	0	2	3	3	1
10.	Недостатки в организации и проведении подготовки работников по охране труда	0	4	0	1	2
11.	Неприменение работником средств индивидуальной защиты	0	1	0	1	2
12.	Неприменение средств коллективной защиты	1	0	0	0	0
13.	Нарушение работником трудового распорядка и дисциплины труда	4	5	4	5	2

14.	Использование пострадавшего не по специальности	0	0	1	0	2
15.	Прочие причины, квалифицированные по материалам расследования несчастных случаев	13	10	11	15	14

Рис. 7. Сведения о причинах несчастных случаев с тяжелыми последствиями в угледобывающей отрасли в период с 2020 по 2024 год

Опираясь на данные рис. 7, можно заключить, что большинство несчастных случаев с тяжелыми последствиями за последние 5 лет в угольной промышленности произошли по следующим причинам:

- 1 место — неудовлетворительная организация производства работ;
- 2 место — нарушение технологического процесса;
- 3 место — прочие причины, квалифицированные по материалам расследования несчастных случаев;
- 4 место — несовершенство технологического процесса, нарушение работником трудового распорядка и дисциплины труда
- 5 место — нарушение правил дорожного движения.

Итак, проведенный анализ производственного травматизма в угольной промышленности в период с 2020 по 2024 год показал, что:

1. Угледобывающая отрасль стабильно занимает лидирующие позиции по уровню производственного трав-

матизма среди всех группировок вида экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых»;

2. Количество несчастных случаев на производстве увеличилось с увеличением объема добычи угля;

3. Производственные травмы превышают производственные в среднем почти в три раза;

4. Показатели несчастных случаев на производстве за последние 5 лет остаются стабильными, не демонстрируя тенденции к снижению. Несчастные случаи с тяжелым исходом превалируют над смертельными в среднем в 3 раза, а над групповыми в среднем в 11 раз.

5. Производственный травматизм в угольной промышленности обусловлен следующими тремя основными причинами:

- 1 место — неудовлетворительная организация производства работ;
- 2 место — нарушение технологического процесса;
- 3 место — прочие причины, квалифицированные по материалам расследования несчастных случаев.

Литература:

1. Приказ Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029–2014 (КДЕС Ред. 2) и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034–2014 (КПЕС 2008)».
2. Доклад о реализации в 2024 году Программы развития угольной промышленности России на период до 2035 года. — Текст: электронный — URL: <https://minenergo.gov.ru/industries/coal/about> (дата обращения: 09.01.2026).
3. Официальные статистические данные Министерства энергетики Российской Федерации. — Текст: электронный — URL: <https://minenergo.gov.ru/industries/coal/about> (дата обращения: 09.01.2026).
4. Официальные статистические данные Министерства энергетики Российской Федерации. — Текст: электронный — URL: <https://minenergo.gov.ru/industries/coal/main-indicators/coal-mining> (дата обращения: 09.01.2026).
5. Официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики. — Текст: электронный — URL: https://rosstat.gov.ru/working_conditions (дата обращения: 09.01.2026).
6. Официальные статистические данные Федеральной службы по труду и занятости. — Текст: электронный — URL: <https://rostrud.gov.ru/main/> (дата обращения: 09.01.2026).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 2 (605) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 21.01.2026. Дата выхода в свет: 28.01.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.